

Мортарион: Бледный Король / Mortarion: The Pale King (новелла)

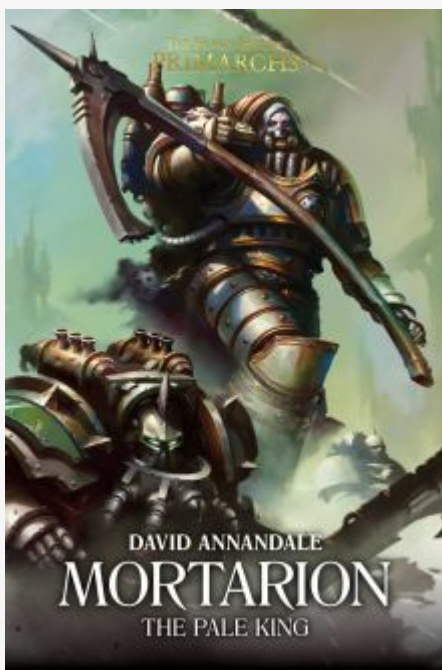

Перевод в процессе: 10/14

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 10 частей из 14.

Мортарион: Бледный Король / Mortarion: The Pale King (новелла)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Luminor
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Примархи / Horus Heresy: Primarchs
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

Сюжетные связи

Предыдущая книга [Приговор косы / The Verdict of the Scythe](#)

□

Содержание

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Пролог

Абсиртус пылал. На какое-то мгновение пламя скрылось под покровом густого мрака планетарной атмосферы. С орбиты поверхность мира было не видеть, а начальная фаза испепеления началась в куда более глубоком месте. Стоявший на командной палубе штурмового барка «Четвёртый всадник» Мортарион созерцал планету, которую осудил. Он знал, что происходило там, внизу, ведь всё это разворачивалось в полном соответствии с его приказом. В скором времени он сможет узреть плоды своего осуждения.

Абсиртус пылал изнутри. «Четвёртый всадник» выпустил двухступенчатые циклонные торпеды. После столкновения ракет с поверхностью заработали колоссальные мелта-резакки, прорезавшие путь к самому сердцу планеты. Торпеды продолжали спускаться сквозь планетарную кору и мантию, при этом жар от их продвижения превышал температуру окружающей среды.

Мортарион знал, когда торпеды достигнут ядра. Он знал, не отсчитывая мгновений и не сверяясь с хронометром. Знал потому, что именно он и был смертью Абсиртуса, в то время как ракеты — всего лишь продолжением его воли, его руки. Он владел ими столь же безраздельно, как и своей косой.

— Сейчас, — прошептал примарх, возвещая о детонации циклонных плазменных зарядов в ядре планеты.

Расположившаяся по соседству Кинис кивнула, в почтительном молчании наблюдая за этой манифестацией правосудия. Крепостная была скорее любимой ученицей, нежели служанкой. Она усвоила все уроки Мортариона и обучила его заповедям тысячи смертных, трудившихся во благо легиона. Рождённая не на Терре и не на Барбарусе, она символизировала единство всех аспектов Гвардии Смерти, и её уровень понимания оных был весьма глубоким.

Смерть выплеснулась из ядра Абсиртуса. Она поднялась, когда ядро дестабилизировалось, и силы разрушения ударили вовне. Планетарная кора была наиболее тонкой и хрупкой из покровов планеты, и она рассыпалась под яростным воплем нутра Абсиртуса. Короткое время, отведённое жизни на поверхности для того, чтобы осознать приближение конца и убедиться в его справедливости, истекло.

— А теперь... — продолжил Мортарион, поднимая руку.

В ответ на его жест атмосфера вспыхнула ярко-оранжевым, пронизанным проблесками ослепительного света.

А затем ощущавшийся на далёком расстоянии вопль исчез в пустоте. Сквозь главный армированный смотровой экран Мортарион наблюдал за крошечным солнцем, сияющим в миг своего рождения и практически одновременной гибели. И когда это сияние померкло, а белое сменилось ярко-красным, стали видны осколки планеты, разлетевшиеся, словно кометы в подобных слезам огненных полосах, которые тянулись вслед за постепенно исчезающей во мраке кувыркающей твердью.

— Сделано, — закончил Мортарион. Абсиртус исчез, как и все его прегрешения. Мир, посвятивший себя колдовству, спасти было невозможно. — Скажи мне, — обратился он к Кинис, — что ты видишь там, снаружи?

— Вижу отлично выполненную работу, милорд, — ответила Кинис. Правая сторона её лица представляла собой металлическую реконструкцию, в связи с чем её голос отзывался эхом. Правая нога тоже была бионической, без искусственной плоти, способной улучшить внешний облик или же скрыть ненатуральную природу конечности. Вместо руки с той же стороны тела торчал механодендрит, и она научилась весьма выразительно скручивать его или же растягивать на всю длину.

— Извлекла ли ты урок из произошедшего? — поинтересовался Мортарион.

— Очередное подтверждение, милорд, — отозвалась Кинис, — того факта, что вы выполняете то, что должно — как и всегда.

— Как и всегда, — повторил Мортарион себе под нос. Абсиртус стал испытанием, притом необходимым. Здесь он попытался пойти иным путём. Сдерживал свои силы во время первой планетарной высадки. Предоставил местному населению больше шансов, чем дал бы в прошлом. Поначалу казалось, что Абсиртус с готовностью пойдёт на уступки и что его эксперимент увенчается успехом. Но капитуляция оказалась ложной, всего лишь предлогом для того, чтобы сберечь убеждения, от которых её народ никогда не откажется.

Мортарион попытался идти по пути, навязанному его братьями. Он поступил неправильно. С уничтожением Абсиртуса он стёр свою ошибку и терзавшие душу сомнения.

— Мы — коса Императора, — изрёк он. — Остановить нашу руку — всё равно что попытаться остановить длань самой Смерти. Это неестественно.

— Вы позволите говорить свободно, милорд? — попросила Кинис.

— Позволяю.

— Вы выглядите таким... — Кинис запнулась, подбирая верное слово.

— Я бы советовал тебе не говорить «таким довольным», — предупредил Мортарион, — уничтожение Абсиртуса не назовёшь поводом для радости. Но тогда... *что же это?*

— В смерти нет радости, — ответила Кинис, — но есть необходимость.

— А в признании необходимости есть место удовлетворению. Верно. Продолжай.

— Я хотела сказать, милорд, что чувствую в вас новую форму решимости.

— Решимости, — повторил Мортарион. Примарх хмыкнул, и это выражение эмоций было максимально близким к веселью за всю его жизнь. *Решимости, да. И своего рода определённости.* Но наряду с уверенностью оставались сомнения и вопросы. Некоторые из них появились год назад. Другие таились в его сердце гораздо дольше, но тогда он только начал их формулировать, и все они вели к ответам, лицезреть которые было нельзя. Пока что.

Мортарион оглядел мостик «Четвёртого всадника». Это был славный корабль, славный и жестокий. «Всадник» сослужил примарху добрую службу на Галаспаре, и это само по себе было уроком, хотя осознание данного факта пришло к нему только сейчас.

— Да! — сказал Мортарион. — Моя решимость была испытана и отточена. Абсиртус знаменует собой конец дискуссии.

— С кем, милорд?

— С самим собой. И с остальными. — *«Дискуссии, — подумал он. — До чего же неверное слово».* — Тебя не было на этой самой дискуссии, Кинис. Она началась во время моего возвращения на Галаспар. — Челюсти примарха сжались от гнева, столь же свежего, как и в тот день, когда это произошло. — Моего триумфального возвращения, — примарх буквально выплюнул последние слова, и каждый их слог сочился ядом.

Глава 1

Год назад

На борту боевой баржи «Коса жнеца»

Мортарион шагал по коридорам корабля, и члены экипажа спешили убраться с его пути, словно птицы, спасающиеся от бури. Он только что вернулся на борт и держал путь из ангаров к своей каюте. Примарх остановился на мостике, чтобы дать краткие инструкции капитану корабля, и «Коса жнеца» направилась по новым координатам, оставив позади остальные флотские силы Гвардии Смерти. И теперь, пока Мортарион ступал, перед повелителем XIV легиона расступалась тишина, а за ним тянулся шлейф тревоги. Он был холодным гневом и обещанием смерти, что проносилось сквозь мрак сводчатых залов его флагмана. Даже сыновья Четырнадцатого примарха знали, что в эти минуты лучше не приближаться к нему. Все они видели гром на его бледном челе, и потому предоставили ему возможность оставаться во власти ярости.

Все, за исключением Каласа Тифона. Он последовал за Мортарионом с самого мостика. Примарх знал о том, что Калас движется в паре шагов позади. Тифон уважал гнев Мортариона, но вместе с тем сохранял настойчивость. Наконец, у дверей в свои покои Мортарион остановился и обратился к воину.

— Задавай свой вопрос, — сказал он. Они были одни. Голос Мортариона отразился эхом от белых, словно

кости, колонн, которые торчали подобно рёбрам гигантского зверя вдоль всего главного коридора.

— Почему мы возвращаемся на Галаспар, милорд? — спросил Тифон.

— Потому что этого хочет Император.

Тифон выглядел сбитым с толку.

— Но ведь его покорение закончилось. Галаспар уже приведён к Согласию.

— А вот уроки, что мы должны извлечь из этого — ещё не усвоены.

Тифон какое-то время хранил молчание. Его глаза задумчиво сузились, тёмные глаза, глубоко запавшие, расположенные под тяжёлым лбом. Борода наполовину закрывала рот легионера. Тифон умело скрывал свои собственные мысли, и мало кому было под силу прочесть его, если он сам того не желал.

Наконец, он ответил.

— Я бы подумал, что это мы преподаём другим уроки Галаспара.

Другим. Тифон попал в яблочко. У него было некоторое представление о том, кто может ожидать встречи с «Косой жнеца» у Галаспара. Мортарион задался вопросом, о скольком ещё его сын догадался и старается не говорить.

Примарх подумал о том, что бы он мог рассказать Тифону, но не стал этого делать. Не стал говорить о своей встрече с Отцом на борту «Буцефала».

Мортарион никогда не чувствовал себя комфортно на борту боевой баржи своего прародителя. Золотой корабль являл собой истинного колосса славы, великолепии, созданное в равной степени воинской силой и гением ремесленника. Прогулка по залам «Буцефала» означала возможность лицезреть физическое воплощение силы и искусства. Даже сам внешний облик могучего корабля был обещанием Великого крестового похода и мечты Императора для человечества, и Мортарион сам приложил руку к воплощению этой мечты. Однако эта роль, как он её понимал и как в неё верил, имела мало общего со славой. Золото было роскошью, а роскошь оставалась чуждой Мортариону. Ей не было места ни на Барбарусе, ни в потребностях самого примарха.

Так что он не ожидал триумфальных лавров, когда прибыл на «Буцефал», чтобы встретиться с Отцом после своего первого завоевания. Мортарион покорила Галаспар, потому что это было необходимо не только для дальнейшего продвижения Великого похода, но и для него самого. Он сокрушил эту порочную империю не в надежде на отцовскую похвалу.

Чего он не ожидал, так это печали.

Это удивило его. Смутило его.

— Разве я не сделал того, о чём меня просили?

В ответ — медленный кивок Императора. Признание того факта, что Мортарион выполнил свою задачу, всё верно. Но вот только эти глаза... Глаза золотого существа, которое во многих отношениях оставалось для Мортариона столь же чуждым, как и в тот день, когда Он впервые появился на Барбарусе. Глаза, глядевшие на примарха с печалью. И с новой заповедью.

— Возможно, мы и доставим наш урок, — сказал Мортарион Тифону, зная, что ни один из собеседников

не верит в это. — Там нас будет ждать парочка моих братьев.

Миры скопления Галаспар всё ещё продолжали гореть. Угли короткой войны вспыхивали и тлели, отмеченные короткими обрывками сигналов, принятых и переданных вокс-офицером «Косы жнеца». Стоя у командной кафедры, что возвышалась над стратегиумом в центре мостика, Мортарион почти что ощущал аромат смерти империи Ордена сквозь вакуум. Он прошёл через всё скопление Галаспар, и свидетельства его ухода можно было найти повсюду. Именно там, во фрагментах вокс-передач, отмечалось окончательное крушение тирании. Их можно было услышать в сигналах транспондеров имперских кораблей, пересекавших ту самую область, одно лишь появление в пределах которой совсем недавно означало смерть.

Следы былой активности примарха также были прекрасно видны через центральное окно мостика, когда «Коса жнеца» приблизилась к самому Галаспару. Ближнее пространство планеты, далеко за пределами её непосредственной орбиты, засорял космический мусор. Мимо боевой баржи пронеслись чёрные, выжженные обломки того, что некогда было мониторами-крепостями — безмолвное свидетельство трудов Мортариона. Некоторые из обломков были настолько большими, что определить их былую принадлежность не составляло особого труда. На глазах у Мортариона проплыл корабельный нос, медленно вращавшийся из стороны в сторону. Дальше виднелась часть корпуса со всё ещё закреплённой обшивкой, поперечный разрез давал возможность оценить внутренние разрушения. Однако львиная доля обломков вообще не поддавалась идентификации. Все они были памятниками войне, безмолвными и холодными — войне и взмаху косы Мортариона. Таков был правильный и надлежащий урок Галаспару, свидетельство первого масштабного свершения объединившейся Гвардии Смерти.

«Я сделал это, и я был вправе поступить именно так».

— Отметки нашего путешествия, — прокомментировал Тифон, располагавшийся в нескольких футах от стратегиума.

— Отметки наших достижений, — поправил Мортарион. Он не гордился эстетическим совершенством своей стратегии, в отличие от того же Фулгрима. Это было бы проявлением тщеславия. Мортарион гордился тем, что мог видеть необходимость, а затем осуществить то, что должно.

Пока «Коса жнеца» приближалась к Галаспару, число видимых или сигнализирующих о приближении имперских кораблей возросло.

— Как их много, — заметил Тифон. — Надеюсь, они наслаждаются спокойствием своего полёта.

— Они должны быть благодарны, — ответил Мортарион. *«Они должны быть благодарны мне и моему легиону».*

— Припоминаю наше первое путешествие на эту планету, — сказал Тифон. — Вот уж его гладким-то не назовёшь.

«А я помню жертвы».

— Это было необходимо.

— Входящие приветствия, милорд, — подал голос вокс-офицер.

— От кого?

— Милорд, это «Мстительный дух» вместе с «Алой слезой».

— Флагманы, — отметил Тифон. — Быть может, сбор в нашу честь?

Мортарион не сказал ничего.

— Суд? — недоверчиво прошептал Тифон.

Глава 2

— Пустошь, — произнёс Сангвиний исполненным печали голосом, — кругом лишь пустошь да разруха.

Гор не мог не согласиться со словами брата. Повелитель Лунных Волков и его ангелокрылый родич обозревали масштабы опустошения, стоя на гребне из слипшихся друг с другом обломков. Уровень радиации вокруг был смертельным, оказавшийся в подобной среде простой человек расстался бы с жизнью за считанные минуты. Небеса бурлили коричневым и зелёным, со стоячими маслянистыми слоями всех цветов радуги, что парили в воздухе и напоминали плывущие болота. Кратеры буквально накладывались один на другой, окружённые искорёженными останками боевых машин. На равнине раскинулись танки, многие тысячи танков. Их остовы, почерневшие, разорванные и расплавленные, сливались друг с другом, формируя простиравшуюся до самого горизонта паутину застывшего металла.

— Мы практически созерцаем скульптуру, — мягко заметил Сангвиний. — Почти что произведение искусства по дизайну. Любопытно, что бы подумал Фулгрим, — выдержав паузу, примарх продолжил, — впрочем, не думаю, что он бы её оценил.

На мгновение Гор задумался, не шутит ли Сангвиний. Он бросил взгляд на брата, отметив его мрачно сжатые губы и озабоченный взгляд.

— Пустошь, — изрёк Сангвиний ещё раз.

— Что, хуже лун Ваала? — поинтересовался Гор.

— По-своему да, хуже. Наши пустоши — суть наследие ушедших эпох, болото, из которого наш Отец вытащил каждого из нас. Но они появились отнюдь не сегодня, и уж тем более не являются плодом наших трудов, — он взмахнул рукой, — и над ними не трудились целенаправленно.

Братья-примархи находились в нескольких километрах от внешних стен центрального улья Галаспара. С момента окончания войны прошло несколько месяцев, однако дым всё ещё продолжал извергаться из башен аркологии. Конусообразная громада улья тоже оплыла, город деформировался под ударом молота, которым орудовал Мортарион. Сейчас примархи располагались не с той стороны города, чтобы узреть весь масштаб разрушений, но Гор успел оценить их во время перелёта на поверхность с борта «Волчьего ока», своей личной «Грозовой птицы». Масштабы опустошения были колоссальными.

Затем показались горы тел. То были предгорья громады самого улья, около пятнадцати метров высотой, и по ним карабкались многочисленные рабочие в костюмах радиационной защиты, не занятые — по мнению Гора — никакой конкретной работой. Новые холмы продолжали расти по мере того, как всё больше и больше трупов вывозились из города на борту грузовых транспортов или же стаскивались с равнин бульдозерами.

— Что он натворил? — спросил Сангвиний.

— Ну, мы здесь как раз для того, чтобы понять, — отозвался Гор.

— Мы уже в состоянии понять, что здесь была бойня.

— Во всяком случае, так кажется, — с ноткой осторожности заметил Гор.

— Кажется?

— Не забывай о причинах, по которым Мортариона отправили сюда. Борьба за Согласие звёздного скопления Галаспар могла бы стать куда более долгой и обойтись ещё дороже.

— Не понимаю, какая война могла бы обойтись Галаспару ещё дороже, — ответил Сангвиний.

— Именно, — сказал Гор. — Мы пока не понимаем. Мы не можем судить предвзято в отсутствие всей необходимой информации. Вдобавок мы только-только сюда приехали.

— Приехали, чтобы рассматривать горы трупов.

— Я знаю, — сказал Гор. Он поморщился и положил руку на плечо Ангела. — Однако наше решение не должно быть поспешным. Я понимаю соблазн. Поверь, я испытываю схожие чувства. Уверен, именно поэтому наш Отец и отправил нас с тобой встретиться с Мортарионом. Нам под силу сдерживать первичные порывы друг друга, не причиняя обиды.

— Думаешь, нам придётся взять Мортариона под контроль?

— Понятия не имею. Но вот в чём я абсолютно убеждён, так это в том, что хочу понять — что здесь произошло, и почему. — Гор раскинул руки, окидывая взглядом окружающую разруху. — Возможно, с учётом природы Ордена, это лучший образец достижения Согласия.

— Ты что, действительно в это веришь? — задал вопрос Сангвиний. Гор заколебался, и он продолжил. — Послал бы нас сюда наш Отец, если бы Его порадовало произошедшее?

— Я знаю, во что у меня есть *соблазн* поверить, — ответил Гор, — Между знанием и пониманием лежит долгий путь.

— Ты прав. Но правильно и то, что мы выражаем своё собственное отношение ко всему этому безобразию.

— Согласен, — отозвался Гор, — и как по мне, хорошо, что у нас есть время подумать об этом до прибытия Мортариона.

На лице Сангвиния расцвела улыбка.

— Нам лучше сдерживать свои первичные порывы?

Гор улыбнулся в ответ.

— Мне кажется, будет лучше, если мы поприветствуем его спокойно, а?

— Я думаю, он вряд ли будет в хорошем расположении духа, раз его отзывают обратно. — Сангвиний снова окинул взглядом рабочих, копошащихся среди холмов из мертвецов. — Чем же они занимаются? — пробормотал он.

Они услышали рёв двигателей «Грозового орла» задолго до того, как увидели его. Атмосфера была густой, что твой ил, и боевой корабль «Завершение» поначалу показался огненной полосой во мраке. Облака вспыхнули пламенем при его снижении. Земля содрогнулась от мощи древних реактивных двигателей корабля, пока он замедлялся, готовясь приземлиться на добычу, которую прикончил его хозяин. В конечном итоге «Завершение» село неподалёку от кораблей, доставивших сюда других примархов.

По сравнению с ними свежеприбывшая посудина казалась ничем не украшенной. Оливково-зелёная полоса с эмблемой легиона на крыльях делала ещё более заметным костяной цвет остального корпуса. Машина выглядела грубой и выдавшей виды. Гор с грустью подумал, что это подходящая колесница для его брата.

Боковые двери раскрылись, и одинокая фигура Мортариона вышла наружу. Ступая сквозь застилавшие равнину пепел и дым, он направился к братьям-примархам.

— Позволь мне первым поприветствовать его, — попросил Гор.

Сангвиний кивнул.

Гор спустился с хребта и переступил через обломки, чтобы встретить повелителя Гвардии Смерти.

Броня Мортариона, Барбаранский доспех, представляла собой артефакт, в котором медь каким-то образом выглядела не великолепной, а скорее близкой к оттенку старой кости «Завершения». Это была медь саркофагов и памятников, воспоминаний о тех, кто покинул давным-давно покинул мир живых. Четырнадцатый примарх носил серый плащ с надвинутым на голову капюшоном, и в его тени черты лица казались резкими, словно предостережение. Он был худым, безволосым, с глубоко запавшими глазами. Глубокие морщины на щеках ещё сильнее подчёркивали очертания его черепа, словно кожа примарха была плотным старым пергаментом, тонкой завесой, натянутой поверх тёмной реальности внутри. Повелитель Гвардии Смерти обладал торжественностью траурной зари. Нижнюю половину его лица скрывал ребризер, изготовленный из той же кладбищенской меди, что и отделка его брони. Ядовитые газы выбрасывались из ребризера после каждого вздоха его владельца. Мортарион вдыхал атмосферу Галаспара, смешанную с частичками ядовитого воздуха Брабаруса. Гору показалось, что куда бы ни направился Мортарион, он никогда по-настоящему не покидает вскормивший его ядовитый мир.

Взгляд Мортариона метнулся от Гора к Сангвинию, затем обратно. Его глаза блестели подозрением.

— Я рад тебя видеть, — сказал Гор, подходя ближе.

Мортарион остановился.

— Ты здесь, чтобы приветствовать меня, или это мне стоит поприветствовать вас на Галаспаре?

— Я здесь, чтобы приветствовать тебя как брата — мне кажется, ты и сам знаешь об этом. Равно как и о том, что ни один из нас не собирается предъявлять претензии на этот мир или любой другой из числа приведённых к Согласию. — Гор протянул руку. — Ну же, скажи, что и ты рад меня видеть, Мортарион.

По правде говоря, Мортарион был рад встрече с Гором. Примарх XIV легиона шагнул навстречу братским объятьям. Впрочем, Мортарион быстро покончил с ними, и не из-за какой-то враждебности, но потому, что ему не понравился сам жест. Объятья были обещанием единства и уюта. То есть обещанием иллюзии. Это делало подобные жесты ложью. Он знал, что Гор смотрит на вещи иначе. Но это не меняло

сути. Гор лгал, но только не Мортариону. Он лгал самому себе.

Мортарион придавал гораздо больше значения своей церемонии ядов. Разделить глоток концентрированных токсинов с одним из своих воинов означало признать реальность их жизней. Мортарион и его легионеры стояли друг за друга горой, сражаясь в сплочённости, но никогда не претендовали на то, что высшая истина войны — это что-то иное, кроме смерти. В ядовитом тосте не было обещания, которое нельзя было бы сдержать. Он символизировал признание рисков и неизбежности конца.

Мортарион посмотрел мимо Гора, вверх по склону щебня, туда, где ждал Ангел. Встрече с ним господин Гвардии Смерти радовался куда меньше. Сангвиния настолько поглотила иллюзия благородства, что Мортарион постоянно чувствовал, как Ангел всё время взирает свысока вниз, пока сам кружит вокруг своего недостижимого идеала. Почему их Отец велел Ангелу явиться на Галаспар? Почему нельзя было позвать кого-то вроде Пертурабо? Возможно, тот стал бы союзником. А Сангвиний и Гор были так близки. Мортарион чувствовал собственную связь с Гором, но знал, что она куда слабее уз, соединивших Луперкаля с Ангелом. Он стоял перед единым фронтом, вне зависимости от того, признаются ли в этом эти двое — даже самим себе.

— Ну что ж, — обратился он к Гору. — Я здесь, чтобы отчитываться за свои действия?

— Да, — ответил Гор. — Мне не доставляет удовольствия говорить тебе об этом.

— В том, чтобы выслушивать подобное — удовольствия ещё меньше, — отрезал Мортарион.

Затем он поднялся по развалинам к Ангелу.

— Сангвиний, — произнёс Мортарион будничным и холодным тоном. — Итак, — обратился он к обоим братьям, — ну и что же, по-вашему, я здесь натворил?

— Вопрос не в том, что думаем мы, — отозвался Сангвиний. — Или, по крайней мере, до этого не должно прийти.

— Мы пришли слушать, а не просто наблюдать, — продолжил Гор. — Нам бы хотелось понять.

— Брось эту снисходительность, Гор, — отрезал Мортарион. — Я думал, ты выше этого.

— Никакой снисходительности. Если я когда-нибудь опущусь до неё, то буду неправ, и мне следует указать на мою ошибку. Но я имел в виду именно то, что сказал, брат мой. Мне нужно понять, что здесь произошло. Нам обоим нужно.

— Говорите так, словно исход войны был какой-то загадкой. Я пришёл сюда, чтобы привести Галаспар к Согласию. Я преуспел.

— Случай Галаспара беспрецедентен, — вмешался Сангвиний. — Это не похоже ни на одну из кампаний по приведению к Согласию!

— Что ж, в этом мы солидарны, — ответил ему Мортарион.

— Стало быть, произошедшее может многому научить. — Сангвиний многозначительно помолчал. — *Всех нас.*

«Лукавишь, Сангвиний? Надеюсь, что нет».

— Я *вполне* готов помочь тебе понять, — сказал Мортарион. Он буквально откусывал каждый слог, холодно взирая на Ангела.

Сангвиний ответил на его взгляд.

— Тогда помоги мне понять это. — Он указал в сторону одной из гор трупов. — К примеру, вот эти смертные. Чем они занимаются?

— Подсчитывают погибших членов Ордена, — пояснил Мортарион.

— Зачем это?

— Потому что я приказал.

Сангвиний покачал головой. Он открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но тут в разговор вклинился Гор.

— Это именно то, что мы и хотели бы узнать, — сказал Луперкаль. Он кивнул Сангвинию, тот пожал плечами и на время отставил свои возражения. — У нас есть вопросы касательно кампании, и о том, что осталось после ваших действий. Ясность поможет нам. Как и ты сам, Мортарион.

— Я верю в ясность, — ответил Мортарион, его голос продолжал звучать холодно и монотонно.

— Так ты сможешь нам помочь?

— Ещё бы. — Несмотря на оборонительную позицию, Четырнадцатый примарх чувствовал в некотором роде рвение. Да, они *должны* понять. *Должны* увидеть всю правду о Галаспаре. Пускай займутся своим судом после этого. Быть может, тогда взор прояснится и у самого Отца. — Мне нечего скрывать.

— Мы не имели в виду ничего такого, — поспешил успокоить брата Гор.

— И нас беспокоит вовсе не твоя честность, — вторил ему Сангвиний.

— Тогда что же, моё правосудие?

— Именно так.

Повисла тишина, примархи продолжали бурлить друг друга взглядом. Наконец, Гор прервал её.

— Было бы полезно, — начал он, — если бы у наших летописцев появилась возможность побеседовать с несколькими членами Ордена. Где содержатся заключённые?

— А их нет, — ответил Мортарион.

— Ты их выпустил? — спросил поражённый Гор.

Мортарион фыркнул.

— Разумеется нет. Пленных нет вообще, потому что никто из Ордена не уцелел.

— Ты убил их всех, — промолвил Сангвиний, очевидно, сочтя необходимым констатировать очевидное.

— Ага.

Подтверждение Мортариона сменилось очередным молчанием. Оно продолжалось достаточно долго, чтобы его братья не на шутку встревожились.

— Орден вёл записи, — сказал Мортарион, не обращая внимания на дискомфорт ситуации. — Его архивы колоссальны. Те, что пережили войну, всё ещё целы. Уверен, в них вы найдёте всё, что вам нужно.

— Да будет так, — согласился Гор.

— Мы можем провести наш совет на борту «Косы жнеца», если хочешь, — сказал Сангвиний, и на сей раз его тон казался сочувственным. Выражение в глазах Ангела напомнило Мортариону о печали его Отца, и ему это не понравилось.

— Нет, — отрезал Мортарион. Затем он указал на разрушенный улей. — Пусть ваше *понимание* придёт к вам вон там. Именно там началась битва за Галаспар, там же всё и решилось. Следуйте туда, братья мои. Осмотрите всё, что вам нужно увидеть. Вы хотите знать, как я вёл эту войну и почему? Да будет так.

Глава 3

Мортарион решил познакомить своих братьев с бывшим Галаспаром. Если его настоящее так огорчает их, он заставит родичей взглянуть на прошлое этого мира. Мортарион привёл обоих примархов к высочайшему шпилью центрального планетарного улья, Протаркоса. Внутри него располагался первичный командный центр. Точнее сказать, оболочка того, чем он был когда-то. Несколько проводов свисали с остатков потолка, едва ли напоминая о всевидящем невральном центре, который контролировал тридцать миллиардов жителей на одной лишь столичной планете империи. Пол потрескался, а потолок расплавился, оставив залу открытой потокам ядовитого ветра.

Повинуясь кивку Мортариона, техноадепты пробудили к жизни прошлое Галаспара. Они возродили картины прежних времён с помощью десятка сервочерепов, проецирующих видео— и пикт-потоки на ещё функционировавшие экраны разрушенного паноптикума. Сервочерепа обладали полным доступом к архивам Ордена — записям на всех возможных носителях, избыточных и дублирующих друг друга; таков был памятник мелочности тиранов, переживший созданную ими империю. Архивы представляли собой автопортрет цивилизации, находившейся в смертельном застое, и Мортарион приказал сохранить их. Эти доказательства сэберегут память о прегрешениях Ордена даже после его уничтожения.

Примархи собрались вокруг экранов, впитывая потоки изображений, звуков и текстовых данных, что помогали им сформировать образ мира в своём сознании.

— Вот что здесь царствовало, — произнёс Мортарион. — Вот что я пришёл уничтожить.

Повинуясь командам примархов, сервочерепа продолжали воспроизводить архивную информацию. Поначалу природа власти Ордена над Галаспаром проявлялась лишь в общих чертах, но затем сформировалась в более мелких крупницах страданий.

Со своей орбиты Галаспар выглядел грязно-коричневым шаром, его атмосфера изобиловала твёрдыми частицами, а сернистые облака были насыщены промышленными отходами. За покровом облаков простирался мир, начисто лишённый океанов и пахотных земель. Открытые водоёмы и зелень больше не были даже мифами — об их существовании попросту забыли, а их смерть не оплакивали. Воздух был ничем иным, как средоточием ядов. Земля же представляла собой потрескавшуюся скалистую пустошь, заваленную вокруг ульев множеством обломков и покрытую растущей топографией нечистот.

Дышать воздухом Галаспара было равносильно смертному приговору. Планета веками оставалась

необитаемой, за исключением тридцати миллиардов душ, забитых в аркологии, покрывавшие поверхность мира подобно вулканическим конусам.

Улы вздымались высоко, их шпили врезались в мутные облака планеты. Окон в наружных стенах не было. Прошли столетия с тех пор, как жители планеты — за исключением, разумеется, элиты — взирали на окружающий пейзаж. Улы заточили внутри себя тела жителей Галаспара. Орден сковал их разум.

Внутри спиелей процветали хозяева империи. В них концентрировалось богатство планеты. И царила роскошь. Иерархия Ордена была твёрдой и структурированной, подобно ступеням пирамиды. Наиболее крупные и величественные помещения, равно как и наибольшее богатство принадлежали тем, кто обладал наибольшей властью. Это было не просто неизбежным результатом неравного распределения власти. Таков был закон.

Если бы и существовала идеология, изначально руководившая созданием Ордена, некая система верований, которая оправдывала бы действующую форму империи и облачала эту самую форму в одеяния чего-то, претендующего на роль морали, об этом давным-давно забыли — как и о существовании океанов. Никто не помнил, как именно развивался Орден, как он пришёл к власти и что он мог собой когда-то представлять. Даже составленные в явной одержимости хроники его правителей не уходили так далеко в прошлое. Орден превратился в идеальную тавтологию понятия силы. Те, кто находился у власти, были там просто потому, что были. Их права не могли подвергаться сомнению, ибо концепция «прав» была чуждой для Галаспара.

О собственности, впрочем, сказать подобного было нельзя. Собственность на планете не могла быть определена как *право* — точно так же, как нельзя было сказать, что камень имеет право быть твёрдым. Собственность была абсолютной. Власть этого понятия казалась безраздельной. Собственность была кодифицирована и регламентирована планетарной бюрократией, действовавшей единственно ради вечного существования себя любимой и поддерживающих её структур.

Расположившиеся на вершине социальной пирамиды именовались контролерами Ордена. Они жили на вершинах спиелей, в залах, отмеченных прямолинейной роскошью.

— Как я вижу, понятие искусства на Галаспаре вымерло, — заметил Сангвиний.

Не было ни статуй, ни картин, ни фресок, украшающих обиталища контролеров. Искусство существовало вне категорий и измерений бюрократа. Его нельзя было полностью контролировать единицами потребительской стоимости, и потому спустя столетия оно исчезло из воображения Ордена. Его игнорировали до тех пор, пока не забыли совсем.

Мортарион хмыкнул. Его не беспокоило отсутствие произведений искусства. На Барбарусе его тоже не было. В жестоком, полном нужды существовании населения его родной планеты не нашлось места для развития искусства. Когда примарх думал об Ордене, в его душу возвращался гнев, но совсем по другой причине.

— Искусство — суть роскошь, — сказал он своим братьям. — В истинных потребностях между жизнью и смертью для неё нет места. Хотя вы, само собой, не согласитесь.

Короткий взгляд, который Мортарион бросил в сторону Сангвиния, показывал, что ему плевать на возражения Ангела.

Сангвиний ничего не ответил.

— Тем не менее, Орден роскошью располагал, — проворчал Мортарион низким рычащим голосом.

Роскошь на Галаспаре была измеримой. Она определялась площадью полов и высотой потолков. Определялась размером кроватей, а также количеством еды и одежды. И в первую очередь она определялась количеством трудоспособных единиц, находившихся в непосредственной собственности каждого контролера. Это были средства для обретения большего богатства и большей власти. Распоряжение этими средствами превратилось в обязанность. Понятие «свободного времени» не знали даже верховные контролеры Галаспара. Они жили, чтобы увековечить свою власть, а власть эта существовала единственно ради своей преемственности.

— Рабочие единицы, — отметил Гор, повторяя термин, которым пользовался Орден в отношении гражданских лиц.

— Рабы, — возразил Мортарион. — Воспринимаются как числа, и ничего более. Смотри на них. *Смотри.* Под занятыми контролерами шпилями располагались сотни уровней административных чиновников. Миллионы трудившихся здесь создали Орден таким, какой он стал. Бюрократия в своём наивысшем, прогнившем насквозь воплощении.

Повелитель Гвардии Смерти запустил кадры складов с низкими потолками, каждый столь же безликосерый, как и все остальные.

— Вот вам, — продолжил примарх, — и паутина рабочих мест. Жизнь чиновников не имела иного определения, кроме как вечное однообразие. Директивы спускались сверху, указы дробились и подразделялись по мере того, как они просачивались вниз по иерархии, а задачи делегировались, будучи разбитыми на такое количество задач, что сами по себе вообще не имели смысла. К примеру, в конце одной цепочки обязанность рабочего могла ограничиваться вычёркиванием стилусом каждой третьей строки пунктов на длинном пергаменте, прочитать который он не мог. Они рисовали линию за строкой час за часом, день за днём, без понимания и без любопытства. Именно здесь, среди всех этих крючкотворов, и зародились химические зависимости.

Примарх говорил спокойно и холодно, живописуя кошмары Ордена с беспощадной ясностью.

— Обязательные дозы наркотиков были намного меньшими, чем на уровнях ниже, но распространены они были повсеместно. Капсулы требовалось принимать вместе с пищевым рационом перед каждой восемнадцатичасовой сменой. Они притупляли чувства — не настолько, чтобы сделать рабочих бесполезными, но достаточно, чтобы привить им послушание. Они стояли на своих постах, их сознание было неспособно выйти за рамки непосредственных задач. Они не могли думать наперёд. Не могли представить себе будущее, не говоря уже о революции. Орден являл собой всю суть их существования. Люди делали то, что требовалось, и в этом была вся их жизнь. Они исполняли то, что им диктовалось, и приводили в движение нижестоящие части механизма.

Мортарион с отвращением зашипел. По его словам, человеческий механизм приходил в движение, и умеющие писать чиновники составляли отчёты об этих движениях. Власть осуществлялась, и её действия тщательно фиксировались.

— А теперь взгляните на бесконечные каракули бюрократов. Взгляните на влияние каждого нацарапанного символа и каждого заверенного указа. С каждой зачёркнутой строкой умирали люди. За каждым дегенеративным действием сверху следовали страдания внизу. Здесь-то и воцарились величайшие из кошмаров Ордена. Под миллионами стояли миллиарды «рабочих единиц». Вещей, чьё передвижение, расположение, назначение и распределение контролировалось перемещением бумажек

туда-сюда и росчерками стилусов.

— Миллиарды влачили существование в нижних, наиболее широких ярусах ульев. Заметьте, я говорю «влачили существование». Жизнью это никак не назовёшь. Ложась спать, люди сворачивались в крошечных нишах внутри стен, словно личинки в сотах, или же вовсе сваливались друг на друга в переполненных накопительных резервуарах, смердевших потом, грязью и страданиями.

— Словно какие-нибудь муравьи, — отметил Гор.

— Гораздо хуже, — возразил Мортарион. — Муравьи трудятся во имя цели. Муравьи — это коллектив. А эти люди не были даже личинками, ведь они даже не располагали свободой полакомиться плотью планеты. Они были ниже ничтожнейшего из насекомых. Они были собственностью. Рабочие единицы трудились каждый сознательный час в душных мануфактурах Галаспара, производивших всё необходимое для нужд ульев. Они шили одежду для народа, от необработанной мешковины бедняков до шёлковых мантий контролеров. Они штамповали роскошную мебель. Продукцию изготавливали в куда большем объёме, чем это было необходимо для использования. Многие из того, что производилось на одном мануфактуре, каталогизировалось для отчётов, а затем транспортировалось на другой завод, где ломалось на части и выбрасывалось вместе с горами других отходов за пределами ульев. А теперь взгляните сюда, — попросил Мортарион.

На экране появились кадры из системы видеонаблюдения мануфактура. Рабочие на записи трудились как проклятые посреди гигантских машин, словно мухи на фоне пасущихся бегемотов. Основное внимание на кадрах уделялось выходящей из машин продукции. Из механической пасти хлынул поток вязкой серой жижи. Конвейерная лента неторопливо понесла тяжёлые железные контейнеры в сторону извергавшего смесь зёва. Контейнеры наполнялись, а затем перемещались в другой цех мануфактура. Они не располагались чётко по центру конвейера — извергавшаяся жидкость настолько сильно била по внутренним стенкам некоторых из них, что они резко дёргались и смещались. Один даже слетел с удерживающих ремней и рухнул на пол мануфактура, расплескав повсюду серую жижу, через которую с трудом пробирались работники. Под контейнером остались пятеро рабов Ордена, раздавленные весом рухнувшей на них ёмкости.

Подъёмные машины приблизились к месту несчастного случая, подняли контейнер и переместили его обратно на ленту, чтобы тот прошёл через «пасть» во второй раз.

Из закреплённых на стенах вокс-передатчиков прогремел голос. *«Предупреждение о наличии неэффективных рабочих единиц. Немедленно удалить все неработоспособные устройства».*

Другие рабочие с трудом подошли к мёртвым и потащили их прочь. Тела странно дёргались, пока их передвигали — удар контейнера раздробил кости в пыль.

— У этих рабочих расфокусированный взгляд, — заметил Гор.

— Химически усиленная покорность, — пояснил Мортарион. — Гораздо большие дозы наркотиков, чем на более высоких уровнях. Эти люди едва ли более разумны, чем сервиторы.

Движения рабочих были вялыми, нечёткими. Голод, нищета и химическая заторможенность превращали увечья и гибель рабов в привычное дело, видеотрансляции были полны малоприятных картин, демонстрирующих несчастные случаи на производстве. Действия силовиков делали подобные «инциденты» ещё более частыми. Одетые в униформу надсмотрщики подгоняли рабочих трудиться быстрее с помощью кнутов и электрошоковых дубинок. Мелкие тираны буквально упивались

ничтожными осколками власти, которыми их наделил Орден. Контролировать их с помощью химии не было ни малейшей необходимости, однако такие меры всё же были приняты. Вместо успокоительного силовики принимали препараты, повышающие агрессию, в результате чего испытывали натуральный экстаз от насилия и жестокости. Надсмотрщики набрасывались на бессловесный человеческий скот в нездоровом, кровавом рвении.

Следующая видеозапись показывала, куда увозили мёртвых.

— Это другой цех? — спросил Сангвиний.

— Другой конец той же самой машины, — отчеканил Мортарион.

В соседнем помещении мануфактурума размером со склад располагалась последовательность огромных измельчительных машин. Находившиеся на возвышении рабочие сбрасывали трупы в воронку, стенки которой покрывали брызги засохшей крови. Вокруг раструба воронки не было никаких ограждений — процесс утилизации следовало сделать максимально быстрым. Платформа была скользкой и блестящей, словно полы на скотобойне, так что время от времени «рабочие единицы» из числа утилизаторов теряли опору и сваливались в голодный зёв воронки, прямо к вращающимся ножам измельчителей. Вопли рабочих были единственным проявлением эмоций, которые могли выразить несчастные.

Тела сбрасывались только в одну из воронок. В остальные текли отбросы и отходы со всего улья. Тяжёлые трубы смешивали органическое сырьё вместе с химическими успокоительными средствами.

— Пища для народных масс, — отметил Мортарион.

— Этот шлам? — удивился Сангвиний.

— Да. Производится на подобных заводах и распределяется среди ульевиков. Многие из этого возвращается, так или иначе, чтобы быть переработанным заново.

— Это совершенно не похоже на мечты нашего Отца, — с отвращением сказал Сангвиний.

— Вот что я пришёл остановить, — ответил Мортарион. Экраны потемнели. Таково было прошлое Галаспара. Простой просмотр записей вновь разжёг угли ненависти Мортариона к Ордену. Возможно, теперь его братья куда лучше понимали, почему следовало действовать именно так, как поступил он. Возможно, нет. В таком случае их вина была бы на них. Для Мортариона правда оставалась кристально ясной. — Галаспар сам призвал клинок, что обрушился на него.

— В таком случае настало время взглянуть на последствия удара твоего клинка, — заметил Гор.

— Очень хорошо.

Мортарион запустил другие записи. *«Вы сказали, что стремитесь понять. Я покажу вам всё»*. И он начал свой рассказ.

Рассказ Мортариона начался с событий, предшествующих кампании на Галаспаре. Он начал с событий, заставивших его осознать свою первую роль в качестве одного из командиров Великого крестового похода.

Глава 4

Начальником центра связи улья Протаркос была женщина средних лет. Она носила такую же оливково-зелёную униформу, что и все связисты под её командованием, а волосы — стригла до такой же короткой щетины, как у каждого из них. Её статус в иерархии отмечали символы на лацкане и положение в оперативном центре. Рабочее место первого из связистов Протаркоса располагалось на высокой колонне посреди задней стены. Все остальные окружали платформу концентрическими полукольцами. Глава центра связи могла видеть всех своих подчинённых с первого взгляда, и каждый из них чувствовал на себе её взор.

В данный момент она говорила с главным контролером Управления Оборона. Произошло событие, отреагировать на которое самостоятельно женщина не могла по причине отсутствия необходимых полномочий.

— Мы получили сигналы с границ основной системы, главный контролер, — сказала она. — Сообщение, предназначавшееся непосредственно для Галаспара.

— *Повторите сообщение.*

— *Империиум Человечества приветствует вас. Мы прибыли ради нашего с вами воссоединения. Согласие с законами Императора послужит гарантией вашей свободы.*

Повисла пауза. Запись утонула в волне статики.

— Последует ли ответ? — Даже если бы она знала, что последует, возможности принимать решение самой у неё никогда не было, да и не будет. Инструкции должны исходить из соответствующего источника в иерархии Ордена. Нарушение цепочки подчинения, даже самое банальное, было преступлением, караемым смертью. Без Ордена повсюду воцарился бы хаос.

— *Ответьте следующим образом. «Скопление Галаспар находится под защитой Ордена. Вы не обладаете разрешением пересекать границы его пространства. Убирайтесь вон или будете уничтожены».* Повторите то, что я сказал.

Начальник связи так и сделала, слово в слово.

Капитан Хавас Эвесен расхаживал взад-вперёд мимо центрального окулоса командного мостика «Манифеста Единства». Эксплораторское судно под командованием Эвесена вошло в пространство Ордена больше часа назад, держа курс на Галаспар и повторяя сообщение от Империиума Человечества.

— Капитан, — подал голос офицер ауспика. — Движение.

— Анализ?

— Корабль, равный по классу линейному крейсеру, движется на перехват. Других подробностей нет.

— Вокс?

— Никаких дальнейших передач с момента первого ответа на наше предложение, капитан. Наши корабли в соседних системах докладывают о том же.

— Отправить сигнал приближающемуся кораблю. Подтвердите верховенство Империиума и потребуйте, чтобы они идентифицировали себя, а также сообщили о своих намерениях. — Эвесен выругался про

себя.

— Боевая готовность, — приказал он.

Взвыли сирены, и «Манифест Единства» приготовился к бою. Сложившаяся ситуация тревожила Эвесена. Его судно вовсе не было беззащитным, в распоряжении команды находились орудия и щиты. Однако роль «Манифеста» заключалась в том, чтобы предлагать первый дипломатический контакт с Империумом и нести разрозненным аванпостам человечества благие вести о сути Великого крестового похода. Играть роль завоевателя не входило в сферу его компетенции, ибо военным кораблём «Манифест» не являлся.

Судно сохраняло боеготовность на протяжении часа с небольшим, когда первый из галаспарских кораблей вошёл в зону досягаемости. К тому времени Эвесен уже перестал бесцельно ходить туда-сюда. Взор капитана устремился вперёд, в космическую пустоту, сложенные за спиной руки то и дело сжимались в кулаки.

— Цель обнаружена, — сообщил офицер ауспика. По всему мостику разнеслись сигналы о готовности орудийных расчётов.

Руки Эвесена сцепились, тело капитана вибрировало в мучительной агонии момента. Выстрелить первым означало объявить войну звёздному скоплению Галаспар, и тогда Соглашение обернётся большой кровью. При этом вражеский корабль отличался изрядной массивностью.

«Нам не победить. А если мы выстрелим первыми, наша миссия будет провалена».

Поэтому он так и не отдал приказ.

— Встречный огонь! — закричал офицер ауспика.

Всего за миг до того, как торпеды настигли свою цель, Эвесен мельком увидел через окулус нечто огромное, закрывающее звёзды. А затем последовали удары. Рой торпед обрушился на его судно, их было так много, что щиты не выдержали натиска. Эвесен почувствовал, как сминается корпус «Манифеста», ещё до того, как отвечавший за щиты офицер проревел предупреждение, и понял, что его судно погибло.

Затем мостик поглотило пламя, а за ним пришло небытие.

Зал Генеральной Ассамблеи Контролеров Ордена располагался на вершине шпиля улья Протаркос. Он представлял собой обширный амфитеатр с роскошным пространством и угнетающе-симметричной геометрией. Потолок достигал двадцатиметровой высоты. На платформе впереди располагался длинный стол, за которым сидели верховные контролеры, каждый из которых правил одним из порабощённых миров скопления Галаспар. Стоявший за кафедрой в самом центре амфитеатра лорд-контролер Эвальд Стиванг держал речь перед Ассамблеей.

— Миновали столетия с тех пор, как наше суверенное пространство пересекали чужаки. Сегодня мы стали свидетелями мудрости сохранения нашей вечной силы. Явились захватчики, и мы уничтожили их. Так и должно быть, и так будет всегда. Наш образ жизни не будет оспорен. Он останется неизменным. Наша свобода будет сохранена и останется бессмертной. Где во всей Галактике найдётся сила, способная сокрушить нас? Всё вышеперечисленное делает Орден величайшей и совершеннейшей империей среди всех существующих. Те, кто знают о нас, могут лишь смотреть на нас с завистью и

желать нашего строгого руководства. Те, кто осмелятся выступить против нас — падут, ибо совершенство не может быть побеждено.

Контролеры встали, все как один, их аплодисменты прозвучали с регулярностью быстрых ударов метронома.

— Орден — это всё! — прокричал Стиванг.

— *ОРДЕН — ЭТО ВСЁ!* — взревели контролеры.

Мортарион не сразу узнал о том, что произошло в системе Галаспар. Сообщения просачивались постепенно, в первую очередь вести доходили до лордов-милитантов, а уж затем распространялись среди армий Великого крестового похода. Поначалу примарх и сам не проявил особого интереса к произошедшему. Да, он слышал об утрате «Манифеста Единства», но данный инцидент не имел для него особого значения — примарха куда как больше занимали флотские учения, призванные укрепить союз терранской и барбаранской частей XIV легиона.

Но затем пришли свежие донесения об уничтожении других кораблей и атаках на другие миссии. На сей раз Мортарион уделил скорбным новостям куда больше внимания. В последующие годы воспоминания о событиях этих дней наводили примарха на размышления, а не предчувствие ли заставило его обратить взор к Галаспару и с нетерпением ожидать свежих вестей из звёздного скопления.

Именно сведения, отправленные шпионскими кораблями, и отчёты участников миссий по инфильтрации превратили Галаспар из предмета интереса в навязчивую идею. В отчётах не было подробностей, которые хотел бы видеть примарх, но они были достаточно чёткими, чтобы обрисовать военную диспозицию Ордена. Что ещё важнее, они раскрывали естество этой империи. Мортарион увидел рабство. Он увидел абсолютную тиранию, а также то, что держалась она только на собственной силе и убеждении, будто власть дарована исключительно её правителям.

Пока Мортарион просматривал и пересматривал краткие, фрагментарные записи о людях, превращённых в движимое имущество хозяевами токсичного мира, воспоминания о Барбарусе, никогда не покидавшие его разум, становились всё более и более настойчивыми. Воспоминания о несчастных людях, игрушках Властителей. Им было не под силу противостоять своим угнетателям. Не было сил даже начать мечтать о сопротивлении. Но они сражались, о да. Боролись, чтобы остаться в живых, но всегда терпели неудачу. Им удавалось выживать только благодаря удовольствию господ Барбаруса, а заключалось удовольствие Властителей не только в истреблении людей, но и в ужасе тех, кому позволялось прожить ещё один день.

Ужас. Долгое время Мортарион не понимал значения этого слова, будучи воспитанным кошмарами, стремившимися сделать его одним из них. Его приёмный отец вырастил примарха в высокогорной крепости, окутанной ядовитыми облаками и окружённой зубчатыми стенами из камня и железа, которые постоянно гноились, словно бы оплакивая крокодиловыми слезами пребывавшие во власти ужаса низменности. Тем не менее, Мортарион чувствовал, что ему потребовалось больше времени, чем следовало бы, чтобы заинтересоваться существами, которые в конечном итоге принадлежали к тому же биологическому виду, что и он сам. Он не видел их ужаса, пока не спустился с гор, предоставив своему чудовищному отцу самому участвовать в междоусобных войнах мелких богов.

Когда Мортарион увидел мир как человек, а не сын Властителя, он узрел весь масштаб господских преступлений. Хозяевам Барбаруса было недостаточно собирать людей для игр или в качестве сырья для

своих извращённых прихотей. На несчастных смертных следовало спустить существ, вытасненных из самых потаённых кошмаров человеческого рода. Их близкие умирали, а затем возвращались в образе неуклюжей мешанины из трупов, сшитых проволокой воедино; подвергнутая реанимации изуродованная и искалеченная плоть превращалась в безмозглых убийц, брошенных пожинать жатву среди живых. Чудища были достаточно узнаваемы, чтобы жертвы понимали, кто на них напал. Перед смертью люди впадали в отчаянье, зная, что их страдания продолжатся и в не-жизни.

Приятное развлечение для Властителей, сокрушавших умы и дух людей чистой мощью воплощённых ночных кошмаров.

Люди Барбаруса познали все возможные формы рабства. Когда Мортарион увидел это, когда он наконец-то осознал весь масштаб их угнетения — именно тогда примарх понял, как положить этому конец. Чтобы человечество обрело свободу, его угнетатели должны были умереть. Решение казалось простым, но за его простотой скрывались глубокие последствия. Защитить людей от Властителей было недостаточно, ибо страх перед их возвращением продолжит жить. Но если тираны будут истреблены, вернуться назад они больше не смогут.

С каждым убитым Властителем Мортарион ещё на шаг приближался к освобождению Барбаруса. Когда люди увидели, что даже кошмары могут умереть, они наконец-то начали сражаться с подлинной надеждой, в то время как Мортарион наделил их средствами и навыками, чтобы придать борьбе реальную силу. Его миссия обретала всё большую ясность. Он освободит Барбарус путём очищающего разрушения, убивая Властителей одного за другим, пока не останется ни одного.

Такова была его миссия, и он оставил её незавершённой. Ему не удалось убить своего приёмного отца. Вместо этого с чудовищем покончил другой Отец Мортариона.

Стыд за произошедшее всё ещё продолжал терзать примарха.

И теперь, после Барбаруса, после того, как он объединил барбаранскую и терранскую половины Гвардии Смерти, пока он всё ещё ждал своего первого задания в Великом крестовом походе, пришли вести о Галаспаре. Тираны той империи были не такими, как владыки Барбаруса. Они были людьми, и их тирания приобрела иные формы. Но всё это не имело значения. Мортарион увидел тотальное угнетение. Тела и разумы народных масс были подавлены контролерами Ордена. Таким образом, Орден следовало уничтожить.

Такова была его миссия. Он дойдёт до конца. Уничтожение будет полным.

Примарх сразу же наметил контуры своей стратегии. Об осаде не могло быть и речи. Орден следовало вывести из строя одним-единственным обезглавливающим ударом. Гвардии Смерти предстояло пробиться через оборону системы Галаспар с поистине зверской скоростью. Для этого потребуется нечто большее, чем обычная мощь его флота. Потребуется грубая, расходуемая сила. Чистая масса.

Он вспомнил об астероидах, собранных среди плотных планетарных поясов и оснащённых грубыми двигателями, чтобы двигаться во главе флота. Поразмыслил о брандерах, взятых со свалок для выполнения последнего задания. И наконец, подумал о «Четвёртом всаднике», который при правильной модернизации может быть превращён в штурмовой барк.

Подготовка потребует времени. Но каждый месяц, потраченный на флотские приготовления, окупится сторицей благодаря жесточайшей скорости самой кампании.

Магистр осады Гвардии Смерти встретил капитанов Первой и Седьмой великих рот, когда те выходили из погрузочного отсека «Четвёртого всадника».

— Первый капитан, боевой капитан, — приветствовал маршал Артур Корриус своих собратьев, Антавуса Барразина и Веллиана Терсуса. Голова маршала была обрита наголо, как и у соотечественников-терранцев Барразина с Терсусом, однако кожа отличалась такой же мертвенной бледностью, как и у всех легионеров с Барбаруса. — Работа выполнена на славу. Думаю, всё пройдёт по плану.

— Согласен, — отозвался Барразин. — Итак, ты покажешь нам кое-какие модификации штурмового барка?

Корриус кивнул и повёл братьев по пустынному коридору. Тот был широким и высоким, спускаясь по хребту корабля. Подобно всем остальным уголкам «Четвёртого всадника», он обходился без украшений. Его функция заключалась в том, чтобы доставлять легионеров по местам, быстро и в большом количестве, где они должны были действовать как посланники смерти.

— Я имел честь находиться на корабле во время большей части работ, — ответил Корриус, — и наблюдать, как идеи лорда Мортариона обретают форму. — Он повернул налево на первом крупном перекрёстке и повёл капитанов в один из оружейных отсеков. Техножрецы и сотни их адептов усердно трудились над внутренними стенками зала.

Леса поднялись на целых восемнадцать метров, повторяя форму внутреннего изгиба стен и формируя полуарку потолка. Командиры обеих рот осмотрели орудия и ознакомились с новыми конфигурациями корабля.

— Усиление щитов, — отметил Терсус.

— Небольшое, — сказал Барразин.

— Верно, — согласился Корриус. — И не только щитов. Произведена доработка всех несущих конструкций. Много работы делается и с тормозными двигателями.

— Хм, я вижу закономерность, — заметил Барразин.

— Какого рода? — спросил Терсус.

— Для начала скажи-ка мне вот что. Каково твоё мнение о флотских манёврах, которые мы только что завершили?

— Они показались мне необычными, — объяснил Терсус. — Не похожими ни на что из того, в чём я участвовал прежде, как Гвардеец Смерти или Сумеречный Рейдер.

Терсус не мог полностью скрыть нотки нежности и чувство утраты в голосе, используя прежнее имя XIV легиона. Барразин уловил его ностальгию, но не отреагировал на неё.

— Они были необычными, это факт, — согласился он. — Стало быть, для этого есть чёткая цель. Такая же наверняка скрывается и за подготовкой «Четвёртого всадника».

— Что за цель? — поинтересовался Корриус.

— Лорд Мортарион задумал кампанию.

— И где же? О мобилизации пока ещё никто не слышал.

— Она должна произойти в ближайшее время, — ответил Барразин. — Ни один из сынов Императора не станет прозябать в бездействии.

— Но всё-таки, куда мы направляемся?

— Без понятия. Но модификации и тренировочный режим слишком уж специфичны, чтобы не подразумевалась конкретная задача.

Наверху, словно тепловая молния, разом вспыхнуло множество плазменных резаков.

Терсус нахмурился.

— Я пытаюсь представить себе, что это может быть за задача.

— Выглядишь обеспокоенным, — заметил Корриус.

— Не обеспокоенным, — пожал плечами Терсус, — озадаченным. Вы заметили, что в строю, который мы заняли, не было и намёка на оборонительную позицию?

— Не совсем так, — возразил Барразин.

— Ты прав. Насколько я могу судить, если она и имела место, то объектом защиты становился «Четвёртый всадник», которому и предстояло выполнить некую приоритетную задачу.

— Удар достаточно сильно, и тебе не потребуется защита.

— Как часто такое бывает в бою? — спросил Терсус.

Стоявший в нескольких метрах легионер Первой великой роты развернулся и отдал честь ударом кулака в грудь.

— Простите, господа, — начал он.

Барразин повернулся к нему.

— Хотели бы что-то добавить, легионер Тифон?

— Не хотелось бы казаться непочтительным, первый капитан, но...

— Я понял. Знаю, что ты хочешь сказать. Можешь говорить свободно.

— Капитаны, маршал, опять же, не хочу казаться непочтительным, однако вы все — терранцы, — заметил Тифон. — Если бы вы жили на Барбарусе, то понимали бы, что такие сражения и правда случаются. Ежедневно. И попытки защититься никогда не срабатывают. Единственный способ выжить — нанести удар первым. — Он помолчал, а затем поправился. — То есть, мы могли выжить, когда лорд Мортарион стал сражаться вместе с нами и показал нам, что мы способны побеждать. Если ты собирался расстаться с жизнью до его пришествия, то лучше всего было сделать это в наступлении, мечтая о том, что сумеешь утянуть за собой и врага. — Он скривился от мрачных воспоминаний. — Хотя, по правде сказать, я не уверен, что мы вообще умели мечтать, пока лорд Мортарион не появился среди нас.

— Подразумеваешь, что он подарил вам мечту, — сказал Барразин.

— Так и есть. Мечту об убийстве врага. И он научил нас атаковать, так что защита и правда не имела

значения. Кому нужна защита, когда враг мёртв. Смекаете?

— Да, — подал голос Терсус. — Четырнадцатый легион всегда был воинством фаталистов, но я допускаю, что у вас, барбаранцев, связь с фатализмом куда теснее.

— У нас не было выбора, — пояснил Тифон.

— Обещаю тебе, — сказал Барразин, созерцая работу и представляя себе, насколько грозным оружием становится «Четвёртый всадник», — что на сей раз выбора не будет у неприятеля.

В коммуникационном зале «Косы жнеца» Мортарион поднялся к гололитовой пластине системы литокаста. В зале царил сумрак, если не считать слабого свечения, исходящего от рабочих мест техноадептов-операторов. Мортарион кивнул, и литокаст пробудился к жизни. Свет вспыхнул, замерцал и окружил Мортариона изображением зала собраний. Лишь лёгкое мерцание выдавало иллюзию. Массивная золотая аквила на чёрной стене раскинула крылья над столом, вокруг которого собрались лорды-милитанты. Каждый из них, где бы он ни находился в действительности, также активировал механизм литокаста, и система с идеальной точностью воссоздала их всех собравшимися внутри зала, который и сам по себе был иллюзией. Симуляция реальности казалась более чем правдоподобной и подходящей для целей собрания, а присутствие Мортариона — вполне достаточным, чтобы вызвать благоговение у лордов-милитантов. Как только примарх явил себя, они тут же поприветствовали его поклоном. Примарх занял место во главе стола, наблюдая, как стоявший на дальнем конце лорд Тревент из Имперской Армии резюмировал ситуацию в звёздном скоплении Галаспар. Рядом с ним на симуляции пикт-экрана отображалась карта карманной империи.

— Какими силами мы располагаем в данном регионе? — спросила лорд Ависса Брайтин. Как только она заговорила, дисплей рядом с Тревентом изменился, демонстрируя мерцающие секторальные метки, полыхавшие пламенем войны.

— Недостаточными, если речь идёт о начале атаки на Галаспар, — сказал Тревент, указывая на дисплей. — 22-й и 11-й Экспедиционные флоты Крестового похода скованы борьбой против орочьей империи Вульги Кара. Битва не из простых. Одержат победу, но лёгкой её не назовёшь.

«Имеешь в виду, что флоты увязли в борьбе с империей зеленокожих, и беспокоишься насчёт исхода»,
— подумал Мортарион.

— А что Белые Шрамы? — спросил лорд Парантиэль.

— Пятый легион преследует систрум фра'алов вместе с боевой группой «Горгон-Пять», — пояснил Тревент. — Снимать их с задания и направлять куда-то ещё стало бы катастрофическим риском для победы, ради которой было пожертвовано многое.

— Однако с учётом нападения на имперское судно мы не можем позволить Галаспару оставаться безнаказанным, — вставил Парантиэль.

— Согласна, — кивнула Брайтин. — И это даже без учёта стратегической позиции Галаспара. Это уже потенциальное препятствие для сбора сил в регионе Васалия. Если Орден начнёт экспансию, у нас появится новая уязвимая точка.

— Похоже, что Орден не располагает технологией варп-перемещений, по крайней мере, на данный момент, — отметил Тревент. — Впрочем, со стратегическим положением самого Галаспара не

поспоришь. Галаспар нельзя игнорировать, но в настоящее время мы не располагаем возможностью собрать силы, необходимые для длительной осады и последующего прорыва обороны Ордена. Похоже, что блокада — наш единственный вариант.

— Блокада, — повторил Мортарион.

Лорды-милитанты развернулись, устремив взоры к примарху, чего до сих пор избегали. Даже его иллюзорный образ вызывал у них дискомфорт.

— Верно, — отметил Тревент. — По крайней мере, нам удастся сдержать Галаспар.

— «Сдержать», — повторил Мортарион, его голос сочился холодным презрением. — Ну, и когда же Империи разберётся с Орденом?

— Когда удастся выделить достаточные силы, — произнёс Тревент.

Мортарион ответил молчанием и ужасающей неподвижностью.

Тревент ощутимо поёжился.

— Борьба обещает стать долгой. К сожалению, такова реальность ситуации.

— Долгая борьба, — отозвался Мортарион, словно повторение слов лорда-милитанта было для него единственной возможностью поверить в их реальность. — Чудесный эвфемизм для обозначения *задержки*, пока народ Галаспара страдает под гнётом тирании.

— Они живут так веками, — вмешалась Брайтин. — Подождут немного ещё, ничего страшного.

— Немного ещё, — отметил Мортарион, — подразумеваешь, ещё несколько лет.

Тревент начал успокаивающе поднимать руку, но передумал и отреагировал так, словно Мортарион и в самом деле находился с ним в одной комнате.

— Подобное не входит в наши намерения.

— Но вы всё-таки выбрали ожидание.

Тревент поморщился.

— Сложности Великого крестового похода имеют прерогативу над решениями, которые мы принимаем на уровне конкретных систем или звёздных скоплений.

Мортарион ничего не ответил.

— Вы желали присутствовать на совете, лорд Мортарион. — Тревент явно пытался произвести впечатление, будто обладает большей властью, чем чувствовал в настоящий момент. — Вам есть что предложить?

— Да, — отчеканил Мортарион. — Не тратить годы на ожидание. Заняться этим непотребством, известным как Орден, безо всякого промедления.

— Мы бы все хотели этого, — заметил Парантиэль.

— Славно. В таком случае Гвардия Смерти освободит Галаспар.

— Характер первой кампании XIV легиона всё ещё обсуждается, — изрёк Тревент после минутного колебания. А затем, после более долгой паузы, продолжил. — Лорд Мортарион, у вас нет полномочий на принятие подобных решений.

Мортарион хмыкнул.

— Да ну?

— Разумеется, если Император прикажет...

Мортарион не дал Тревенту закончить.

— Будь уверен. Никакой блокады не потребуется. Я без промедления приступлю к Соглашению Галаспара. Подготовка уже началась. — Он оказал лордам-милитантам любезность, выслушав их планы относительно империи Ордена, в стремлении посмотреть, а не произойдёт ли спасение Галаспара ещё до того, как он будет готов. Этого так и не произошло. Решения лордов-милитантов оказались столь же бессмысленными, как и ожидал примарх.

— Никакой блокады, — недоверчиво повторил Тревент. — Амбициозное заявление. Как же вы собираетесь достичь этой цели?

— Взмахом косы.

— Что это значит, лорд Мортарион? — не понял Парантиэль.

— Внезапный, решительный и всепокрушающий удар в самое сердце системы Галаспар. Мой флот прорвётся сквозь их оборону и возьмёт Галаспар настолько быстро, что Орден не сумеет пустить в ход свою мощь.

— Я не берусь читать лорду Мортариону лекции о тактике... — начал Парантиэль.

— Вот и не нужно, — перебил его Мортарион.

— Но не всегда обстоятельства позволяют использовать настолько... — Он перевёл дух, явно подыскивая *менее оскорбительный* термин. — Насколько простодушную стратегию.

— Это *единственная* стратегия, что сработает в скоплении Галаспар, — отрезал Мортарион.

— У Ордена грозные оборонительные силы, — заметил Парантиэль.

— Это не будет иметь ни малейшего значения.

Пару часов спустя Мортарион предоставил собравшимся в стратегиуме «Четвёртого всадника» капитанам своих великих рот план кампании. Помещение, расположенное чуть позади мостика и выше его, было пустым, за исключением возвышающегося в самом центре гололитического стола. Столь же функциональный и ничем не украшенный, как и оружейный отсек, зал отличался не менее впечатляющими размерами.

— В составе империи находится одиннадцать звёздных систем, — начал Мортарион. — Мы проигнорируем все, кроме одной. Галаспар — вот истинное сердце их могущества. Без него империи Ордена не выстоять. — Пока примарх говорил, гололитический образ скопления сменился одной-единственной системой Галаспар. — Наша стратегия будет прямолинейной. Выходим в пределы системы

через точку Мандевилля на полной скорости. Ни за что не останавливаемся. Повторяю, никаких остановок. Вражеские корабли мощные и многочисленные, однако медлительные. С нашей скоростью им не сравниться.

Появились грубые изображения крепостей-мониторов, исполинских стражей Галаспара, что патрулировали орбиту каждой из планет системы. То были неуклюжие чудища размером с боевой крейсер, созданные для того, чтобы раздавить любую угрозу империи с помощью одной лишь голой силы. Внешне они напоминали блочные многоступенчатые зиккураты со вздёрнутыми носами.

Мортарион прервал свою речь, позволив капитанам оценить корабли, обещавшие стать главным препятствием для флота. Ни один из них не стал задаваться вопросом, что станет с кораблём Гвардии Смерти, повреждённым вражеским огнём — а ведь подобное испытание наверняка выпадет не одному из них. Мортарион уже дал им ответ. «*Ни за что не останавливаемся*».

Проецируемое гололитическим столом изображение вновь переменялось, и на сей раз перед взором собравшихся остался лишь сам Галаспар.

— Силы планетарной обороны — вот с чего начнётся настоящее препятствие. За орбитальными платформами располагаются орудия наземного базирования, немалые числом и весьма мощные. Вполне достаточно, чтобы помешать любым попыткам приблизиться для орбитальной бомбардировки. Впрочем, наша скорость и решительное наступление позволят нам *посадить* корабль. Один-единственный. Вот этот.

Гололитический образ снова изменился, демонстрируя поверхность Галаспара и очертания аркологии города-улья.

— Перед вами центральный улей Галаспара, — произнёс Мортарион. Он воспринимал город, словно осуждённого преступника. — Его именуют Протаркос. Орден централизован и иерархичен. Галаспар управляет империей, Протаркос правит Галаспаром. Информация, собранная нашими агентами, подтверждает это. Из Протаркоса поступает больше сигналов, чем из какого-либо другого региона планеты. При этом наибольшее число сигналов сосредоточено вот здесь.

Вершина центральной башни, высочайшей из всех, начала пульсировать.

— Практически наверняка это место является центром управления Галаспаром. Это и есть наша цель. Её необходимо захватить, а не уничтожить, иначе место этого центра займёт иной узел. — На сей раз запульсировало основание улья. — Тепловое сканирование показывает, что основная часть энергии для города вырабатывается вот здесь. Это второстепенная цель, которую по возможности необходимо уничтожить, чтобы ускорить разгром неприятеля. Улей *должен быть* захвачен в течение дня и ночи. В противном случае в Протаркос успеет прибыть подкрепление из других ульев. Ситуация проста. Ничто иное, кроме как орбитальная бомбардировка, не сумеет быстро истребить громадные армии, которые Галаспар может мобилизовать. Однако флот не сможет приблизиться, пока планетарная защита не будет нейтрализована. Следовательно, центр управления Протаркосом должен быть взят. Этот корабль и десять тысяч легионеров на его борту захватят город в течение дня и ночи.

Мортарион закончил и стал ожидать вопросов. Он предоставил план действий, способный даровать Ордену быструю, жестокую и всеобъемлющую смерть. Легион заставит их заплатить. Это было столь же неизбежно, как и сама смерть.

— Неужели что-то способно удержать Орден от уничтожения командного центра прежде, чем мы

захватим его? — спросил Терсус, боевой капитан Седьмой великой роты.

— Для Ордена характерна централизованность, его иерархия отличается предельной жёсткостью, — ответил Мортарион. — Вся полнота власти сосредоточена в руках нескольких влиятельнейших тиранов, что правят из крупнейшего и наиболее могущественного улья. Лидеры Ордена не пойдут на риск, связанный с децентрализованным контролем. Ничто не должно бросать вызова Ордену, само название которого равнозначно слову «порядок». Если этот улей является центром управления, значит, он должен сохранять свой статус. Уничтожить Протаркос было бы равносильно передать контроль в руки одного из меньших ульев и его лидеров. Верховные контролеры не посмеют отважиться на такой шаг — за исключением, быть может, того момента, когда у них не останется никакой надежды. Это обстоятельство позволит ограниченному времени работать в нашу пользу. Контролеры Протаркоса поверят, что подкрепление успеет прибыть вовремя. Разумная мысль с их стороны. Однако нам придётся доказать, что они ошибаются.

Слово взял первый капитан Барразин, изучавший топографию вокруг основания улья.

— Где нам предстоит приземлиться, — поинтересовался он, — чтобы быстро взять Протаркос?

— Мы не станем приземляться, — пояснил Мортарион. — «Четвёртый всадник» протаранит сам город.

Приготовления растянулись на несколько месяцев, что изрядно взбесило Мортариона, однако он старался оставаться терпеливым. Примарх мог видеть свою цель шаг за шагом собственными глазами. Когда, наконец, работы были завершены и корабль тронулся в путь на Галаспар, Мортарион обратился ко всему флоту с командного мостика «Четвёртого всадника». Штурмовой барк стал его флагманом на время вторжения и занял позицию на острие клиновидного строя.

В десантных отсеках одиннадцать тысяч избранных Мортариона ждали момента, когда их спустят на Орден.

Мортарион начал свою речь сразу же, как только флот вышел из варпа в ближайшей к Галаспару точке Мандевилля; плазменные двигатели кораблей заработали на полную мощность и погнали их через всю систему.

— Мои Гвардейцы Смерти, — начал Мортарион, — когда я впервые встретился с вами, то назвал вас своими несокрушимыми клинками. Я пообещал вам, что вашими руками установится справедливость. Поклялся, что гибель обрушится на тысячи миров. В этот день смерть придёт на первый из них. Люди Галаспара страдают. Орден правит этой империей, столь же омерзительный в своей сути, сколь бесправны его подданные. Правосудие требует уничтожения. Изгоните прочь любые мысли о милосердии, ибо оно — суть забава труса и ложь деспота. Сегодня клинок падёт на горло тирании. Ничто не остановит нашу руку. Ни один враг не выстоит перед нами. Смерть есть истина, которую познают все. Мы маршируем с ней в едином строю. Мы едины со смертью. Так пусть же теперь единство обретут гибель и правосудие.

Глава 5

Лорд-контролер Эвальд Стиванг приступил к утренней трапезе в обществе Стувы Юваллиат, верховного контролера космического флота, и двух их детей, Венна и Изы. Брачный союз между лордом-

контролером и одной из наиболее могущественных верховных контролеров являлся многовековой традицией Ордена, способом укрепления вершины власти. Венн и Иза уже были взрослыми, но ни один из них не имел ни официального места в структуре Ордена, ни звания, которое они могли бы назвать своим собственным, ни власти, которой можно было бы распоряжаться. Всё, что у них было — это ожидание силы. Титул контролера по умолчанию передавался по наследству, однако лишь при условии проявленной воли и ратификации титула Генеральной Ассамблеей Контролеров. Кроме того, ни одной семье не позволялось иметь больше наследников, чем наследуемых титулов. Орден придерживался практики стабильного самовоспроизводства. Если какой-то из потомков по той или иной причине оказывался ненадёжным, им могли распорядиться точно так же, как и любым другим имуществом контролеров.

Подобно всем остальным помещениям квартала, принадлежавшего Стивангу и Юваллиат, зал для завтраков представлял собой громадное декадентское пространство. Мебель внутри ограничивалась столом и четырьмя стульями, расположенными метрах в тридцати от стен. Голоса участников трапезы отражались от стен и настолько высокого потолка, что он практически скрывался из вида во мраке наверху. Слуги неслышно ступали на мягких подошвах. Они принесли кушанья своим господам и в полном безмолвии удалились.

Стиванг взял ломоть хлеба, откусил кусок, тщательно его прожевал — и нахмурился. Затем лорд-контролер повернулся в сторону Юваллиат и приподнял бровь.

— Ты уже пробовала сегодняшний хлеб?

— Конечно. Ожидала, заметишь ли ты что-нибудь.

— У него другой вкус, — проворчал Стиванг. — Совсем не на том уровне, что вчера.

— Согласна.

Стиванг нажал на кнопку, расположенную в углублении стола по правой стороне. Мгновение спустя явился домашний контролер Бефессен, ступавший так же бесшумно, как и каждый из слуг. Он остановился у плеча лорда-контролера и наклонился, чтобы выслушать его распоряжения.

Стиванг поднял ломоть хлеба и уронил его на тарелку, словно бы само прикосновение к выпечке было для него оскорблением.

— Это совершенно неприемлемо, — процедил он. — Наймите новых пекарей. Уничтожьте показавшие свою бесполезность рабочие единицы.

— Будет исполнено незамедлительно, лорд-контролер, — пообещал Бефессен и удалился, чтобы проследить за нахождением замены и приведением смертного приговора в исполнение.

— Одобряешь? — спросил Стиванг Юваллиат.

— Разумеется.

— Благодаря свежим единицам получается свежий хлеб, — отметил Стиванг, довольный своей формулировкой. Демонстрация смертоносной дисциплины также была уроком для Венна и Изы.

Юваллиат решила убедиться, что урок был усвоен должным образом.

— Вы осознаёте необходимость приказов лорда-контролера?

— Да, — ответила Иза, и Венн тоже кивнул.

— Докажите мне, что осознали, — она указала на Изу. — Говори.

— Исправление — это слабость, — начала Иза. — После того, как рабочая единица приобрела навыки, необходимые для выполнения той или иной задачи, любое снижение качества работы говорит о потере навыков, попытке мятежа или о двух этих факторах одновременно.

Юваллиат подняла палец, заставляя Изу замолчать. Верховный контролер коротко кивнула, после чего повернулась к Венну.

— Твоя очередь.

— Если рабочая единица исправилась, это даёт ей возможность скрыть свои недостатки и в конечном итоге нанести ещё больший вред.

— Хорошо, — резюмировала Юваллиат, после чего вернулась к своему завтраку. — Исправление — это слабость, — подтвердила она, не глядя на собеседников. — Вот почему я не нуждаюсь в исправлении, как и лорд-контролер, — затем она подняла глаза, устремив безжалостный взгляд на сына и дочь, — поэтому крайне важно, чтобы никто из вас не действовал так, словно нуждается в исправлении или ожидает его.

Близнецы промолчали. Им не давали разрешения говорить свободно.

— Вы понимаете? — обратился к ним Стиванг.

— Да, — ответили они хором.

Чудесно. Время от времени напоминать наследникам о ненадёжности их собственного положения было мудрым решением. Это показывало близнецам, насколько опасно мыслить об ускорении их собственного прихода к власти.

Неожиданно взвыла сигнализация.

Венн поперхнулся водой, Юваллиат вскочила со своего места, роняя на пол столовые приборы. Нож и вилка зазвенели от удара по камню, но эхо удара тут же исчезло в электронном вое сигнала тревоги. Стиванг застыл на несколько долгих секунд. Мозг лорда-контролера отказывался воспринимать то, что он слышал. Ему было известно, какие чрезвычайные обстоятельства способны вызвать активацию сигнализации, но подобных обстоятельств никогда не возникало. Сигналы тревоги никогда прежде не активировались.

Это было фундаментальным нарушением привычной рутины. Нарушением порядка. Сигналы тревоги означали нечто невообразимое.

— Ошибка... — промолвила Юваллиат.

Произнесённые слова подарили Стивангу надежду и заставили его мыслить здраво. Он ухватился за неотвратимость возмездия за подобную «ошибку».

Если же ошибки не было, лорд-контролер страшился узнать то, что скрывалось за сигналом тревоги.

Но он должен был знать об угрозе, бросившей вызов Ордену, и бороться с ней.

Стиванг поднялся из-за стола, после чего вместе с Юваллиат выскочил из зала для завтраков, оставив своих отпрысков позади.

К тому моменту, как в первичный командный центр прибыли Стиванг и Юваллиат, большинство их коллег-контролеров уже собрались внутри. Впрочем, они оказались не последними. Лорд-контролер и его избранница остановились на полпути посреди своего личного коридора, ведущего в залу. Они не должны выглядеть так, словно торопятся — ведь подобное свидетельствует о слабости. А ещё подобное могло указывать на беспорядок в их сознании, а беспорядок может быть заразным.

Увесистая стальная дверь поднялась при приближении контролеров, а затем закрылась за ними. Стиванг постарался отогнать мысли о том, что в тяжёлом лязге присутствует тембр обречённости. Напротив, услышанное им символизировало безопасность. Верховные контролеры заслуживали чувства защищённости, и они будут защищены.

Комната обладала впечатляющими размерами, что вполне соответствовало её статусу галаспарского центра власти. Центр пола был утоплен, сиденья для верховных контролеров окружали гололитический стол. На нескольких ярусах вокруг стола располагались ряды станций, контролирующих оборону звёздной империи.

Стиванг занял своё место, позволив тем самым сделать то же самое и остальным. Четыре кресла всё ещё продолжали пустовать.

— Выключить сигнализацию, — приказал Стиванг. Техник у одной из ближайших к нему станций постучал по экрану, после чего душераздирающий вой сбавил октавы и умолк. Стиванг бросил взгляд на хронометр, подвешенный к потолку. С момента объявления кризисной ситуации прошли две минуты. Некоторым другим верховным контролерам требовалось пройти куда более долгий путь, чтобы добраться до первичного командного центра. — Предоставим остальным ещё три минуты.

Слова лорда-контролера встретили молчанием. Его младшие коллеги сидели неподвижно, наблюдая за бегом секунд. Ровно за минуту до конца отсчёта прибыли ещё два верховных контролера. Те двое, что отвечали за перераспределение расходных материалов и регулирование химических веществ, по-прежнему отсутствовали.

Что ж, им не повезло.

— Закрывайте нас, — проворчал Стиванг.

Снизу раздались тяжёлые удары. Десятки противозрывных дверей опустились, перекрыв любой доступ к первичному командному центру. Стиванг не слышал шагов экипирующихся солдат, но знал, что мобилизация идёт полным ходом. Зала становилась неприступной благодаря стратегии, в необходимость которой прежде никто не верил.

— У нас есть связь с другими ульями? — спросил Стиванг.

Техник встал со своего места. Став объектом напряжённого внимания, он опустил руки по швам и объявил:

— Так точно, лорд-контролер. Все линии открыты. Верховные контролеры каждого из ульев на Галаспаре ожидают ваших распоряжений.

— Тогда приступим. Покажи нам причину тревоги.

Гололитический стол загудел. Появилась карта системы Галаспар, на которой пульсирующая угрозой блестящая линия возникла сразу же за орбитой самой дальней планеты.

— Армада вторжения, — пробормотала Юваллиат.

Яркая белая линия, пятно на лице их империи, выглядела словно кинжал, направленный в самое сердце Галаспара.

— Информация подтверждена? — задал вопрос Стиванг.

Техник, говоривший ранее, снова вытянулся по стойке «смирно».

— В точности так, лорд-контролер. — он опустил на своё место и постучал по экрану. «Кинжал» на гололитическом столе превратился в грубую схему входивших в систему кораблей, и их было много. Ни один из кораблей Ордена не мог предоставить более конкретную информацию. Впрочем, сомнений в том, что началось вторжение, не оставалось.

— Есть ли какие-то сообщения от захватчиков? — вновь спросил Стиванг.

— Никаких, лорд-контролер. Они проигнорировали наши предупреждения.

— Подверглись ли атаке какие-то другие системы?

— Никак нет, лорд-контролер.

Новость об этом воодушевила Стиванга. Если силёнок у врага хватало только на это вторжение, подобное свидетельствовало о его слабости. Кроме того, в таком случае внимание верховных контролеров не будет разделено между несколькими фронтами.

Стиванг кивнул Юваллиат, предоставляя ей возможность выработать стратегию. В этом заключалась её ответственность. И в случае неудачи это станет её смертным приговором.

— Отправить мониторы-крепости, — отчеканила Юваллиат. Затем она наклонилась вперёд, чтобы постучать по столу, и устройство отобразило позиции громадных оборонительных кораблей Ордена во внешней системе. — Они смогут оказаться в пределах огневого контакта через несколько часов.

— Они окажутся в меньшинстве, — заметила Ява Тервиан, верховный контролер морального духа.

— Их цель — замедлить натиск захватчиков, — пояснила Юваллиат. — Этого будет достаточно, чтобы остальные крепости сцепились с врагом и заблокировали ему путь.

— Насколько близко может подойти неприятель, прежде чем это произойдёт? — поинтересовалась Тервиан.

— Невозможно предсказать, пока у нас не будет более чёткого представления о силах захватчиков.

— А что насчёт орудийных платформ? — спросил Стиванг. Кольца этих оборонительных станций опоясывали спиралями каждую из планет системы.

Юваллиат колебалась. Стиванг видел, как она взвешивает возможные риски. Орудийные платформы, сотня метров в диаметре, оснащённые минимальным экипажем и защитными экранами, не годились для полноценного космического боя против флота. Их целью была защита планеты посредством создания

огневой стены. Если Юваллиат оставит какой-то из миров незащищённым, и враг решит воспользоваться этим преимуществом, захватчики получат возможность создать собственную твердыню внутри системы, которую смогут использовать в качестве плацдарма для организации последующих атак.

Верховный контролер флота покачала головой, словно бы отвергая саму возможность этой опасности.

— Платформы получают иное назначение, — ответила Юваллиат. — Они присоединятся к мониторам-крепостям для атаки. Приоритетом в обороне должен стать Галаспар.

Стиванг ничего не сказал, но в душе согласился с этим утверждением. Другие планеты не имели значения по сравнению с родным миром Ордена. Сколь бы несовершенными они ни были для поставленной перед ними задачи, платформы подарят защитникам системы преимущество в виде сотен артиллерийских орудий.

Юваллиат водила пальцем по поверхности гололитического стола, рисуя предпочтительные схемы движения кораблей.

— Захватчикам не удастся достичь Галаспара, — сказала она. — Мы остановим врага во внешней системе и заманим его под обстрел артиллерийских платформ. Пока они застрянут на одном месте, придут остальные мониторы и уничтожат их.

— Да будет так, — подвёл итог Стиванг. — Так пусть же восторжествует Орден.

— Так пусть же восторжествует Орден, — повторили все остальные контролеры.

Юваллиат хлопнула ладонью по краю стола, и её диаграммы передались каждой из станций в зале, превратив её стратегию в команды, а затем — воплотив команды в реальность. Прежде чем Стиванг заговорил вновь, приказы флотского контролера уже отправились капитанам мониторов и командующим орудийных платформ.

— Орден победит, — произнёс лорд-контролер. — Галаспар тоже будет готов. Пока наш флот атакует врага, активируйте орбитальную и наземную оборону.

С потолка опустились экраны, демонстрирующие выполнение его приказов. Сигналы с артиллерийских платформ подтвердили их готовность, а также то, что каждое из орудий уже направлено в сторону врага, которому нипочём не добраться до столицы. В пустошах между ульями Галаспара открылись громадные купола, а из земли поднялись батареи орудий, стволы самых маленьких из них достигали сотни метров в длину. Изображения сменялись одно за другим, демонстрируя прогресс в мобилизации Галаспара. Меньше чем за час вся планета оцетинилась пушками, тысячами смертоносных шипов, готовых извергнуть свой яд в небеса. Ничто не могло приблизиться к Галаспару и остаться в живых.

После этого контролерам оставалось лишь ждать и наблюдать, как значки на гололитическом столе смещаются всё ближе друг к другу. Стиванг не нашёл ни единого недостатка в стратегии Юваллиат, однако не стал говорить ей об этом. Если какой-то из аспектов плана окажется недостаточным, за последствия своего провала Юваллиат ответит сама. Тем не менее, лорд-контролер наблюдал за сходящимися на столе светящимися значками со смесью удовлетворения и предвкушения. Немалое число мониторов-крепостей не примет участия в первоначальном столкновении с противником, но система Галаспар в любом случае будет отлично защищена. Крепости, входившие в состав первой волны контратаки, и плетущиеся за ними орудийные платформы, выглядели роем, готовым поглотить головную часть вражеского наступления.

Значки на гололите оказались в пределах досягаемости друг от друга. Объединённая мощь Ордена открыла огонь. Центр стола озарился светом, данные о попаданиях и взрывах поступали настолько быстро и перекрывали друг друга с такой интенсивностью, что изображение фактически имитировало разрушительные вспышки среди пустоты в миниатюре. Слеплённый на мгновение Стиванг моргнул.

— Хорошо, — похвалил он. — Врагу преподнесён новый урок.

Удовлетворённое бормотание прокатилось среди сидевших за столом контролеров. Но затем они внезапно умолкли. Один из мониторов-крепостей исчез с дисплея на столе. Затем ещё один. Продвижение противника ни капельки не замедлилось. Стиванг уставился на вражеский строй, осознал его предполагаемую скорость — и во рту у него пересохло. Лорд-контролер почувствовал кинжал, направленный прямым в его горло.

— Что происходит? — прошептал он.

Платформа простиралась от стратегиума над мостиком, заканчиваясь подвешенной практически на полпути кафедрой. Оттуда Мортарион мог наблюдать за мостиком и основным обзорным окном. Экраны по обеим сторонам кафедры непрерывно передавали ему информацию о статусе флотских соединений и боевой обстановке. Восприятие примарха практически мгновенно перемещалось между тем, что он видел лично, и тем, что воспринимал с информационных строк, и это позволяло Мортариону сформировать идеальную общую картину войны в пустоте. Через систему Галаспар пролетала сама Смерть. Она широко расправила крылья, и крылья эти были его крыльями. Мортарион был свидетелем того, что желал видеть, и всех затрат во имя исполнения задуманного, но оставался непоколебимым. Смерть не способна отвернуться от деяний рук своих.

Неуклюжие зиккураты мониторов-крепостей, протяжённостью более трёх километров с каждой из сторон, встретили передовые части армады Гвардии Смерти лоб в лоб. Как только они оказались на достаточном расстоянии, крепости открыли огонь, выпустив шквал торпед по массивным целям прямо по курсу, как и предполагал Мортарион.

— Они не понимают, во что стреляют, — заметил Барразин. Вместе со своим товарищем Терсусом первый капитан стоял сбоку от Мортариона, в полушаге от генетического отца. Это были два капитана, чьи великие роты общим числом в десять тысяч Астартес собрались в трюмах «Четвёртого всадника». Мортарион распорядился, чтобы командиры присоединились к нему на мостике и тоже увидели битву во всей красе. — Им невдомёк, что они тратят свои торпеды на астероиды.

Мортарион создал искусственный щит из оснащённых двигателями планетоидов, которые должны были двигаться в авангарде флота. Дистанционно управляемые техноадептами «Четвёртого всадника», они едва ли могли похвастаться более-менее приличной маневренностью. Впрочем, им это было и не нужно. Как только флот начал движение по курсу, рассчитанному ещё до того, как Гвардия Смерти вошла в варп, траектория движения астероидов превратилась в прямую линию. Мортарион наносил удар в самое сердце системы, и никаких отклонений тут быть не могло.

— Вражеские авгуры зафиксировали приближение массивных объектов, — пояснил Мортарион, — возможно, ещё и тепло двигателей, приводящих астероиды в движение. Им этого хватило, чтобы начать атаку. Галаспарцы не стали ждать, чтобы узнать о нас побольше. Они ведут себя столь же глупо, как мы и предвидели.

Торпеды попали в цель, но астероиды продолжали движение с той же скоростью. Мониторы-крепости

сократили дистанцию — похоже, их экипажи продолжали пребывать в уверенности, будто атакуют вражеские корабли. При этом даже с работающими на полную мощность движками звёздные крепости Галаспара двигались куда медленнее астероидов. Защитники системы продолжали обстрел, снаряды и торпеды продолжали лететь в сторону целей безо всякой передышки. Галаспарская артиллерия не просто устраивала один залп за другим. Она творила шторм.

— Избыточная огневая мощь превращает галаспарцев в идиотов, — заметил Мортарион. Непрерывные взрывы заливали всё вокруг сполохами огня и светом. — Они ослепляют свои собственные датчики, и те не могут сообщить им, во что они стреляют.

Торпеды били по приближающимся астероидам размеренными, сокрушительными ударами. По мере того, как оба флота сближались друг с другом, всё больше и больше артиллерийских платформ оказывалось в пределах досягаемости, и новые орудия добавляли свой голос к хору артиллерийского обстрела. В первом столкновении ни Гвардия Смерти, ни Орден не имели возможности обойти противника с флангов.

Затем одна из крепостей Ордена, вступившая в бой не в едином строю с остальными, а как одиночка, возникла прямо посреди армады Гвардии Смерти, словно прорвавшийся левиафан. Она протаранила лёгкий крейсер «Фунереус»^[1] и сокрушила ему хребет. Вдвое уступавший размерами галаспарскому монитору «Фунереус» раскололся надвое, и его половинки закружились в неспешной смертельной агонии. Оказавшийся в самом центре вражеского строя корабль Ордена выпустил во все стороны шквал торпед. Его командир понимал, что он обречён, и был полон решимости сорвать наступление Гвардии Смерти ценой собственной жизни.

— Держать строй, — приказал Мортарион своему флоту. — Сосредоточить огонь всех передних батарей на нашем госте.

Корабли в тылу галаспарской крепости проигнорировали её. Большинство из них поглощали урон от торпед своими щитами. Ещё один лёгкий крейсер, «Маэстус»^[2], получил несколько попаданий. Его щиты рухнули, и череда взрывов разорвала корабль на части.

Другие корабли XIV легиона нависли над монитором, словно длань судьбы. Их носовые орудия извергли огонь, и ярость сотни корабельных пушек обрушилась на врага. Крепость распалась, словно была не более чем песком на ветру.

Астероиды начали трескаться под мощью длительного обстрела. Один из них, располагавшийся на переднем крае клина, потихоньку раскалывался на части. Когда повреждения стали критическими, а встроенные в каменную породу датчики зафиксировали, что структурная целостность планетоида вот-вот нарушится, сработали разбросанные по его задней полусфере заряды промышленной взрывчатки. Астероид взорвался, и его взрыв обрушил метеоритную бурю на корабли Ордена. Обломки врезались в мониторы-крепости, но их щиты были крепкими, а корпуса — настолько толстыми, что напоминали планетоиды из металла, и они выдержали натиск без серьёзных повреждений. Двое замедлились до практически полной неподвижности. Орудийные платформы, в свою очередь, подобной защитой не обладали, так что пять из них разлетелись на куски, их предсмертные вопли сотрясли пустоту, а взрывная волна сотрясла ещё несколько располагавшихся по соседству платформ.

Из-за покрова астероидов показались корабли. Капитаны мониторов-крепостей решили, что перед ними наконец-то возник настоящий враг. Теперь галаспарцам предстояло разделить огонь между планетоидами и мчащимися навстречу кораблями. Все они были старыми, списанными эсминцами,

вывезенными с утилизационных верфей и модифицированными ради выполнения последней миссии. Около километра в длину, в новой форме они представляли собой массивы орудий, установленных на корпусах, достаточно прочных, чтобы выдержать мощность приводивших их в движение двигателей. Они приближались к гораздо более крупным вражеским кораблям, словно жаждали встретить смерть.

Впрочем, так оно и было на самом деле. Навстречу галаспарцам неслись дистанционно управляемые корабли-самоубийцы, обладавшие едва ли большей маневренностью, чем астероиды, но в то же время способные совершать яростные рывки, приближаясь к своим целям. Они обстреливали крепости полным комплектом снарядов и торпед, ослабляя свою добычу перед окончательным сближением.

Находившийся справа от Мортариона экран демонстрировал позиции кораблей на переднем крае наступления. Поступавшие данные об интенсивности огня дополняли картину происходящего. Командиры двух крепостей, похоже, вообще не осознавали истинную природу угрозы до тех пор, пока не стало слишком поздно. Артиллерийские расчёты игнорировали брандеры до тех пор, пока те не подошли настолько близко, что сами мониторы оказались в радиусе действия всех вражеских орудий. Крепости попытались отступить, но двигались они подобно застрявшим в трясине животным, и как только галаспарские корабли начали совершать манёвр уклонения, как набитые взрывчаткой самоубийцы врезались в них. Брандеры разнесло на куски, заряды внутри их собственных корпусов во много крат превосходили своей смертоносностью объединённую мощь всех их артиллерийских боеприпасов.

Подобные искусственным солнцам огненные шары, отчётливо видимые сквозь иллюминаторы «Всадника» даже через такое огромное расстояние, поглотили крепости.

Один из кораблей Ордена направил свой нос над эклиптической, пытаясь уйти от брандеров и подняться над нарастающей битвой. Показания тепловых сканеров свидетельствовали, что взрыв повредил монитор, разорвав его корму и большую часть правого борта, разрушив рулевое управление и заглушив двигатели. Мортарион представил себе, как раненый враг ложится в дрейф, как вырывается из сотен брешей кислород, как внутреннее освещение поочередно гаснет на каждой палубе, одной за другой, а пламя распространяется по коридорам.

Другая поражённая брандером крепость продолжала движение. Ещё две подошли сзади и заняли позиции с флангов, образовав треугольную формацию испепеляющего огня. Центральный корабль пылал. Он потерял большую часть бортовых орудий. Повреждения распространялись дальше, раздававшиеся всё глубже и глубже вторичные взрывы сотрясали корпус. Хотя драться корабль пока ещё мог. Пока что ему было под силу навязать бой противнику.

— Они не отступают, — заметил Терсус.

— Невзирая на повреждения, — добавил Барразин.

Капитаны, насколько заметил Мортарион, считывали подробности сражения так же внимательно, как и он сам.

— Всё это подтверждает полученную нами информацию о природе Ордена, — резюмировал он. — Отступление невозможно. Более того, оно немислимо.

Три крепости пролетели сквозь излучавшие радиацию обломки другого астероида и наткнулись на свежие брандеры. Фланговые мониторы не стали колебаться и направили свои орудия на корабли-самоубийцы в попытке сдержать их.

Мортарион указал на значки, обозначающие вражеские крепости.

— Экипажи этих кораблей — первые из граждан Ордена, увидевшие наш флот. Они осознают, сколь неумолимы несущиеся им навстречу корабли, невзирая на их класс. Они видят приход ночи своей империи.

Драматичные всплески энергетических показаний поведали историю последующего разрушения. Пускай Орден не знал технологию варп-перемещений, он активно пользовался плазменными двигателями. Двигатель центрального монитора был напряжён до предела необходимостью добраться до захватчиков и покарать их. Его повреждения не подлежали ремонту, но поскольку двигатель всё ещё работал, никто даже не рассматривал попыток остановить его. В конечном итоге произошло неизбежное. Плазменный двигатель взорвался.

Массивный выброс неконтролируемой энергии полыхнул в пустоте, его серебристо-белый свет ослеплял каждого, кто взирал на него незащищёнными глазами. Все три монитора-крепости испарились, моментально поглощённые жаром солнечной вспышки. Взрыв разнёс на куски ещё несколько астероидов, брандеры исчезли, а гранд-крейсер XIV легиона «Могильный» прошёл практически через самый центр взрыва. Затем он возник из почерневших развалин, его двигатели хранили безмолвие, корабль нёсся вперёд по чистой инерции. С разрезанного поперёк левого борта громадная брешь в корпусе открывала лишённые жизни палубы. Дрейфующие тела и обломки тянулись за кораблём подобно хвосту кометы.

— Входящее сообщение от капитана Равасса с «Могильного», — сообщил вокс-офицер «Четвёртого всадника».

— Открыть вокс-канал, — распорядился Мортарион.

Пропитанный болью голос Равасса прозвучал сквозь море помех.

— *Наши силы на исходе, милорд,* — произнёс он. — *Мы больше не можем двигаться в едином строю с флотом. Теперь наш долг ясен.*

— Даруй смерть многим, прежде чем встретишь свой собственный конец, — изрёк Мортарион.

— *Так мы и сделаем, и они научатся бояться нас, прежде чем сдохнут.*

«Могильный» покинул строй. Оказавшись в одиночестве, он превратился в заманчивую мишень для Ордена.

Мортарион между тем поймал хмурый взгляд Терсуса.

— Только не говори мне, что Сумеречные Рейдеры были незнакомы с понятием «жертвенности», капитан, — отрезал примарх. — Экипаж «Могильного» состоял из ста пятнадцати тысяч человек. Все они вскоре умрут, как и экипажи ещё большего числа кораблей, прежде чем «Четвёртый всадник» достигнет своей цели. Сожалеть тут не о чем. Такова цена войны, вот и всё.

— У меня нет вопросов насчёт жертвенности, — пояснил Терсус, — но, если позволите, имеем ли мы право потерять «Могильного»?

— Ты имеешь право спрашивать. А вот отвечу я тебе так: мы имеем право — более того, мы обязаны — позволить себе всё, что способно привести нас к победе.

— «Могильный» по-прежнему силён. Если мы замедлим ход, то сумеем сохранить его силу в составе нашего строя.

— И какое же преимущество даст нам этот шаг? — поинтересовался Мортарион.

— Мы получаем оценку врага — совершенно ясно, что их корабли не в состоянии сравниться с нашими. Не стоит ли нам проявить больше методичности в нашем продвижении? Вместо того, чтобы на полном ходу мчаться сквозь корабли Ордена, мы могли бы уничтожить их все, шаг за шагом.

— Их слишком много, — ответил Мортарион. — Вот в чём заключается главная угроза со стороны Ордена. В численном превосходстве. Если мы замедлимся, то тем самым дадим врагу возможность пустить в ход все его силы. Подобный расклад оправдал бы осторожность тех, кто хотел бы взять Галаспар в кольцо блокады и выбросить его из головы, покуда обратное не станет удобным для Великого крестового похода. Только вот мы сюда не для осады явились. Мы пришли, чтобы нанести удар в самое сердце тирании. «Могильный» всё ещё остаётся частью этой войны. И он сможет внести свой вклад в наше продвижение. Продолжаем идти на полной скорости.

Равасс показал, что он верен своему слову. Спустя значительное время после его последней вокс-передачи показания экранов платформы поведали Мортариону, что «Могильный» отказался принять лёгкую смерть.

И флот погрузился глубже в пределы системы Галаспар, не обращая внимания на собирающуюся мощь, которая стремилась его остановить.

Внутри первичного командного центра на Галаспаре верховные контролеры уставились на гололитический стол. Текущие по нему данные рассказывали историю, бросавшую вызов их пониманию Вселенной. Вражеский флот уже прошёл мимо крайней из планет системы. Находившиеся в зале техники выносили своё резюме по отчётам, поступающим с кораблей Ордена. Внутри помещения воцарилась несдерживаемая ничем болтовня, монотонный нарастающий рок.

— Орудийные платформы обошли врага с флангов. Пытаются начать обстрел.

— Противник стреляет только вперёд.

— Подтверждены новые потери со стороны врага.

— Никакого снижения скорости или смены направления.

Стиванг обменялся поражёнными взглядами с Юваллиат.

— Им плевать на свои собственные потери, — прошептал Стиванг, и полное осознание того, что это значило для Ордена — как и для него самого — распространялось внутри его живота, словно недуг. Лорд-контролер знал, что Орден являл собой хладнокровный и безжалостный режим, которого не заботили судьбы погибших в последние часы экипажей. Но этот враг был намного, намного хладнокровнее.

Пылающий кинжал вражеского флота неумолимо приближался, и теперь Стиванг пребывал в полной уверенности, что направлен он прямо на него.

Гвардия Смерти прорвалась через первоначальную контратаку Ордена. Было ясно, что враг не ожидал ничего подобного. *«Прежде никто не бросал им вызов, — подумал Мортарион. — А если подобное и случалось, по-настоящему серьёзных угроз они не встречали никогда».* Скопление Галаспар оставалось

в изоляции на протяжении тысячелетий. Империя никогда не знала угрозы со стороны чужаков, и её защитники наглядно продемонстрировали это. Корабли противника поначалу медленно адаптировались к обстановке. Они тратили на обстрел астероидов даже больше времени, чем он смел надеяться. Однако по мере того, как флот углублялся в систему, Орден, наконец, изменил тактику. Всё больше и больше мониторов-крепостей присоединялось к сражению. Они сбавили ход, а затем сомкнули строй. Теперь кораблей было достаточно, чтобы они попытались обойти Гвардию Смерти с флангов, одновременно организуя лобовую атаку, чтобы остановить продвижение легиона.

Артиллерийского и торпедного огня было так много, что казалось, будто бы флот движется сквозь сердце звезды.

— Не обращайте внимания на фланговые атаки, — приказал Мортарион. — Вести минимальный ответный огонь. Пусть все наши усилия будут направлены вперёд, на расчистку пути. Атакующие в лоб крепости просто исчезли. Высвобожденный Гвардией Смерти огненный ад затмил своей силой все атаки Ордена. Флот продолжал двигаться полным ходом. Он оставил позади более тихоходные корабли Ордена. И свои тоже.

Мортарион отмечал каждую из потерь. Все они были приемлемы, все и каждая необходимы. Ключевым кораблём был «Четвёртый всадник». Он шёл на переднем крае наступления, в самом сердце атакующего клина. Хотя мониторы-крепости и орудийные платформы терзали края построения Гвардии Смерти, им не удалось остановить его молниеносное продвижение. Они не могли добраться до центра.

По мере приближения флота к Галаспару атаки Ордена становились всё сильнее и отчаяннее. Корабли Гвардии Смерти углубились во вражеский строй. Сквозь иллюминатор Мортарион заметил массу вражеских крепостей на фоне крейсера «Меланхолия». Торпеды пробили его корпус и подорвали склад боеприпасов. Взрыв сбил корабль с курса, и он врезался в линкор «Неизбежный зов». Они сцепились носами, а затем оба повернули на правый борт, подвергая опасности остальные суда.

— Если они не остановятся... — начал Барразин, но затем осёкся и не стал озвучивать свои опасения. Построение было плотным, а радиус поворота крупных кораблей — значительным. В случае катастрофы шансов на манёвр уклонения не оставалось.

— Они повернут, — сказал Мортарион. Экипажи кораблей найдут способ. *Они обязаны сделать это.* Каждый из них знал, что поставлено на карту. Они пожертвовали бы всем, чтобы позволить флоту сохранить наступательный импульс.

«Неизбежный зов» попытался вывернуться из тисков «Меланхолии», но это действие ещё сильнее сцепило оба корабля друг с другом, мало-помалу они превращались в уродливую рухлядь. Курс обоих изменился ровно настолько, чтобы они столкнулись с одним из астероидов. В последние две минуты своего существования крейсер и линкор открыли огонь из всего, что ещё могло стрелять. Опустошительная огненная буря, родившаяся в момент их столкновения с астероидом, уничтожила ещё несколько кораблей Ордена.

— Капитан Терсус, — произнёс Мортарион, — я знаю, ты понимаешь, что мы теряем в этом наступлении. Но ты же осознаёшь, что мы приобретаем?

— Так точно, милорд.

— Мы прорвали оборону Ордена, — заметил Барразин.

— Внешнюю, — напомнил Терсус.

Мортарион оставил слова подчинённых без комментариев. Он смотрел вперёд, готовясь к новым атакам орбитальных платформ и мониторов-крепостей. Вояж по системе был всего-навсего прологом. Если бы он недооценил «Четвёртого всадника» или возможности Ордена, то потерял бы всё.

Глава 6

Стиванг больше не мог усидеть на одном месте. Сквозь нарастающую пелену паники и гнева он понимал, что должен сохранять спокойствие, оставаясь непоколебимым средоточием власти, пока остальные будут демонстрировать свою слабость. Вот чем он должен был заниматься. Лорд-контролер являл собой наивысшую точку порядка Ордена, но вместо этого, будучи не в состоянии сохранять спокойствие, поддавался опасной слабости.

Ему было плевать, как и всем остальным верховным контролерам. То, что грозило обрушиться на Галаспар, оказалось слишком ужасным, чтобы оставалось место для каких-то там политических расчётов.

Стиванг расхаживал вокруг гололитического стола командного центра. Он смотрел на расположившихся в несколько рядов техников, перескакивая взглядом с одного экрана на другой, пока проходил мимо, словно желал каким-то образом узнать о происходящем как можно больше и как можно раньше, после чего предпринять соответствующие действия. Вокруг слонялись другие верховные контролеры, столь же беспомощные, как и сам Стиванг, все они шаркали ногами и пытались убраться с его пути, когда он проносился рядом. Техники рапортовали о переменах в ходе сражения, их голоса превращались в повторяющийся хор, в то время как значки на гололитическом столе приближались всё ближе и ближе к самому Галаспару.

— Мониторы-крепости отстают, — произнесла Юваллиат дрогнувшим голосом. — Им не под силу держать скорость врага.

— В таком случае Галаспар самостоятельно остановит эти корабли. Здесь, на поверхности, у нас есть свои средства защиты. — Он повернулся к ближайшему технику. — Открыть огонь из всех орудий. — Наземная оборона находилась в его непосредственной юрисдикции. — Уничтожить этот флот до того, как он выйдет на орбиту. Огонь! Стреляйте сейчас же!

— Лорд-контролер, — запротестовал техник, — в данный момент мы не располагаем возможностью наведения на эти корабли. Их блокируют астероиды на переднем крае.

— Так уничтожьте их!

— Если мы подождём ещё немного, сумеем навести орудия и ударить по их флангам, — заметила Юваллиат.

— И насколько близко к нам в таком случае они окажутся? Будет слишком поздно. У нас тут есть своя собственная артиллерия. — Он ткнул пальцем в сторону первого попавшегося техника. — Астероиды в пределах досягаемости? — потребовал ответа лорд-контролер, насколько ни заботясь о том, известно ли об этом оператору.

— Секунду, лорд-контролер, — подал голос техник слева от Стиванга.

— Уничтожьте же их! — рявкнул Стиванг. — Стреляйте из пушек! Я приказываю!

— Открываем огонь, — протянул техник.

Стиванг остановился и перевёл дыхание. Он отдал приказ, а приказ подразумевал действие. Так будет легче думать. Пушки Галаспара остановят вражеский флот. Неважно, какие корабли прибыли в систему. Им не удастся противостоять канонаде многих тысяч орбитальных и наземных орудий.

— Откройте купол, — велел Стиванг, — настало время засвидетельствовать мощь Ордена.

Потолок первичного командного центра загрохотал, обнажая купол из прочного армированного стекла. С тяжёлым механическим скрежетом центр пола начал приподниматься, пока не навис над рядами станций. Теперь верховные контролеры оказались внутри купола, и взорам благородного собрания открылась окружавшая столичный улей территория.

Хотя правительственная башня была высочайшим из шпилей улья Протаркос, она могла похвастаться и наиболее мощной защитой, будучи крепчайшей из всех галаспарских твердынь. Центральный шпиль устремлялся ввысь из самого сердца улья, эффективно защищённый окружавшими его со всех сторон многокилометровыми стенами. Несмотря на свою высоту, башня производила впечатление всего лишь приземистого выступа — настолько массивной была окружавшая её ферробетонная крепость.

Открытие купола немного успокоило нервозность остальных верховных контролеров. Жители Галаспара редко выглядывали наружу, если только необходимость не вынуждала их *покидать* свои покои. С этого угла обзора, совсем неподалёку от вековой пелены облаков, они могли созерцать окружающие земли на десятки километров во всех направлениях. Вокруг Протаркоса концентрическими кольцами растягивались мусорные холмы. На горизонте вырисовывались далёкие силуэты других ульев, а между ними, от одного поселения до другого, вздымались целые ряды галаспарских пушек.

Купол едва закончил открываться, как весь мир ощутимо затрясло. Гром выстрелов артиллерийских орудий сотряс стены и пол первичного командного центра. Весь улей загудел от новых залпов. Жерла орудий изрыгали пламя, снаряды тридцатиметровой длины улетали роем в туманное небо. Пушки подскакивали в своих корпусах, исполинские поршни лязгали, пока автомат заряжания готовил их к новому выстрелу.

Снаряды устремились ввысь сквозь облака. Серо-коричневые небеса пылали яростным красным оттенком тысяч инверсионных следов.

Стивангу показалось, будто бы свет едва погас, когда техники объявили о попадании. Гололитический стол расцвёл в очередной раз, изображения разрывающихся снарядов перекрывали друг друга настолько интенсивно, что превратились в однотонное свечение, имитирующее силу взрывов в пустоте.

Стиванг представил себе, как снаряды молотят по астероидам.

— Вот как мы приветствуем врага на Галаспаре, — выпалил он. — Вот как умирает захватчик. Сначала астероиды, а затем и флот. Орудия не остановятся, пока от врагов не останется ничего.

— Но у них тоже есть орудия, — прошептала Юваллиат.

— О, у нас их куда больше.

Руководство ходом войны выскользнуло из рук Юваллиат. Мониторы-крепости провалили свою задачу, а значит, и она тоже. Ему придётся отдалить её от своего дома, как только кризис подойдёт к концу.

— Разве мы не должны?.. — начала Юваллиат.

Катастрофические взрывы заглушили её голос. Они наслаивались друг на друга в нарастающем рёве уничтожения. Купол был изолирован от звуков, но грохот звучал с такой силой, что Стиванг взвизгнул и заткнул уши.

Раньше свечение в небесах казалось ничтожным. Теперь же оно пылало по-настоящему. Облака взметнулись вспышками белого зноя и огненными бурями от горизонта до горизонта. Лорд-контролер поспешил отвернуться от слепящих вспышек.

— Наведение на цель отсутствует! — крикнул техник.

— Что происходит? — потребовал объяснений Стиванг.

— Астероиды взорвались.

— Мы раскололи их?

— Никак нет, лорд-контролер. Они взорвались. Сквозь обломки не видно ничего.

— Их падение на нас неизбежно, — предупредил другой оператор.

— Продолжайте стрелять, — потребовал Стиванг.

— Расчёты не видят целей.

— Продолжать стрельбу, я сказал!

Взревели пушки, но затем их ужасающие голоса превратились в шёпот пред яростью грянувшей бури. На поверхность планеты обрушился огонь — метеориты и обломки брандеров летели вниз, смертоносный дождь из металла и горящего камня пролился над галаспарскими землями. Улей вновь содрогнулся, а затем ещё раз, и ещё — с каждым новым ударом Протаркос трясло. Облака пыли поднимались из свежих кратеров, а земля за пределами купола исчезала, поглощённая пронизанным огнём чистилищем. Стиванг затаил дыхание в ожидании того мига, как новый метеорит обрушится на шпиль. Он попытался отдать приказ убрать купол, но сама мысль об ожидании во тьме, где не видно даже дыма и огня, страшила его ещё больше.

А затем на гололитическом столе возникли полосы нового пламени и взрывов, после чего техник объявил:

— Вражеский флот начал бомбардировку.

Теперь Стиванг не видел ничего. Пыль, клубы дыма и огонь поглотили всё. Окружающий мир исчез. Ему пришёл конец. Рёв от взрывов был непрерывным, но даже посреди бесконечного гула Стиванг всё ещё чувствовал грохот отдельных ударов. Задыхаясь, с широко раскрытыми глазами, лорд-контролер откинулся на спинку кресла. Его младшие коллеги вопили, но он не слышал ничего, кроме всепоглощающего рёва. Кричал и сам Стиванг, пускай никто не мог услышать его, но он продолжал раз за разом выкрикивать свой последний приказ — это было всё, что оставалось делать, пока его мир горел, а улей содрогался.

— Продолжать стрельбу! Продолжать стрельбу! Продолжать!

Он повторял эту мантру раз за разом, и это было необходимо, ибо в противном случае, если бы он перестал формировать слова, его крик потерял бы всякую форму и превратился в бессмысленный вой

ужаса и гнева. Целеустремлённость покидала разум лорда-контролера. Орудия продолжали палить вслепую, но он должен был надеяться, что их число всё ещё достаточно велико, и что даже ненаправленный огонь окажется столь интенсивным, что хотя бы во что-нибудь защитники планеты точно попадут. Стиванг ни за что бы ни поверил в беспомощность Галаспара, но поверить в скорый конец родного мира теперь было ужасающе легко.

А затем посреди хаоса и огня возникла фигура, слишком огромная, чтобы хоть что-то могло её скрыть. Она спустилась напрямик с пылающих небес. Пред взором контролеров предстал корабль длиной в несколько километров, настоящий монолит самой войне, и эта громадина приближалась прямо к их улью.

Стоя над мостиком «Четвёртого всадника», Мортарион и его капитаны наблюдали за тем, как остатки импровизированного щита их флота исчезают под непрерывным огнём галаспарских орудий. Со своего места за кафедрой стратегиума Мортарион почувствовал, как ход войны принимает ту самую форму, которую он и предвидел. Лезвие косы вот-вот ударит в самое сердце Ордена.

По мере того, как астероиды разрушались, срабатывали установленные на них взрывные заряды. Метеоритный рой обрушивался на Галаспар, как и последний из брандеров, несущийся навстречу разрушительной смерти на поверхности.

Прикрытие флота исчезло, но свою задачу оно выполнило. Щит позволил Гвардии Смерти выйти на низкую орбиту. Он нанёс первый удар, чтобы открыть путь «Четвёртому всаднику», а за ним последовал массивный залп всего флота.

— Галаспар и правда недурственно защищён, — признал Барразин.

Орбитальные артиллерийские платформы обстреливали флот, не прекращали свою канонаду и наземные орудия. С исчезновением астероидов флот стал уязвим. Картину, открывавшуюся через центральный окулок, портили полосы щербин.

«Как бы то ни было, Галаспару недолго оставаться защищённым».

— Защита — это именно то, чего мы ожидали, — сказал Мортарион. — Только вот она оказалась недостаточной. Наш путь вот-вот откроется.

Пока он говорил, огонь планетарных орудий затих. Интенсивность залпов уменьшилась. Снарядам, прилетавшим с поверхности, не доставало той концентрации огня, что уничтожала астероиды.

— Они нас не видят, — заметил Мортарион. — Снижаемся.

— Двигатели на полную, — отозвался капитан «Четвёртого всадника» Ралла Эвернус. Корабль рванулся вперёд, устремляясь вниз, прямо в кипящий котёл галаспарской атмосферы.

— Вокс на весь флот, — распорядился Мортарион.

— Каналы флота открыты, — отозвался вокс-офицер, и с кафедры на механодендрите поднялся бронзовый вокс-модуль, чья решётка раскрылась, словно змеиный капюшон.

— Приказ всем кораблям, — произнёс Мортарион, — начинайте отход.

Барразин был прав. Комбинированный удар метеоритов и бомбардировки ослабил галаспарскую

оборону, но лишь на короткое время. Скоро вражеские орудия вновь найдут свои цели, и ни один корабль не сможет выдерживать столь продолжительный обстрел достаточно долго.

— Убирайтесь из зоны действия планетарных орудий, — продолжил примарх. — Вражеские корабли вскоре догонят вас. Прикончите их и ждите моего сигнала о возвращении.

Если нейтрализовать орудия не получится, крупные корабли XIV легиона не сумеют приблизиться к Галаспару. Если им не удастся приблизиться, победы не видать.

«Я заставлю их замолчать».

Окутанный пламенем «Четвёртый всадник» спускался сквозь облака. *«Вот и я, Галаспар. Лезвие косы готово поразить твоё сердце».* Огненные бури обрушивались на корабль, но его курс оставался безошибочным и предопределённым. Цель штурмового барка укрылась под покровом невидимости, сокрытая слоями горящего, ядовитого, грязного воздуха. Пускай она и пыталась скрыться, её судьба в любом случае была предreshена. Мортарион внимательно проштудировал посвящённые Галаспару отчёты разведчиков. Примарх достаточно хорошо изучил планетарную географию, чтобы безошибочно определить крупнейший из ульев. Авгурная система дальнего действия «Четвёртого всадника» засекала столицу практически сразу же, как флот вошёл в систему, нацелившись на наибольшую концентрацию излучаемого тепла.

Флотские силы Гвардии Смерти двигались на исключительно высокой скорости. Учитывалось множество различных факторов, включая вращение самого Галаспара, так что «Четвёртый всадник» начинал свой спуск в сторону улья с ближайшей удобной точки в небесах планеты. Вторжение представляло собой не только взмах косы, но также и бросок копья, наконечник которого был готов нанести смертоносный удар.

«Четвёртый всадник» вырвался из облаков в пылевой вихрь. Сквозь серовато-белые клубы едва виднелся силуэт улья, громоздкий и ужасающе близкий. Драгоценные секунды утекали одна за другой. Тем не менее, Мортарион ожидал до последнего, прежде чем сказать:

— Включить обратную тягу и приготовиться к удару.

Тормозные двигатели взревели, невероятный жар языков пламени от выхлопных газов опалил стены улья; оказавшись посреди огненной бури, штурмовой барк замедлился. Толчок тормозных систем оказался настолько силён, что без труда разорвал бы любой другой корабль надвое. Изменение вектора гравитации само по себе было практически смертельным для смертного экипажа, и те, кто из-за своей медлительности не смогли подчиниться команде Мортариона, полетели на переборки, ломая себе хребты. Несгибаемые Барразин и Терсус устояли на ногах, держась одной рукой за окружавшие стратегиум перила. Не нуждавшийся в опоре Мортарион стоял неподвижно, словно сама Смерть.

Турели на бастионах улья открыли огонь в никчёмной демонстрации неповиновения, абсолютно бесполезной против «Четвёртого всадника».

Немного замедлившись, всё ещё стремительный и столь же ужасающий корабль нёсся по направлению к шпилью. Мортарион наблюдал, как стены заполняют собой пространство иллюминатора.

Удар, что начался ещё на окраине системы, наконец-то поразил намеченную цель. «Четвёртый всадник» врезался в стену города.

На улей Протаркос снизошла тьма. А вместе с ней пришёл огонь.

Вражеский корабль врезался в город приблизительно в четверти расстояния вниз от шпиля. Внешние стены располагались в нескольких километрах от командного центра, но главная диспетчерская вышка всё равно закачалась. Удар сбил Стиванга с ног, и он врезался в гололитический стол, упал и заскользил по нему. Техники тоже повалились со своих мест, в то время как верховные контролеры перепрыгивали через стулья и прыгали с платформы на рабочие станции внизу. По куполу пробежала паутина трещин.

Лёжа на спине посреди стола и глядя вверх на клубы дыма и языки пламени, оглушённый настолько мощным грохотом, словно сам Галаспар выл в агонии, Стиванг приготовился к тому, что купол вот-вот рухнет и покончит с ним.

Башня снова качнулась, хоть и не так сильно, и ему наконец-то удалось сесть. Глядя вниз сквозь нижнюю часть купола на практически скрытые туманом очертания улья, Стиванг видел, как всё вокруг содрогается, и что не все башни Протаркоса выдержали вражеский удар. Некоторые из них оторвались от единой массы улья, переломившись в наименее крепких участках конструкции, и развалились на части, рухнув во тьму пылевых облаков. Некоторые из башен падали секциями, словно складывались внутрь самих себя, их шпили внезапно обрушивались вниз, а затем они тоже исчезали. Энергия внутри первичного командного центра то и дело вспыхивала, а затем гасла опять, и там, где улей раскалывался, во мраке вспыхивали и исчезали огромные электрические дуги.

Затем электричество полностью отключилось и не появлялось ещё несколько минут. Неподвижный Стиванг ждал в темноте — делать было нечего. Затем свет вернулся, и башня перестала трястись.

Эвальд Стиванг спрыгнул со стола и первым из контролеров сумел подняться на ноги. Техники внизу снова заняли свои посты и смотрели вверх, ожидая, когда кто-нибудь отдаст им команду — без разницы, какую именно.

— Пошлите вызов всем ульям, — потребовал Стиванг. — У нас вторжение. Враг уже здесь. Направить все силы в Протаркос, встретить захватчиков и уничтожить их. По всем ульям, именем лорда-контролера, объявляется всеобщая мобилизация.

«Всего один корабль. Всего лишь один-единственный корабль. — Прокручивать в голове картину происходящего оказалось непросто. Вражеское судно было слишком уж велико. — Впрочем, неважно, сколь вместительны его трюмы. Мы превосходим захватчиков численностью в тысячи раз, и даже больше».

Стиванг всё ещё командовал. Он всё ещё контролировал ситуацию.

Там, куда врезался «Четвёртый всадник», бушевали пожары. Обрушились целые секции уровней, и улей перестал быть узнаваемым. Не стало ни залов, ни коридоров, ни мануфакторий — одни лишь развалины, нагромождение разорванных металлических каркасов и неровных насыпей скалобетона.

Мертвецы лежали вокруг десятками тысяч, и это без учёта трупов, испарившихся от жара и силы столкновения. Раздавленные тела скрывались под грудями камня. По мере того, как грохот от столкновения и вторичных трещин расколотого улья стихал, отовсюду звучало всё больше бессвязных воплей раненых.

Разрушение было тотальным. Отряды рабочих бесцельно слонялись среди руин, оглушённые и внезапно утратившие смысл своего существования. У них не осталось ни инструкций, ни надзирателей, что бичевали бы их и указывали, куда идти.

Ужас пробился наружу сквозь морок дурманных препаратов. Для некоторых несчастных наступило в некотором роде пробуждение.

Ни одна из рабочих единиц не обладала полноценным именем. Вместо этого использовались цифровые обозначения. Но там, где было сознание, возникала идентичность, а идентичность всегда жаждала собственного имени.

В моменты прояснения сознания женщина думала о себе как о Копалке. Она и была Копалкой, поскольку в те моменты, когда не работала на заводе по переработке отходов, она копалась в кучах мусора, что состояли из полностью отвергнутого материала, который лениво сочился из выпускных труб мануфактурума. Она копалась посреди этой жижи в поисках дополнительных источников пищи, которые могли содержаться среди грязи — этих маленьких скользких кусочков жира, слишком мелких для обработки машинами, ошметков слизи и прочей мерзости, что можно было бросить в рот и проглотить.

Сейчас она не рылась в мусоре, будучи слишком испуганной и удивлённой для этого. Копалка присела за куском скалобетона в компании Скребка — ещё одной «рабочей единицы» из её когорты. Они посмотрели друг на друга, и глаза обоих казались слишком огромными и белыми на покрытых коркой грязи лицах.

— Что делать будем? — спросил Скребок. Он выглядел неуверенным, словно не знал, имеет ли он право даже перевести дыхание. Никто ни к чему их не принуждал, и все вокруг валялись мёртвыми. Ждать помощи было не от кого.

Копалка решила выглянуть из-за импровизированного укрытия. Её взору предстала громадная пещера, открывшаяся внутри улья по воле врезавшегося в Протаркос левиафана. Их мир словно бы испытал на себе удар молота.

— Хочу взглянуть поближе, — заявила она. К новизне чуда прибавилось ещё одно свежее переживание — любопытство. Корабль стал новым центром реальности, и он взывал к ней.

Скребок испытывал схожие чувства. Он кивнул, и они вдвоём вышли из своего укрытия. Рабочие карабкались по развалинам и мертвецам, кружили вокруг новых шахт, уходивших в глубину на множество уровней, где пламя ревело, как в жерле вулкана. Пол пещеры представлял собой смятую массу из стен и потолков. Скребок и Копалка двигались там, где прежде не было места, и нос корабля становился всё более и более исполинским прямо у них на глазах.

— Как такое может быть? — промолвил Скребок, чей голос звучал так же испуганно и взволнованно, как себя чувствовала Копалка. — Как Орден мог допустить подобное?

— Да никак, — отозвалась Копалка. Она хихикнула при осознании немыслимой ереси, которую только что произнесла. — Никак, — повторила она ещё раз только ради того, чтобы вновь услышать эти слова.

Рабочие находились в нескольких сотнях метров от кончика носа корабля и ещё в сотне метров под ним. От корпуса исходил жар, обжигавший грязь на плоти Копалки. Она созерцала чудовище, не в силах понять, что же оно такое и что означает его появление, за исключением того факта, что оно изменило всё, ибо произошло воистину невозможное.

Скребок замер и схватил её за руку.

— Что? — Она попыталась отстраниться, желая подойти к чудовищу поближе.

— Слушай! — прошипел Скребок.

Теперь она услышала грохот шагов. Привычные звуки заставили её кровь застыть в жилах. Свежие эмоции исчезли, словно их и вовсе не было. К освободившимся рабочим приближалась военная мощь Ордена. Копалка уже чувствовала, как её сердце вновь сжимается в мёртвой хватке. Она изо всех сил старалась дышать, а топот маршевых сапог меж тем становился всё громче и громче. Звук доносился отовсюду, отражаясь эхом из рваных отверстий вокруг пещеры.

В нескольких метрах неподалёку, в промежутке между грудями щебня, зияла впадина. Женщина бросилась к ней и свернулась клубочком внутри, всего мгновением спустя Скребок последовал её примеру. Товарищи по несчастью сжались, как только могли, чтобы сделаться максимально незаметными. Покинуть пещеру не было времени, да и сама Копалка не ведала о том, куда бежать. Единственные знакомые ей места в этом районе улья исчезли без следа.

Они со Скребком дрожали и выжидали. Звуки марша усилились, а затем явились солдаты. Они вошли в пещеру настоящим потоком, волна за волной, фанатичные офицеры вели шеренги одурманенных наркотиками до состояния бесстрашной, но контролируемой агрессии солдат-рабов.

Скребок заскулил от страха. Копалка задрожала так сильно, что едва могла дышать. Орден предстал перед ними в самой устрашающей из всех известных форм. Рабочие знали, как именно солдаты наказывали тех, кто хоть в чём-то не соответствовал требованиям контролеров. Они никогда не видели войск в таком количестве. Пластинчатая броня бойцов была окрашена в красный и синий, симметричные цвета Ордена, и они врвались в пещеру бесконечными тысячами, словно колонны муравьёв, желавших уничтожить незваных гостей своего гнезда.

На несколько минут посреди разгрома новой пещеры, где было уничтожено всё, что только знала Копалка, в её разуме пробудилась мечта. Но теперь, когда явились солдаты, мечта испарилась. Вернулась привычная ей реальность. Невозможное обратится во прах, а тирания Ордена восстановится.

В основании носа корабля пришельцев распахнулись громадные двери — чудовище открыло свою пасть, словно желая насытиться. Опустился пандус, и Копалка услышала новые шаги куда более тяжёлых ботинок, марширующих со зловещей точностью, недоступных одурманенному топоту галаспарских солдат.

Из тёмных глубин корабля вышли фаланги гигантов, облачённых в доспехи мертвенно-серого цвета. При виде этого зрелища у Копалки буквально отвисла челюсть; она забыла о том, как дышать, равно как и о страхе перед бойцами Ордена. Эти существа находились на совершенно ином уровне бытия — чересчур совершенные в своём безжалостном марше на врага, слишком ужасные в своих нечеловеческих шлемах. Во главе их строя стоял самый большой и самый жуткий великан из всех, возвышавшийся над крупнейшими из бойцов армии пришельцев. Вместо шлема гигант носил капюшон, и хотя нижнюю часть его лица скрывал респиратор, в глазах повелителя чужаков Копалка увидела всё, что ей следовало знать — перед ней предстала сама Смерть, сумевшая обрести физическую форму.

Скребок заскулил в ужасе перед этим призраком.

Смерть окружала группа воинов, не столь высоких, как он, но куда более грозных и зловещих, чем остальные представители их вида. Движения этих существ были неумолимы, а их безмолвие само по себе являлось оружием. Это были длани Смерти, подумала Копалка. Продолжения её воли.

Тысячи гигантов вышли из корабля. Они сформировали клин, который врезался в превосходившую их по

численности орду галаспарских солдат. Бойцы Ордена окружили захватчиков и уже приготовились уничтожить их, но как только началась атака, галаспарские солдаты превратились в бессловесный скот, отправленный на убой. Вождь великанов сжимал в руках массивную косу, а его избранные воины несли оружие, сработанное по её подобию, разве что немного меньших размеров. Как только эти косы ударили, Копалка ахнула и сжалась в клубок. Тела солдат взорвались с такой силой, что пещеру залил кровавый дождь. Скребок захныкал, растирая попавшие ему на кожу брызги крови. Копалка почувствовала, как алая жидкость капает за уши; не в силах пошевелиться, она уставилась на орудующих косами великанов. Взмах-другой, и ещё раз, и ещё — сотни солдат Ордена исчезали с каждым ударом сердца, подхваченные багровой жатвой. Грозный повелитель великанов безостановочно шагал вперёд, убивая без какого бы то ни было напряжения, и со всех сторон от него падали мёртвые солдаты.

В рядах покинувших корабль воинов были орудия, и они открыли огонь. Оглушительный грохот снарядов казался эхом грома, возвестившего о пришествии великанов. Войска Ордена открыли ответный огонь, но по сравнению с пришельцами выстрелы их винтовок казались жалкими, словно солдаты беспомощно палили из детских игрушек.

Копалка наблюдала, как вновь и вновь разворачивалось невозможное. Её сердце вновь застучало быстрее, но на сей раз не только от страха, но и от возбуждения. Орден атаковал волнами, и гиганты справлялись с каждой новой волной, словно та была эфемерной, как дым. Зубы Копалки стучали в такт выстрелам, женщина дрожала в экстазе благоговения.

Пришельцы были не просто гигантами, но чем-то большим. Положить конец всему явились сами боги.

Глава 7

Солдаты Ордена обрушились на Гвардию Смерти очередной волной. Их глаза были тусклыми, но лица искажались гримасами гнева. В противостоянии с керамитовыми доспехами легионеров оружие галаспарцев оказалось столь же бесполезным, как и у каждой предшествующей волны их собратьев. По всей длине одиннадцатитысячной колонны прогремели залпы болтерного огня, и очередная волна разбилась о строй Гвардии Смерти. Расколотый пол пещеры скрылся из вида под ковром из мертвецов. Легионеры Четырнадцатого практически достигли дальнего конца каверны, где лабиринт коридоров вёл к самому сердцу улья.

— *Это не солдаты,* — сообщил Барразин по воксу Мортариону и Терсусу, — *а натуральные автоматы из плоти.*

Мортарион резко дёрнул Безмолвием, стряхивая с косы лишнюю кровь и ошмётки внутренностей. Затем примарх оглянулся. Барразин и Терсус взяли командование над третью легионеров каждый, и части единой колонны Гвардии Смерти разделились, готовясь к предстоящему вскоре ещё большему рассредоточению.

— *Не думаю, что офицеры, которые ими командуют, хоть когда-то сражались с настоящим врагом,* — заметил Терсус. — *Хотя это не значит, что они не способны адаптироваться.*

Боевой капитан уважал мастерство и беспощадность Барразина, равно как и то, что тот лучше всех терранских офицеров понимал, во что Мортарион стремится перековать Гвардию Смерти. Терсус куда сильнее ценил прошлое легиона, но он хорошо командовал и умел внушить верность каждому из своих людей. Кроме того, командир Седьмой великой роты отличался сообразительностью, а это качество

Мортарион желал видеть в битве за Протаркос.

Однако до сих пор Орден прибегал лишь к одной-единственной стратегии — попытке раздавить неприятеля одним лишь численным превосходством.

— *Они что, надеются задушить нас трупами?* — спросил Барразин. — *В противном случае всё это пустая трата нашего времени и их плоти. Они не представляют ни малейшей угрозы.*

— Точно, — без промедления отозвался Мортарион, не переставая наносить смертоносные косые удары своим Безмолвием. Ужас, что вызывали действия примарха, пробился сквозь наркотический туман в головах ближайших к нему вражеских солдат, сломив их и вынудив спасаться бегством, однако все они встретили смерть. — Помните, что вызов, который представляют собой враги, кроется именно в потере времени. Мы не можем позволить Ордену обрушиться на нас всю свою мощь и закрепиться на родной земле.

И он зашагал быстрее.

Сопровождавшие примарха с флангов на шаг позади воители Савана Смерти, облачённые в терминаторские доспехи «Катафракты», продвигались вперёд с методичностью метронома в бесстрашной, ужасающей тишине. Их силовые косы рвали жалкие доспехи солдат Ордена в клочья. Лезвия буквально взрывали вражеские торсы, разбрасывая во все стороны куски человеческих тел. Фронт свежей вражеской волны рухнул. Солдаты, впервые за всю свою жизнь испытавшие подлинный ужас, визжали и затаптывали друг друга в стремлении сбежать.

Саван Смерти не позволил выжить никому.

Ступая по трупам своих товарищей, вперёд устремились новые солдаты, отчаявшиеся и уже изрядно напуганные. Мортарион извлёк из кобуры свой «Лампион» и начал быструю стрельбу, барабанный магазин оружия напитывал энергией каждый новый выстрел. Передние ряды врага скосило, словно артиллерийским огнём.

— Орудия планеты возобновили огонь, сдерживая наш флот, — отчеканил он. — День и ночь, отпущенные нам на захват Протаркоса, начались. Как только это время истечёт, нас атакуют миллионы.

С того момента, как последний из легионеров Гвардии Смерти сошёл с трапа «Четвёртого всадника», битва длилась всего несколько минут. Десятки тысяч врагов уже лежали мёртвыми посреди сотворённой штурмовым барком пещеры. *«Хорошее начало, но это всего лишь начало»*. Наступила пауза, когда воинство Мортариона достигло дальнего конца каверны, где располагались сотообразные коридоры, ведущие вглубь улья. К этому моменту атаки Ордена прекратились. Враг затаился в глубинах катакомб, готовясь к бою. Теперь места будет меньше, и борьба станет тяжелее. Более того, сами масштабы лабиринтов улья сыграют на руку защитникам. Легиону придётся рассредоточиться.

— Идите, — передал по воксу Мортарион одиннадцати тысячам бойцов. — Никакой пощады к тем, кто поднимет на вас оружие.

Гвардия Смерти устремилась в следующие залы, на каждой развилке крупным отрядам приходилось дробиться на меньшие формации. Вскоре большинство легионеров действовали в качестве отделений, компактных убойных отрядов, что выжигали весь улей по мере дальнейшего продвижения, оставляя за собой одни только трупы. Легионеры неуклонно продвигались вперёд и к центру в стремлении достичь средоточия власти Ордена.

В скором времени после того, как Терсус двинулся по коридорам, взвыли вокс-динамики.

— *Уничтожить захватчиков, —* увещевал голос. — *Весь Галаспар обязан сражаться. Уничтожить захватчиков. Весь Галаспар обязан сражаться.*

Команда повторялась снова и снова, прерываясь разве что воем клаксона, срабатывавшего между каждым двойным повтором приказа.

Орден требовал всеобщей мобилизации.

Его подданные повиновались.

Терсус свернул за острый угол коридора, и перед ним возникло пространство шириной в сотни метров, а впереди показались двери гигантского мануфактурума. По обеим сторонам громоздились десятки этажей общежитий с открытым фасадом. Лестницы спускались из тесных спальных помещений на основной уровень. В дальнем конце открытой площадки ступени метров в тридцать шириной вели ко входу в мануфактурум, зиявшему подобно гигантской пасти.

Тысячи солдат заполнили огромный зал. Среди них было ещё больше гражданских, сжимавших самодельное оружие, простые дубинки и всевозможные инструменты. Изо ртов у них стекала пена, а в расширенных под воздействием химикатов глазах плескалось безумие.

— Граждане Галаспара, мы — ваши освободители. — Терсус задействовал вокс-передатчики своего шлема на полную, чтобы его голос пробился сквозь рёв бесконечно повторяемых приказов Ордена и нарастающий гул толпы. — Вам нечего нас бояться. Мы пришли только за вашими хозяевами.

Гражданские не слушали. Обезумевшие от химии и подгоняемые силовиками, они мчались вперёд в едином строю с солдатами. На Гвардию Смерти обрушилось людское цунами чистого безумия. Нападавшие не имели ни малейшего понятия о дисциплине. Они палили и царапались в равной степени с завываниями умалишённых.

Терсус и его братья стойко противостояли вражескому натиску. Они закрепились и наклонились вперёд, используя против тел силу и массу. Клин сумасшедших галаспарцев устремился вперёд, и располагавшиеся на флангах Гвардейцы Смерти встретили атакующих языками пламени. Легионеры перемещали потоки горящего прометия из стороны в сторону, формируя сплошную стену огня. Вопящие факелы, совсем недавно бывшие людьми, побежали назад, сея вокруг себя погибель. Атакующая волна дрогнула, и власть огня предоставила Терсусу и его людям достаточно времени, чтобы пустить в ход свои болтеры. Стволы заработали в идеально синхронизированной атаке, и смертоносная точность снарядов пожинала кровавый дождь и бурю разорванной плоти.

— Похоже, что галаспарцы увеличивают мощность боевых химикатов, — заметил легионер Гарро, когда его отделение перебило сотни солдат и гражданских буквально за несколько секунд. — Они слишком глупы, чтобы бояться нас.

— Слишком чокнутые, чтобы сражаться должным образом, — поправил Терсус. — Даже солдаты. Дерутся, словно животные.

По мере того, как отделение продвигалось вглубь зала, сверху спускалось всё больше и больше гражданских, которых гнали вооружённые кнутами силовики. Человеческое море нападающих казалось неиссякаемым. Терсус проревел своё предупреждение ещё раз, но эффекта оно вновь не возымело. Местные то ли не слышали его, то ли не желали слушать. Их естество растворилось в дымке безумной

химической ярости. Галаспарцы вообще не могли осознать, что им предложен выбор.

Терсус чувствовал жалость к несчастным глупцам, но всё же те оставались врагами, вне зависимости от того, кем они были в обычной жизни и какие мотивы побудили их взяться за оружие — если таковые вообще имели место. Тщетность их действий ничего не меняла. Они подняли оружие на Гвардию Смерти и тем самым подписали себе смертный приговор.

— Это противоречит здравому смыслу, — встревоженно произнёс Гарро, чьи доспехи покрывала запёкшаяся кровь.

— Всеми виной химикаты, отчаянье и психическая обработка. Всё это прекратится, как только Орден сгинет.

Силы под командованием Терсуса рассредоточились ещё шире. Ни один из видов оружия в руках бойцов Ордена не мог пробить броню Астартес, однако море бьющихся тел оказалось препятствием, а все препятствия на пути к быстрому и полному захвату Протаркоса были обречены. Команды Мортариона звучали предельно ясно: всякое сопротивление следовало подавить и уничтожить.

Вооружённый гаечным ключом человек набросился на Терсуса, и боевой капитан встретил его выстрелом. На долю секунду лицо мужчины исказилось от потрясения и боли, после чего его туловище взорвалось. Осколки костей вырвали оказавшейся слишком близко женщине горло и глаза.

Отделение продвигалось медленно, поток вражеских тел не иссякал. Легионеры достигли ступеней мануфактурума, и его пасть извергла ещё тысячи рабочих, которые бросились на Гвардейцев Смерти с криками бедственного отчаянья. Терсус посочувствовал не только безумным жертвам, но и бедственному положению рабочих. Вот как Орден относится к своим гражданам. Боевой капитан раз за разом напоминал самому себе, что именно это вынудило Мортариона прийти сюда. *«Положить всему этому конец — вот ради чего они пошли на эту бойню. Наверное».*

Терсус отбросил прочь все мысли о жалости. Ей не удастся положить конец войне и сокрушить Орден. Он сделал то, что требовалось, и снова выстрелил из болтера, уложив единственным болтом пятерых.

Кровь ручьями бежала по полу. Легионеры поднялись по ступеням, вступая в очередную схватку, и ручейки превратились в водопад. Люди напирали со всех сторон, и точно так же умирали. Гвардейцы Смерти оставляли за собой груды изувеченных тел. Воздух стал влажным от крови, а почва — опасной для смертных, скользкой от органов и усеянной острыми осколками костей.

Внутренняя часть мануфактурума представляла собой громадную открытую площадку с парой исполинских газовых резервуаров сферической формы. Рабочие слезали с окружавших топливные баки лесов и спешили присоединиться к атаке, движения галаспарцев отличались резкостью и свидетельствовали о нарастающей панике.

Терсус указал в сторону резервуаров.

— Разорвём их, — объявил он. Вместе с Гарро они одновременно открыли огонь, целясь поверх голов толпы. Масс-реактивные снаряды пробили металлическую оболочку сфер и взорвались, став всего лишь прелюдией к ещё большему взрыву.

Резервуары исчезли в пламенном дыхании дракона. Гвардия Смерти держалась стойко, выдерживая ударную волну и пылающий ад, подобно прибрежным скалам во время шторма. Огненная буря высотой до самого потолка пронеслась по мануфактуруму, вырвалась в пространство за его пределами и омыла

стены открытых спален. Дракон бушевал всё дальше и дальше, круша всё, что встречалось у него на пути. Весь зал содрогнулся, и общежития рухнули, раздавив оставшихся внутри людей. Тысячи тонн скалобетона посыпались в зал. Потолок мануфактурума треснул, полетели куски щебня. Трещины раскололи его стены, и они склонились друг к другу, но всё-таки смогли устоять.

Рёв сменился дымом, пылью и тишиной. Терсус оглянулся, уставившись на покосившиеся ворота мануфактурума. Следующий зал обратился в груды щебня. От армии безумцев, атаковавшей Гвардейцев Смерти, не осталось ничего. За пределами мануфактурума не было ни единого признака измельчённых тел, ибо все они скрылись под обломками. Воздух внутри помещения наполнился вонью горелой плоти. Вокруг легионеров валялись искривлённые фигуры тысяч почерневших мертвецов.

Голос Ордена оборвался, и вокруг воцарилось безмолвие.

Отделение снова устремилось вперёд. Под сапогами Терсуса хрустели конечности мертвецов, хрупкие, словно ветки. Вокруг боевого капитана порхали хлопья пепла, оседавшие на его наплечниках.

За воронками, где прежде располагались резервуары, показались запечатанные дверные проёмы меньшего размера. Терсус выбрал центральный из них. Мелта-бомба вышибла противозрывную дверь, и Гвардейцы Смерти прошли вперёд, войдя в область более узких залов и закрытых спален. Разрушение более крупного помещения словно бы произошло в ином мире, поскольку здесь вокс-трансляция Ордена продолжалась.

По коридору ринулись новые солдаты, и все они встретили быструю смерть. Пристрелив последнего из них, Терсус остановился у большой двери. Боевой капитан отодвинул её в сторону, и его встретили плач и мольбы. Он оказался в подъезде другого общежития, на сей раз состоявшего из единственного зала. Перед ним стояли сотни гражданских, плотно сбившихся в кучу. Они дрожали, когда он входил, а многие даже падали на колени, протягивая к нему грязные руки с мольбами о пощаде, которую никогда прежде в своей жизни не получали.

— *Уничтожить захватчиков*, — проревели вокс-динамики помещения.

— Вам не стоит бояться нас, — воксировал Терсус.

— *Весь Галаспар обязан сражаться*.

Люди переводили взгляд с Терсуса на коробку, из которой доносился глас их хозяев. Колеблясь между двумя страхами смерти, они сжались громадной толпой. Боевому капитану никогда прежде не доводилось видеть столь же несчастных людей. Рабы Ордена носили одинаковые туники, все как одна — рваные и грязные. От них пахло страданиями и смертью, а в глазах читалась полное отсутствие надежды.

— Не сопротивляйтесь нам, — обратился к ним Терсус. — Если вы откажетесь от сражения, никто не причинит вам вреда.

Когда командир Седьмой увидел их реакцию, он осознал, что местные жители впервые за всю свою жизнь слышат обещание, а не угрозы. Теперь каждая душа в зале преклонила колени. Они кричали что-то, чего он расслышать не мог, поскольку голоса рабов оказались слишком слабыми и заглушались вокс-динамиками. Впрочем, он без особого труда понял, что люди благодарят их.

— *Боевой капитан Терсус*, — прозвучал голос в его ушной раковине.

— Докладывай, Аркус, — отзывавшийся на это имя легионер вместе с тремя боевыми братьями занимался разведкой.

— *Мы нашли проход. Сразу же за следующим перекрёстком. Счёт врагов идёт на тысячи.*

— Оружие к бою, — приказал Терсус. Затем он ещё раз обратился к людям в спальне, увеличив громкость своего вокс-передатчика до ужасающей силы. Совсем рядом с ними вскоре высвободится нечто гораздо худшее, чем болтерный огонь. — Если вам дорога ваша жизнь, держите эту дверь запечатанной. Вы услышите крики. Не вздумайте открывать её, пока крики не прекратятся.

Судя по выражению лиц гражданских, вряд ли хоть кто-то из них снова отворил бы эту комнату добровольно.

Боевой капитан отступил назад и с громким лязгом захлопнул дверь, изолируя людей от скорого ужаса.

«Когда ты найдёшь ключевые точки, — сказал ему Мортарион, — а враг соберётся в достаточном количестве, задействуешь оружие уничтожения».

Крайности кампании на Галаспаре терзали душу Терсуса, однако приказов Мортариона нельзя было слушаться. Отсек доступа представлял собой одну из тех самых ключевых точек, где следовало воспользоваться крайними средствами. Боевой капитан отправил приказ по воксу.

— Использовать фосфоксные гранаты, — распорядился он. *«Что ж, теперь и я стал ужасом Смерти».*

Всё это заняло слишком много времени. Барразин жаждал возможности нанести массированный удар по защитникам улья, а её всё не было. После целого дня сражений продвижение по улью стало практически утомительным. Практически, поскольку наряду с ним присутствовало и чувство удовлетворения от забоя войск Ордена. Мортарион приказал, чтобы все они умерли, и Барразин следил за тем, чтобы воля примарха исполнялась должным образом.

— *Уничтожить захватчиков. Весь Галаспар обязан сражаться.*

Подгоняемые вокс-динамиками волны атакующих продолжали наступать. Силам Барразина приходилось двигаться вперёд, отбиваясь от бесконечной череды атак безо всякой передышки. Всё это наряду с решимостью солдат вселило в первого капитана надежду, что его отряд на правильном пути.

«Галаспарцы не желают, чтобы мы куда-то добрались». Либо так, либо легионеры Первой роты просто двигались вверх по реке из бесконечного запаса войск. Волны прибывали и уничтожались одна за другой, снова и снова. Спустя некоторое время после того, как команды Ордена вновь начали транслироваться среди местного населения, все бои свелись к целенаправленному уничтожению толпы. Некоторые из бойцов, с которыми столкнулась Первая рота, не носили ни доспехов, ни униформы, и орудовали дубьём, гаечными ключами или любым другим импровизированным оружием, что оказывалось под рукой. После нескольких актов массового убийства подобных бойцов стало меньше.

Маршируя рядом с Барразином, Тифон указал на тело одного из защитников. Мертвец продолжал сжимать в руках рабочую кувалду.

— Думаешь, это гражданские?

— Если и так, им не следовало сражаться за своих угнетателей. У нас нет времени проводить различия между вражескими бойцами. Каждый, кто поднимет на нас руку, умрёт.

Гвардейцы Смерти свернули за угол, в гораздо более широкий коридор, где пара приземистых турелей охраняла расположенную позади них тяжёлую дверь. Барразин нырнул назад аккуратно в тот момент, как тяжёлые стабберы открыли огонь. Снаряды врезались в стену справа от первого капитана, выбивая увесистые куски каменной кладки.

— Опорная точка, — заметил Барразин, заинтересованный дверью позади орудий. — Думаю, что-то вроде форпоста. — Наличие форпоста подразумевало, что за ним располагается нечто, достойное защиты. Вероятно, одна из ключевых точек, которые велел отыскать Мортарион. Барразин ухмыльнулся.

— Стало быть, они способны на большее, чем просто забрасывать нас телами, — вставил Тифон.

— Тем лучше для них, — ответил первый капитан. — Хоть какое-то разнообразие, — сказал он чуть громче. — Брат Аванек, ты нам нужен.

Ступавший в арьергарде отряда Барразина дредноут устремился вперёд, его тяжёлые шаги отдавались треском скалобетонного пола. Подобно большинству дредноутов Гвардии Смерти, он был уроженцем Терры. Рекруты с Барбаруса имели не так уж много шансов на получение катастрофических травм, способных внести их в число кандидатов на подобное преобразование. Аванек с энтузиазмом воспринял пришествие Мортариона и те перемены, которые примарх внёс в суть XIV легиона — затянувшаяся ностальгия по Сумеречным Рейдерам была ему чуждой. Барразину казалось, что Аванек является истинным сыном Барбаруса, который по воле судьбы родился на Терре. Аванек, подумал первый капитан, представлял собой будущее Гвардии Смерти. *«Он осознаёт новое единство целей, которое все мы должны принять».*

Дредноут вышел из-за угла. На шквальный огонь стабберов он ответил одновременным залпом ракетной установки и выстрелом плазменной пушки, после чего коридор содрогнулся от взрывов.

— *Раздражитель нейтрализован,* — произнёс Аванек металлическим голосом, ровным и грубым, словно могильная плита.

Барразин снова свернул за угол. Орудийные установки обратились в шлак, а стальную дверь метровой толщины разорвало, как тряпку. Изнутри вырвались солдаты Ордена, палившие из ручного оружия. Первый капитан бросился на них, и следовавший за ним отряд Гвардии Смерти пронёсся среди врагов, превратив их в дёргающихся, агонизирующих марионеток. Силы Четырнадцатого ворвались в крепость.

Теперь форпост превратился в ловушку для защитников. Его однозначно строили безо всякого расчёта на противостояние угрозе, которая уже находится внутри. Сама возможность какого бы то ни было восстания казалась немыслимой, а то, что кому-то удастся проскочить мимо орудий, и вовсе было за гранью воображения владык Ордена. То же самое можно было сказать и о противнике с превосходством в вооружении.

Компактная крепость принадлежала Гвардии Смерти с того самого момента, как легионеры переступили её порог.

Последующая резня в тесных залах форпоста оказалась быстрой и всеобъемлющей. В своём терминаторском доспехе Барразин был достаточно широк, чтобы заполнить почти всё окружающее пространство, в то время как возможность действия Аванека и вовсе ограничивалась центральным проходом, ведущем к задней части опорного пункта. Ступая по коридору и посылая вперёд ревущую смерть из огнемёта, Барразин сдерживал защитников до тех пор, пока им некуда стало бежать, после чего испепелял их.

Остальные легионеры очищали от жизни другие залы, с каждым ударом их силовых кос окружающие стены покрывались кровью, осколками костей и кусочками распадающейся плоти. Спустя несколько минут форпост вонял смертью, а воздух стал влажным от испарившейся крови. Отряд XIV легиона перегруппировался в центральном проходе.

Занять вражескую территорию было равносильно её удержанию. Не было нужды оставлять легионеров для охраны захваченных точек. На пути отряда, стремившегося отбить крепость, не осталось ни единого живого защитника.

На дальней стороне форпоста располагалась ещё одна тяжёлая дверь.

— Ну-ка, глянем, что же именно от них требовалось защищать, — сказал Барразин. Первый капитан провёл лезвием своей силовой косы по центру, резко вскрывая металл. Затем он ударил по двери ещё раз, выломав её с той же лёгкостью, с какой мог бы разорвать кусок ткани. За ней располагалось самое большое помещение, которое первый капитан видел с тех пор, как сошёл с борта «Четвёртого всадника».

— Ага, — прокомментировал Барразин, разглядывая открывшуюся перед ним залу и собравшиеся внутри войска. — Идеально.

Камеры доступа служили нервными центрами обороны улья. Они представляли собой точки сбора, в каждой из которых располагались десятки тысяч и более солдат для согласованного массированного штурма. Каждая из них, помимо прочего, служила связующим звеном для десятков основных коридоров. Громадные пространства давали защитникам возможность быстро добраться до любого квадранта столицы. Скорость, с которой неприятель отреагировал на вторжение, несмотря на катастрофический ущерб улью, заставила Мортариона предположить, что Орден располагает какой-то сетью вдоль всех этих линий. Несколько отделений подтвердили своё присутствие. То, что открылось взору примарха и его Савана Смерти, оказалось явлением совершенно иного порядка, нежели встреченный другими подразделениями Гвардии Смерти враг.

Мортарион и десять терминаторов Савана Смерти только что проббили ещё одну исключительно прочную переборку. За ней открывался вид на обширное пространство города. Примарх остановился прямо посреди туннеля; камера доступа на самом деле вовсе не являлась «камерой». Это была обширная площадь, окружённая со всех сторон крепостными стенами. Сотня танков выстроилась рядами, и все их орудия были обращены в сторону Мортариона. Широкие проспекты, предназначенные для выхода тяжёлой бронетехники на назначенные позиции, ветвились по всей площади, однако танки никуда не уходили, более того — постоянно прибывали новые. *Это и был их пункт назначения.*

— Нас ждали, — сказал Мортарион Савану Смерти.

Спустя мгновение за его спиной прогремела серия взрывов, и туннель обрушился, преградив обратную дорогу.

— Никто не в силах отступить перед лицом смерти, — изрёк Мортарион. — Враг ошибается, если считает, будто бы я стану стремиться к этому.

Затем он выпрыгнул из туннеля на открытое пространство. Одновременно с этим передний ряд танков с грохотом устремился вперёд. Их огнемётные орудия дали одновременный залп, формируя стену горящего прометия.

— Вперёд! — крикнул Мортарион своим легионерам. — Никакого уклонения. Только возмездие!

Пламя охватило его. Примарх бежал сквозь ад, и сила взрывов стремилась отбросить его назад. Температура доспехов взлетела до небес, а боль стала насыщенно-красной. Он атаковал без промедлений, безо всякой пощады, и уже в следующий миг, пройдя сквозь пламя, вновь обрёл ясность взора. Мортарион подпрыгнул и приземлился на башню ближайшего танка. Один взмах повернутого боевой частью вниз Безмолвия — и лезвие косы пронзило башню. Ещё парой ударов примарх взломал металлическую коробку, разорвав металл, будто слабую плоть. Экипаж в ужасе смотрел на примарха, и его следующий удар прикончил их всех, забрызгав кровью внутреннее пространство, когда их тела разорвало на части.

Перепрыгивая на следующий танк, Мортарион следил за действиями Савана Смерти. Терминаторы следовали по обе стороны от своего владыки и пробивали брешь в передних рядах тяжелой бронетехники. Однако лишь восемь воинов Савана всё ещё продолжали сражаться — огнемёты прикончили двоих.

Второй танк Мортарион уничтожил точно таким же образом, как и первый. Но прежде чем ему удалось прыгнуть вновь, двигатель соседнего танка взревел на высоких оборотах, и оснащённая бульдозерным отвалом машина устремилась прямо на примарха. Она врезалась в бак с огнесмесью и перевернула его. Мортарион бросился влево, но оказался недостаточно быстр. Сила удара осадной машины смяла резервуар с прометием, разорвала его и воспламенила содержимое. Объединённая мощь удара и взрыва перевернула огнемётный танк, и тот обрушился на Мортариона. Тонны металла швырнули повелителя Гвардии Смерти на пол камеры доступа, пробив скалобетонный пол. Пламя окружило примарха со всех сторон, пытаясь пожрать его тело. Мортарион напрягся и поднял останки машины. Он рванулся из-под обломков, но тут на его пути оказалась ещё одна металлическая плита бульдозерного отвала. Примарх резко бросился вперёд, когда танк с рёвом помчался навстречу другому. Вместо орудия тот был оснащён колоссальным тараном, который столкнулся с бульдозерным отвалом, зажав Мортариона между двумя танками.

Всё вокруг окрасилось оттенками чёрного и красного. Мортарион лишился возможности дышать. Где-то далеко взвыли моторы, а сцепившиеся с скалобетоном гусеницы завизжали. Давление росло, и возможности выбраться не было.

Таран прижал левую руку примарха к боку. Впрочем, та ещё могла двигаться в достаточной степени, чтобы её хозяину удалось извлечь «Лампион» из кобуры. Мортарион выстрелил назад, и энергетический заряд пробил бульдозерный отвал, после чего вошёл в корпус танка. Раздался ещё один взрыв, и металлическая пластина прекратила двигаться вперёд. Примарх выстрелил ещё раз, и танк разлетелся на куски. Таран второго танка пришёл в движение, но Мортарион ушёл с его пути, прыгнул вбок и швырнул гравитонную гранату в пронесившийся мимо него массивный танк. Орудие взорвалось, как и сам танк — гравитационное поле смяло обоих их же собственной массой. Вопли экипажа внутри оказались достаточно громкими, чтобы Мортарион услышал их, прежде чем люди обратились в жидкое месиво. Спустя несколько минут и сам танк превратился в бесформенную массу спрессованного металла.

Мортарион запрыгнул на другой огнемётный танк прежде, чем тот успел направить на него своё орудие, и за какую-то секунду произвёл оценку помещения, где развернулась битва. Строй тяжелой бронетехники Ордена ломался, машины сталкивались друг с другом, пытаясь прикончить воинов Гвардии Смерти или же спастись от них. Тем не менее, говорить о победе было пока рановато. Противник всё ещё обладал подавляющим численным превосходством, и ещё двое легионеров Савана Смерти исчезли под их гусеницами и орудийным огнём.

Мортарион вытащил из-за пояса самое мощное из имевшихся в его распоряжении взрывчатых веществ.

— Вихревая, — передал он по воксу, предупреждая свой отряд. — Центр зала, — после чего бросил сферу по широкой дуге.

Она упала в точности там, где он и сказал, и взорвалась прямо над танками, создав трещину в пространственной материи. Бесконечно малая точка «ничего» за доли секунды превратилась в зияющую чёрную пасть, окружённую вихрем истерзанной реальности. Вращающаяся по спирали сила разрывала танки на куски. Голод эмпиреев поглощал машины вместе со смертными, и вихрь продолжал расти по мере того, как впитывал новую пищу, доминируя над всем центром зала.

Среди войск Ордена воцарилась анархия. Из-за паники пытавшихся спастись водителей танки врезались друг в друга. Вихрь продолжал расти, всасывая всё больше и больше единиц бронетехники. Мортарион почувствовал, как вся громадная площадь начала смещаться к прожорливому варп-вихрю. Затем шквал пришёл в движение, медленно ползя дугой по всей площади. Он резко дёргался, то влево, то вправо, словно атаковал добычу, а затем возобновлял свой неторопливый путь. Реальность взывала, умирая и всасываясь в воронку, однако её предсмертный вой был не настолько громким, чтобы помешать Мортариону услышать крики врагов.

Солдаты выпрыгивали из сцепившихся, застрявших и заглохших танков, всеми силами пытаясь бежать. Со своей позиции поверх обломков Мортарион обратился к ним, вокс-передатчик его доспехов посылал наполненный холодом голос примарха через всю площадь.

— Вы все — рабы Ордена, — объявил он. — Вы рабы, и всё же увековечиваете ещё более масштабное рабство. Боретесь за то, чтобы его существование продолжалось. Вот за что вас судят. Вот за что вас осудили. А вот и ваш приговор.

Примарх поднял Безмолвие и бросился к ближайшему танку, чтобы рассечь его корпус.

— Прикончить их всех, — передал он по воксу Савану Смерти.

Боевое применение вооружения класса «Нигилус», вроде вихревых гранат, представляло немалую опасность. Невозможно было предсказать поведение того, что вызывало это оружие при активации. Движение, продолжительность и интенсивность вихря подчинялись прихоти Эмпиреев. Солдаты Ордена запаниковали, и это обрекло их на гибель. Державшийся подальше от вихря в компании легионеров Савана Мортарион завершил своё предложение. Организованного ответа со стороны противника так и не последовало. Отдельные танки ещё пытались дать отпор, когда за ними пришёл повелитель Гвардии Смерти. У них не было ни единого шанса.

Вихрь всё ещё сохранял своё присутствие, когда последний из танков превратился в тлеющие обломки, однако его интенсивность уменьшалась. В скором времени он исчезнет и перестанет представлять опасность для улья. Располагавшиеся на дальнем конце площади проспекты устремлялись вверх, к более высоким уровням Протаркоса. Достигнув наивысшей точки залы, Мортарион оглянулся и ещё раз окинул взглядом бойню, которую оставил позади. Смерть и в самом деле прошла по всей камере доступа и пожала весь урожай целиком.

Хороший урожай.

— Зачем мы это делаем? — спросил Скребок. И не в первый раз. Впрочем, после целого дня беготни по коридорам вслед за великанами он явно чувствовал, что имеет право на повторный вопрос.

Хотя впереди были слышны звуки борьбы, а грохот орудий в наиболее тесных пространствах просто оглушал, там, где прошли гиганты, царило практически тактильное ощущение безмолвия. Они оставили за собой след самой смерти. Повсюду валялись тела, разорванные на куски и растоптанные тяжёлыми сапожищами. Пол был залит кровью, на стенах чернели шрамы от попаданий.

— Тебе не обязательно идти за мной, — сказала Копалка Скребку. Некоторое время назад она потеряла Смерть — Жнеца — из виду. Хотя его фигура исчезла из поля её зрения практически сразу, время от времени ужасающе холодный голос Смерти разносился по улью и подсказывал ей, какой маршрут лучше выбрать. Но по прошествии нескольких часов это прекратилось. Она просто не могла догнать Жнеца, но всё-таки продолжала пытаться.

— Но зачем мы это делаем? — повторил Скребок.

— Я должна увидеть.

— Но мы следовали за Смертью.

Отлично. Скребок тоже знал. Это делало происходящее реальным.

— Нам следует бежать от Смерти, — заметил Скребок, но тем не менее он не отставал и не отворачивался от Копалки.

— Смерть убивает Орден, — возразила Копалка. — Разве ты не хочешь, чтобы все они сдохли? Я вот хочу.

— Мне страшно.

— Мне тоже. Но что ещё мы можем сделать? — Копалка имела в виду именно то, что сказала. Всё, что им оставалось делать — это следовать за Смертью. — Куда нам идти, если не этим путём?

Скребок не ответил.

Копалка могла бы добавить, что отыскать самого Жнеца, пожалуй, им вряд ли удастся. Скребок, по всей видимости, тоже знал об этом, и потому продолжал бежать за ней, хоть как-то утешаясь мыслью о том, что им не суждено встретиться лицом к лицу с объектом его глубокого страха. Впрочем, рабочие всё ещё могли следовать по пути гигантов. Это было несложно. Они продолжали наблюдать за последствиями того, что слуги Смерти творили с Орденом.

Друзья остановились на перекрёстке, а затем повернули направо, следуя за вонью скотобойни и отработанного фицелина. Они бежали мимо обожжённых стен, опалённой плоти, обугленных костей. Во многих телах зияли дыры, у других вообще не осталось голов. Копалка видела, что способны сделать с людьми выстрелы стабберов, свидетелем подобного доводилось побывать и Скребку. Каждая из рабочих единиц в какой-то момент сталкивалась с этим. Они видели, что случается с другими единицами, которые не подчинялись должным образом. Однако эти раны были слишком велики, чтобы их мог оставить стаббер. Оружие Смерти вызывало ужас.

Копалка поскользнулась и упала в лужу крови. Измазанная алым, женщина встала, а впереди раздалась крики, вопли страха и отчаяния. Копалка ухмыльнулась.

— Ты слышал? — спросила она своего товарища.

Тот кивнул.

— Орден вопит, — изрекла она.

Копалка побежала быстрее. У неё и в мыслях не было держаться на безопасном расстоянии. Женщину беспокоило то, что они со Скребок остались так далеко позади, и всем, что им когда-либо удастся увидеть, станут последствия завершённой войны. Что ж, по крайней мере, конца ей пока не видно. Звуки битвы манили Копалку вперёд, и с каждым разом встречалось всё больше и больше трупов, указывающих ей путь.

Сектор, через который продвигались рабочие, был одним из спальных лабиринтов, настоящим муравейником из низких залов, протянувшихся между переполненными спальными складами и камерами в области между мануфактурами. Стены вокруг отсырели, тёмный скалобетон покрывали сочащиеся трещины. Каждый из залов был одинаковым, сплетаясь в единую паутину бесконечного страдания. И Смерть убивала властителей этих самых страданий.

— Что это? — поинтересовался Скребок.

— Я не знаю.

Внезапно рабочие споткнулись и остановились.

Посреди бушевавшего конфликта раздался новый звук. Вслед за оглушительным грохотом взрывов последовали самые ужасные вопли, которые когда-либо слышала Копалка. Следом за ними послышался булькающий, шипящий звук, который казался как будто живым.

— Всё ещё хочешь увидеть это? — спросил Скребок.

Копалка заколебалась.

— Хочу, — всё-таки решила рабочая. Она должна увидеть, как страдает Орден. Она должна увидеть то, о чём прежде не могла даже мечтать.

Таким образом, Копалка продолжала идти, и Скребок последовал за ней. На следующем перекрёстке она свернула направо, следуя за шипением, и в её сердце росло чувство пугающего изумления. Впереди пока не было великанов. Этот путь ещё не был верным, и всё же звуки становились громче. Она побежала быстрее, проносясь мимо закрытых дверей спальных помещений. Время от времени в смотровых щелях появлялись наполненные страхом глаза. Копалка помахала им.

— Давайте с нами! — крикнула она.

Никто её не послушал.

«Уничтожить захватчиков. Весь Галаспар обязан сражаться». Призыв продолжал звучать всё время, пока она находилась в туннелях. Даже сейчас чувство новизны от своего непокорства никуда не исчезло. И пускай никто не спешил присоединиться к ней и Скребку, они, тем не менее, точно так же не подчинялись Ордену. Некоторые из них должны были следовать приказам — во всяком случае, поначалу. Не все мертвецы, которых она встретила в залах, носили солдатскую экипировку. Но это было в самом начале её погони по коридорам. Сам вид гигантов и демонстрация их мощи даровали её товарищам-рабочим мужество игнорировать приказы.

— Никто не слушается Орден, — воскликнула она на бегу. — *Никто!*

Задыхавшийся от усталости Скребок не ответил, и всё же кивнул. Он тоже казался взволнованным. Ещё

одна невозможная вещь воплотилась в реальность.

Шипение стало громче. Откуда-то впереди исходило сияние, зеленовато-белого оттенка. Копалка никогда прежде не видела подобного цвета. Она замедлила шаг; вопли раздавались по-прежнему, не так часто, как раньше, однако теперь они звучали куда ближе.

Копалка остановилась. Вместе со Скребок они находились на полпути по коридору, что простирался на несколько сотен метров и заканчивался Т-образным перекрёстком. По обеим сторонам располагались десятки дверей в похожие на тюремные камеры спальни, каждая из них была заперта наглухо. Яркость свечения увеличилась, а булькающее шипение как будто принадлежало чудовищному зверю. Крики звучали совсем близко.

— Как думаешь, может, нам следует... — начал Скребок.

Из-за правого угла выбежали солдаты. Скребок взвизгнул, а Копалка затаила дыхание в ожидании выстрела, который уложит её на месте. Но солдаты были безоружны, и они не бросились в атаку. Напротив, они спасались бегством, то и дело оглядываясь на растущее сияние.

Теперь шипение звучало практически так же громко, как и сами крики.

— Пошли! — заорала Копалка. Вместе со Скребок они снова побежали назад, тем же самым путём, которым пришли, и на сей раз ей тоже приходилось оглядываться через плечо. Она уже знала, что не сможет бежать достаточно быстро.

Чудовище выплеснулось в коридор. Жидкое зелёное пламя омыло солдат, поглощая их и *расплавляя* их плоть. Вопли умирающих терзали разум Копалки, и она тоже закричала, зная, что в скором времени и ей суждено присоединиться к солдатам в ещё более ужасающих предсмертных криках.

Жидкое пламя двигалось слишком быстро, и его было не обогнать. Расстояние между ним и беглецами сократилось до менее чем сотни метров. Копалка остановилась у ближайшей двери и забарабанила по ней.

— Впустите нас! — прокричала она.

— Впустите! — последовал её примеру Скребок, стуча в соседнюю дверь. Смотровые щели отворились, но затем закрылись опять.

Рабочие устремились к следующим дверям, а затем к ещё одним, вопли гибнущих солдат становились всё более отчаянными, а река смерти наступала всё ближе и ближе. Наконец, она поглотила крики последних солдат, и Копалке едва удалось расслышать их голоса посреди шипения жуткого вещества.

Они со Скребок пришли навстречу собственной гибели. Смерть не пощадит никого.

Копалка всхлипнула. Какой же она оказалась дурой, решив, что сможет увидеть Смерть и не заплатить за созерцание запретного.

Костяшки её пальцев кровоточили от ударов. Болезненный свет практически добрался до неё. С каждым вздохом её нос и лёгкие наполняла вонь, пронзающая, словно клинок. Из глаз женщины покатались слёзы.

Одна из дверей вдруг скользнула в сторону. Скребок рванулся вперёд, но явление скорой смерти загипнотизировало Копалку на одну-единственную роковую секунду. Зелёный огонь потянулся за ней, и

когда рабочая начала движение, мельчайшие капельки пламени лизнули её правый бок.

Агония была запредельной. Боль не поддавалась описанию, она находилась за границами чувств. Пламя прожгло ей руку и ногу. Пальцы растаяли, а плоть закапала, словно воск со свечи. Копалка завизжала, и в этом крике присутствовало нечто большее, чем боль, поскольку само понятие «боли» было чересчур слабым определением для того, что с ней происходило здесь и сейчас. Женщину захватило откровение, подобное ужасающему, скорбному рождению новой веры.

Она влетела в комнату и рухнула наземь, каким-то образом всё ещё сохранив способность видеть, даже корчась среди пожирающего пламени. Скребок помог остальным рабочим снова захлопнуть дверь. Мгновение спустя снаружи донеслось шипение. Зелёное пламя струилось по коридору.

В общежитии оказалось так многолюдно, что стояли все, за исключением Копалки. Повинуясь единому порыву, толпа отхлынула от двери. Люди стонали, задыхаясь в давке. Скребок оттащил Копалку от входа, и шипение заглушило её крики.

Чёрный металл двери светился болезненно-зелёным. Температура в общежитии поднялась, а дверь начала тлеть. Затем загорелся металл, и пламя гниlostного оттенка облизало край дверного проёма, медленно распространяясь дальше по всей его ширине. Копалка заметалась, ей казалось, будто бы её убийца слышит её даже в самой комнате. Шипение становилось всё громче и громче.

А затем оно начало слабеть.

Когда это произошло, самая невыносимая боль покинула Копалку. Тело женщины перестало гореть, нервы её повреждённых конечностей просто исчезли. Её правой руки ниже локтя больше не было, а почерневшая нога сочилась. Изувеченные, как и она сама, остатки двери с лязгом вывалились из креплений, продолжая тлеть в уменьшающейся луже пламени на полу помещения. На другой стороне коридора дверь в другую спальню точно так же провалилась. Наконец, шипение прекратилось.

Вопли Копалки сменились стонами, и между ними ей удавалось дышать практически нормально.

Спустя ещё несколько минут ужасный запах тоже исчез. Чудовище сгнуло, но его порча осталась.

Копалка свернулась калачиком, крепко прижимая колени к груди своей левой рукой. Не переставая плакать, она раскачивалась взад-вперёд.

Но не все её слёзы были вызваны болью. Прикосновение сверхъестественного наложило свой собственный отпечаток на душу рабочей. То, что она чувствовала, было частью того, что происходило со всем Орденом в целом. Женщина подумала о солдатах, спасающих свои жизни, и о том, как ужасающий поток, казалось, атаковал их с ещё большей яростью, когда те бежали быстрее. Все они были съедены. Она — нет. В болевом бреде женщина думала, что зелёное пламя сожгло на ней оковы Ордена.

Улей завибрировал, откуда-то раздавался гром завоевания. Вдалеке снова слышались крики. Плач Копалки сменился хохотом.

Глава 8

За камерой доступа располагались широкие проспекты и ещё более запутанные коридоры, что во всех случаях вели наверх и обязательно оказывались переполненными солдатами Ордена, которые

неизменно бросались вперёд, навстречу бойне, безо всякого успеха. Прогресс XIV легиона был достоин похвалы, однако от них требовалось куда большее. День подошёл к концу, и у Гвардии Смерти оставалась лишь ночь на то, чтобы положить конец правлению Ордена над Протаркосом.

Мортарион и Саван Смерти разгромили ещё одну засаду, и сразу же после этого Барразин и Терсус сообщили, что они тоже обнаружили и зачистили входные камеры.

— В какой-нибудь из ваших комнат есть пути, ведущие вниз? — спросил Мортарион.

— *Так точно,* — отозвался Барразин. — *Здесь у нас платформы гравифта, достаточно крупные, чтобы вместить сотни человек разом. Галаспарцы задействовали их сразу же, как мы здесь оказались, и собирались отправить против нас ещё один батальон.*

— *Похоже, что они отчаянно стремятся удержать нас подальше от генераторов,* — заметил Терсус.

— Их отчаянье ведёт нас к победе, — отчеканил Мортарион. — Первый капитан Барразин, собери все силы своей роты и спускайтесь вниз. Уничтожьте генераторы. Вонзи свою косу прямо в сердце врага.

— *Как прикажете, лорд Мортарион.*

Примарх продолжил движение. Зал, в котором они находились, тоже устремлялся вверх. Поднимаясь всё выше, Мортарион заметил, что стены коридора покрыты коркой грязи, воздух внутри улья отличался зловонием множества тел и отдавал вкусом страданий.

Мортарион подумал о другом восхождении сквозь токсичный воздух.

Он думал о Барбарусе и Галаспаре.

Однако различия между двумя мирами были велики. Галаспар смердел промышленными отходами, своим плачевным состоянием этот мир был обязан собственным обитателям. Он не входил в число миров, чья враждебность по отношению к человеческому роду была врождённой. В свою очередь, Орден являл собой человеческое зло. Могильные владыки Барбаруса играли со смертными, подобно богам. Лидеры Ордена не могли похвастать подобными вещами. В них не было ничего богоподобного, кроме высокомерия. За исключением численности, они были слабы.

«Тогда зачем же их сравнивать?»

Всё дело в тирании. Тотальном угнетении и присвоении права собственности. И Орден, и Властители одинаково относились к жителям своих планет. Угнетённые должны были использоваться во имя удовольствия господ, и в этом заключался общий смысл их существования.

Кроме того, что касается различий, то Мортарион не освободил Барбарус. Император выполнил эту работу за него.

На Галаспаре всё будет иначе. Он сам выбрал эту планету. Примарх увидел необходимость вмешаться и пришёл сюда. *Он* уничтожит эту тиранию, пускай и человеческую, но столь же абсолютную, как и царивший на Барбарусе ужас.

Такова была задача, которую предстояло выполнить примарху. Его собственная миссия.

В камере доступа собралась тысяча легионеров Первой великой роты, на все сборы потребовалось

меньше часа. Ожидание всё ещё продолжало нервировать Барразина. Это было время, которое не использовалось для продвижения вперёд. Время, за которое Орден мог бы организовать лучшую оборону.

На двух платформах гравифта было достаточно места для пяти сотен человек, спускающихся одновременно. Барразин ступил на северную платформу. Он отшвырнул в сторону останки мёртвых солдат и подал сигнал к началу спуска. Бойцы ощутили рывок, и гравиподъёмник ухнул в шахту. Падал он быстро. Барразин взглянул вверх и осознал, что за первые несколько секунд они уже преодолели тридцать метров.

В данном случае технологии Ордена сослужили XIV легиону добрую службу. Гвардейцы Смерти придут навстречу следующему бою, не теряя времени.

— Первый капитан, как думаете, им удалось перебросить вниз большое количество войск, пока мы зачищали камеру? — спросил Калас Тифон.

— Надеюсь, — отозвался Барразин. — Не хотелось бы, чтобы наши сборы прошли даром.

Скорость движения лифта увеличилась. Барразин почувствовал, что на сердце у него становится легче. Металлические стены шахты расплылись позади. Платформа несла его в глубины улья, и это казалось многообещающим.

«Но что, если там, внизу, нет ничего, что заслуживает захвата или уничтожения?»

Ну уж нет, показания авгуров слишком благоприятны.

Замедление лифта оказалось жёстким. Гравитационная система затормозила в последний момент, и Барразин почувствовал удар. Должно быть, смертным солдатам при остановке эта машина едва не ломала кости.

Орден явно верил в скорость. Солдаты, которым не доставало силы справиться со спуском, уже были неудачниками и рассматривались как бесполезные в бою. И таких всегда было больше.

Предназначенных на убой солдат было больше всегда.

Находившиеся под командованием Барразина легионеры с Барбаруса взяли за уничтожение неприятеля с куда более яростной решимостью, чем у их терранских собратьев. Они боролись с памятью о своём родном мире, о том, что преследовало их там. Они знали, что милосердие — это слабость, а смерть есть освобождение. Кампания на Галаспаре подтверждала уверенность Барразина в правильности свежих рекрутов. Ещё до Галаспара первый капитан отдавал предпочтение силовой косе как оружию и символу новой Гвардии Смерти. Ступать сквозь ряды слабаков-галаспарцев также доставляло ему удовольствие. Барразин чувствовал удовлетворение в ощущении силы, которое сопровождало их уничтожение.

Напоминающий пещеру зал оказался пустым. За исключением гравифтов, больше там не было ничего. Подъёмники занимали львиную долю центральной части помещения, по обеим сторонам располагались широкие проспекты, предназначенные для быстрого перемещения войск. На стенах слева и справа от Барразина виднелись здоровенные ангарные двери. Как только они поднимутся, выходы окажутся достаточно широкими, чтобы через них сумела пройти шеренга из пятидесяти легионеров.

— Налево или направо? — спросил Тифон.

— Судя по диспозиции, мы приближаемся к средоточию энергетических сигнатур, — заметил Барразин, пожимая плечами. — Налево, — указал он. — Посмотрим, что за подарочек нас там ждёт.

Первый капитан подождал, пока придут остальные легионеры его тысячи, и как только подтянулись все отставшие, повёл марш в сторону врат. Как только наступление началось, те поднялись сами по себе. Произошло это со столь впечатляющей скоростью, что шестерни протестующе взвыли. С другой стороны дверей располагалась могучая артиллерийская батарея, ряды стволов нависали один над другим. Жерла этой стены из орудий были направлены прямо в зал.

Барразин бросился наземь. Все орудия дали одновременный залп, и по всему залу прокатилась буря плазменного огня. Она воспламенила воздух и разрушила противоположную стену, моментально превратив её в шлак. В противостоянии с огневой мощью одного из этих орудий броня легионера сумела бы выдержать только первое попадание. Против всех сразу шансов попросту не было. Яростный залп пронёсся всего в нескольких дюймах над Барразином, и авточувства его брони вспыхнули красным, реагируя краткой вспышкой на смертельную опасность.

Не всем Гвардейцам Смерти удалось пригнуться вовремя. Укрытия вокруг не было, возможностью спастись обладали лишь те, кто мог быстро пригнуться. Сдавленные крики по воксу предоставили исчерпывающую информацию о потерях. Электронные крики ярости исходили от дредноутов, поскольку уйти с линии огня им было не под силу. Почтенным воителям предстояло превозмочь вражеский обстрел — или же погибнуть. Один из них, Беракс, устремился вперёд, преодолевая бластерный шторм. Одна из его конечностей, оснащённая лазерной пушкой, раскачивалась взад-вперёд, наполовину оторванная и бесполезная. Разгневанный дредноут во все стороны размахивал своей силовой клешней, разбивая стены. Он промаршировал сквозь обстрел до самого конца, а затем, наконец, рухнул дымящейся грудой развалин прямо перед первым капитаном.

— Благодарю тебя, брат, — пробормотал Барразин. Инертный панцирь дредноута предоставил ему своего рода укрытие, и командир Первой великой роты сумел немного проползти вперёд. — Твоя смерть станет преддверием их собственной гибели, — сказал он. — Ты защитил меня, и я заставлю их заплатить. А теперь, брат, если ты всё ещё слышишь меня, да обрушится на них твоё возмездие.

Барразин сорвал со своего пояса фосфексную бомбу и швырнул её над дредноутом, в сторону орудий. Бросок был произведён вслепую. Первый капитан просто не мог подняться, чтобы увидеть свою цель, ибо в противном случае моментально потерял бы голову, оказавшись на пути бластерного обстрела. Однако бомба и не должна была лететь далеко, плюс ко всему исключительной точности от неё не требовалось.

Бомба разорвалась, и жидкий огонь тут же хлынул из её чрева. Если за этим и последовали вопли, то Барразин их не слышал. Должно быть, без них и правда не обошлось, поскольку вражеский обстрел прекратился. Солдаты из числа артиллерийской obsługi умирали. Фосфекс прожёл лафеты орудий, и стволы поникли, а затем упали друг на друга. Следом огонь принялся за их блоки питания, и батарея взорвалась. Массивные осколки, практически столь же опасные, как и энергетические лучи, разлетелись по всему залу. Пронизанный ярко-зелёными разрядами огненный шар покинул пределы того места, где он вспыхнул, и лизнул залу.

Сразу же после этого Барразин вскочил на ноги и ворвался в дверной проём. Вслед за ним галаспарцев атаковали его братья, ставшие ещё более опасными после утраты нескольких боевых товарищей — сыновья Терры и Барбаруса объединились во имя достижения общей цели. Барразин швырнул вперёд парочку рад-гранат и поднял ручной огнемёт. Первый капитан выпустил смесь пламени и химических

ядов прямым в пространство за разрушенной батареей, и на сей раз оказался вознаграждён ощутимыми криками, услышав смерть солдат, предпринявших попытку остановить неуправляемое.

Гвардия Смерти вошла внутрь колоссального помещения, во много раз превышающего своими размерами зал, который они покинули. Воздух потрескивал и отдавал резким ароматом озона. Стоявший гул, глубокий, сильный и достаточно громкий, чтобы заглушить всё, за исключением самых мощных конкурирующих шумов, заставил кости Барразина завибрировать. Напоминающее кафедральный собор пространство было заполнено монолитными цилиндрическими генераторами, каждый из которых достигал не менее пятнадцати метров в диаметре и поднимался вдвое выше. Трубопроводы трёхметровой толщины, напоминающие скрученные ветви металлических деревьев, выступали из широких стволов генераторов и уходили в потолок далеко наверху, неся энергию в улей.

Генераторы защищались турелями тяжёлых стабберов. Выстроенные в несколько рядов в высоту, они открыли огонь. Снаряды сыпались на Гвардейцев Смерти со всех сторон. Тысячи накаченных наркотиками солдат Ордена ринулись вперёд. Залпы турелей прорезали и их тоже, но одурманенные бойцы даже не замечали, как гибнут их товарищи. Разумы каждого из них были настолько распалены боевыми химикатами, что единственным оставшимся инстинктом для них стало стремление атаковать захватчиков и прикончить их.

— Всем отделениям, круговой строй, — распорядился Барразин. — Сосредоточьтесь на турелях. Покончив с ними, рассредоточьтесь и уничтожить генераторы.

Гвардия Смерти продвигалась плотным строем по десять легионеров в каждой формации. Пока треть боевых братьев каждого круга сокращала численность окружающих солдат, остальные направили свои болтеры на турели, масс-реактивные снаряды крушили металл и плоть до тех пор, пока все до единого орудия вместе с их расчётами не оказались уничтожены, одно за другим.

Отделения рассеялись по всему залу генераторной, словно вирус, минируя подрывными зарядами каждый из громадных энергетических цилиндров. Гвардейцы Смерти прошли сквозь тела защитников, словно сквозь воду, и пол генераторной скрылся под потоком крови и тлеющих тел.

Барразин и его отделение находились в центре зала, когда был заминирован последний из генераторов.

— Заряды подготовлены, — сообщил он своей роте по воксу. — Активируйте их немедленно.

Барразин усмехнулся, когда раздались взрывы, прокатившиеся по всему залу, словно щёлканье чудовищного хлыста. Из генераторов выплеснулись потоки энергии, и над всем помещением прокатилась буря энергетических разрядов. Время словно бы остановилось; яркие сполохи молний продолжали сверкать ещё довольно долго. Солдаты Ордена утратили возможность двигаться и сражаться. Фоторецепторные линзы шлема Барразина защищали его взор от ослепления, однако даже они с трудом приспосабливались к быстрым стробоскопическим переходам от света к темноте.

Гроза завершилась с оглушительным грохотом, подобным предсмертному хрипу левиафана. Генераторы умолкли, и воцарилась абсолютная тьма.

Легионеры сменили режим зрения на инфракрасный. Барразин созерцал море тел вражеских солдат. Многие из них погибли от электрического тока. Оставшиеся в живых колебались и выглядели потерянными. Для них наступившая ночь была столь густой и плотной, что казалась облачённой в плоть. Барразин представил себе их панику, вспомнил услышанные им истории об ужасах на Барбарусе, которые испытали его новые братья до пришествия Мортариона. Темнота заполнила глаза солдат, они

ощущали, как та проникает сквозь их носы и лишая людей возможности дышать. Вкус темноты был тождественным панике, и эту самую панику усугубят боевые стимуляторы, призывающие солдат к бою, но лишаящие их способности мыслить рационально.

Начисто лишённые дисциплины солдаты начали беспорядочную пальбу. Они сталкивались друг с другом и убивали своих же собственных боевых товарищей. В генераторном зале всё ещё находились тысячи бойцов Ордена, но больше они не представляли угрозы. Их едва ли можно было назвать препятствием.

— Кончайте их, — приказал Барразин.

Резня завершилась весьма быстро.

После первоначального шока от столкновения корабля с ульем война разворачивалась достаточно далеко, чтобы Стиванг и другие верховные контролеры обрели частичное самообладание. В командном центре звуков боя по-прежнему не было слышно. Война доходила до центра разве что благодаря донесениям командующих обороной офицеров, да ещё в виде пиктов, передаваемых посредством камер наблюдения. Последние опускались по всему улью, разрушаясь практически сразу же, как в комнатах появлялись захватчики. Однако полученной информации оказалось достаточно, чтобы Стиванг осознал, насколько его Орден близок к проигрышу.

Знали об этом и его коллеги-контролеры.

— Они *могут* умереть, — произнёс Ивас Реставан, контролер мануфактурумов. Его голос отдавал хныканьем, фабричный властитель явно нуждался в том, чтобы кто-то подтвердил его слова и даровал ему надежду. — Тяжёлые стабберы и орудия в состоянии прикончить чужаков.

— Точно, — согласилась Юваллиат, — вот только тяжёлые стабберы и орудия никогда не служат достаточно долго, чтобы хоть что-то изменить, — она вздохнула. — Волны наших солдат замедляют их лишь ненадолго. Это конец.

Свет в командном центре погас. Отключились гололитический стол и все до единого экраны в помещении. Единственный свет проникал сквозь покрытый инеистым узором трещин купол. Бушевавшие снаружи пыльные бури улеглись, но облака всё ещё пылали, освещая ночь грязно-красным заревом.

— О нет, — простонал Реставан. Все остальные, стоявшие неподвижно, попросту промолчали.

«Они пришли за нами? — недоумевал Стиванг. - Неужели они добрались сюда так быстро?»

Спустя несколько секунд, показавшихся целой вечностью, экраны ожили, и снова появился свет. Стиванг вздохнул с облегчением.

— Расскажите мне, что именно только что произошло, — приказал верховный контролер. Сила его собственного тона весьма понравилась ему.

— Мы потеряли основные генераторы, — пояснил техник. — В настоящий момент центр функционирует на резервном источнике питания.

— А что насчёт всего улья в целом?

— Большая часть уже погрузилась во мрак.

— Что мы можем увидеть?

— Почти ничего, лорд-контролер. Камеры наблюдения не работают.

Разочарованный Стиванг сжал зубы. Он уставился на гололитический стол, что рябил помехами, но всё-таки возвращался к жизни. Информация, которую демонстрировало устройство, устарела и продолжала становиться всё более и более никчёмной с каждой секундой. Лорд-контролер с гневным рыком провёл по столу рукой, и гололитические руны вместе с картой исчезли. Демонстрация хода войны внутри улья теперь уже стала бесполезной.

Владыка Протаркоса сделал глубокий вдох, борясь с тошнотворным чувством страха. «Как скоро сюда придёт подкрепление из других ульев?» Он подумал о Пейтаркии. Этот город располагался ближе всего, и в тот момент, когда Протаркос подвергся вторжению, находился в процессе мобилизации. Его армия должна была находиться близко. Так и *должно быть*.

«Если только войска Пейтаркии не станут дожидаться, пока к ним присоединятся силы других ульев...»

Нет. Нет, верховный контролер Тосаррат и близко не помышлял о подобном. Во всех его передачах говорилось, что он спешит со всех ног, командуя армией лично. Он и не помыслит об ожидании. Полная мобилизация Ордена позволит вывести в бой воинство, способное покорить целый мир.

— Прямо сейчас рассчитываю время прибытия согласно последним отчётам, лорд-контролер, — сказал другой оператор.

— Вывести данные в таблицу.

— Один момент.

Появились свежие графики, демонстрирующие Протаркос и его окрестности. Векторы показывали передвижение боевых частей, скорость их приближения и расчётное время прибытия.

— Не раньше утра, — заметила Юваллиат. — Ещё три часа.

— Значит, именно столько мы и должны продержаться, — произнёс Стиванг.

— Слишком долго, — скорбно протянул Реставан.

— Это не так, — отрезал лорд-контролер.

Реставан покачал головой.

— Мы можем и не дожить до этого момента.

— Доживём, — заявил Стиванг. Слабость Реставана помогла ему, даровав возможность устыдиться. Это дало лорду-контролеру шанс доказать своё превосходство. — У нас впереди долгие три часа, — продолжил он, — так давайте посмотрим, каково наше положение, и что мы должны сделать, чтобы пережить его. Орден — это всё.

— Орден — это всё, — вторили ему верховные контролеры с разной степенью уверенности.

— Есть ещё районы, где сохранилась система камер. Как далеко они от нашего центра?

Гололитический дисплей изменился вновь. Карта территории уменьшилась, и на половине стола

возникла проекция карты Протаркоса. Большой частью она пустовала, освещённые области представляли собой лоскутное одеяло, не показывающее чёткого рисунка. Пока Стиванг изучал дисплей, погасла ещё одна область.

— Мы не сможем отследить продвижение врага, — сказала Юваллиат, озвучивая мысли Стиванга. — Не с такой вот надёжностью, в условиях нехватки всё ещё активных камер. Плюс ко всему многие из этих районов бесполезны для нас, — она указала на сектор в нижней половине улья, на противоположной от удара корабля стороне города. — У нас есть глаза, но захватчикам ни к чему идти туда. Нам придётся полагаться на отчёты офицеров.

— По крайней мере, у нас всё ещё есть связь, — напомнил Стиванг.

— Ограниченной эффективности, — возразила Ивина Белльтав, контролер труда. — Офицеры гибнут практически сразу же после контакта с противником.

«Ни в одном из сражений не осталось ни одного уцелевшего», — подумал Стиванг.

— Их смерть — сама по себе информация, так или иначе, — сказал он. — Гибель офицеров отмечает продвижение врага, — лорду-контролеру удалось сохранить твёрдость в голосе. — И те районы, в которых всё ещё остаётся электричество — это данные, которые мы можем использовать. Взгляните, — он постучал по дисплею, и стрелки продемонстрировали записанный прогресс вражеского продвижения. — Часть сил чужаков отделилась вот здесь и спустилась вниз, чтобы уничтожить генераторы.

Решение укрепить эту уязвимую точку теперь казалось безрассудным. Возможно, всё, чего удалось добиться подобным действием — это привлечь внимание захватчиков к генераторам. Другие вражеские отряды были сильно рассредоточены, что позволило им крайне быстро захватить обширные территории улья. Однако вплоть до отключения электроэнергии существовала закономерность. Они двигались вверх, постепенно приближаясь к командному центру.

— Они направляются к нам. Рано или поздно, по счастливой случайности или же замыслу, они достигнут пункта назначения.

— Удача? — пискнул Реставан с нервным смешком. — Удача им не нужна!

Стиванг проигнорировал его.

— От нас потребуется задержать врага до тех пор, пока не прибудет подкрепление.

— Как? — спросил Реставан. — Ничто не в состоянии остановить их.

— У нас всё ещё есть миллионы солдат для развёртывания, — возразила Юваллиат.

— Во тьме.

— У офицеров найдутся переносные светильники, — вмешался Стиванг. — Они раздадут их.

«Они уже должны были сделать это».

— Но чем это поможет? — продолжал ныть Реставан. — Как помогут миллионы бойцов? Ничто не смогло остановить захватчиков.

— Достаточно будет просто замедлить их, — объяснил Стиванг, после чего указал на вторую половину

стола, где ряды армий направлялись к Протаркосу. — Мы обязаны воспользоваться своей численностью, пока остаётся такая возможность. Генераторов больше нет, так что последними объектами защиты остаёмся только мы, — лорд-контролер знал, что это успокоит Реставана. — Мы должны переместить наши силы, пока ещё можем, и создать нерушимый кордон на пути врага сюда, в командный центр.

— Средства защиты, которыми мы располагаем, тоже сильны, — заметила Белльтав. — К примеру, те же тяжёлые орудийные башни.

— Этого недостаточно, — отрезала Юваллиат. — Ничто не может быть достаточным, за исключением того, что грядёт. Если их можно прикончить тяжёлыми стабберами, мощь наших армий быстро раздавит врага. Подкреплению следует направить свои орудия на Протаркос.

— Ущерб городу от артиллерийского обстрела подобного масштаба... — начал Реставан.

— Разрушение окажется практически тотальным, — перебил его Стиванг, представляя, как десятки тысяч танков направят на город свои орудия, после чего пожал плечами, — ничего не поделаешь.

— Тогда мы умрём вместе с ними. Умрём во имя спасения Галаспара, — бравада Реставана никого не обманула. На сей раз он искал вовсе не согласия. Фабрикант отчаянно нуждался в том, чтобы ему возразили, сказали, что он ошибается. Лоб Реставана взмок от страха, его телу словно не доставало воздуха, а дыхание ускорилось.

— Мы не собираемся умирать, — заявил Стиванг. — У нас есть средство, к которому всё ещё можно обратиться. Оно защитит нас, когда оставшаяся часть Протаркоса сгорит, и будет сдерживать врага достаточно долго, чтобы успели прибыть наши механизированные армии.

Похоже, что это обнадёжило Реставана, и всё же он выглядел обеспокоенным. Верховный контролер мануфактурумов понимал, о какой мере идёт речь. Он просто не задумывался об этом до сих пор — или же не думал, что может означать её использование.

За всю свою историю Орден никогда не верил в возможность вторжения на Галаспар. Предполагалось, что любые захватчики окажутся уничтожены ещё во внешней системе или же, в худшем случае, сгинут под огнём орбитальных орудий. Сама возможность того, что противник из-за пределов империи ступит на землю Галаспара, казалась невысказанной.

Правда, оставалась ещё навязчивая мысль о возможности мятежа. Что, если порабощённые миллиарды восстанут? Против этого варианта, казавшегося просто дурным сном, предприняли все возможные меры предосторожности, дабы подобный расклад стал бы попросту невозможным. Ещё больше усилий приложили к тому, чтобы гарантировать отсутствие каких бы то ни было шансов на успех восстания, если оно каким-то чудом всё-таки произойдёт.

Рабочие единицы накачивались наркотиками, а потому они даже и помыслить не могли о том, чтобы дать отпор. На случай, если наркотики всё-таки не сработают — или же если внутри высших социальных слоёв произойдёт измена, которой верховные контролеры боялись больше всего — должен был оставаться какой-то способ гарантировать, что восставшим не удастся ничего захватить.

— Изолируйте нас, — распорядился Стиванг.

— Но ведь... — начал Реставан.

— Приказ отдан, — отрезал Стиванг. — Жребий брошен.

Он обменялся взглядами с Юваллиат. Подобно лорду-контролеру, она думала об их совместном потомстве. Резиденция Стиванга находилась за пределами той части шпиля, которую собирались запечатать. Повелитель Галаспара поморщился. Делать было нечего, так что не стоило тратить душевную энергию на подобные вещи.

— Если они выживут, — сказал он, — то продемонстрируют тем самым свою ценность.

Юваллиат кивнула.

— А если у них не получится, они недостойны своего положения.

— Орден — это всё, — произнёс Стиванг.

— Орден — это всё.

Стены и пол задрожали. Командная платформа опустила верховных контролеров обратно в изолированное помещение, а потолок снова отрезал их от купола. Дрожь усилилась, когда массивные шестерни сдвинулись с места. Механизмы были столь велики, а их движения — столь резки, что использовать их можно было только один-единственный раз. Они представляли собой пример одного из самых колоссальных строительных подвигов на Галаспаре. Шестерни повернулись, и ещё одна платформа, наиболее крупная и самая секретная во всём улье, пришла в движение. Поддерживаемая рядами гигантских столбов, платформа опустилась, убрав башню и погрузив её внутрь своего бункероподобного основания. Когда командный центр оказался глубоко внутри, наверху началось ещё более грандиозное движение, и стены шахты соединились. Когда это было сделано, командный центр и его генераторы оказались под защитой скалобетонного панциря более чем в сотню метров толщиной.

Шестерни остановились с дрожью, прокатившейся до самого центра. Верховные контролеры посмотрели друг на друга, осознавая завершённость того, что только что произошло. Для того, чтобы уйти, просто развернуться больше не получится.

Самопроизвольный коллапс механизма гарантировал, что никакой внешней силе не удастся найти способы его использования. Пути эвакуации из центра, разумеется, существовали, однако сам по себе процесс их использования был медлительным и трудоёмким, так что воспользоваться ими получится только после того, как кризис минует.

Контролеры и операторы станций будут оставаться там до тех пор, пока проблема не будет решена.

— Теперь им до нас не добраться, — промолвил Реставап, в очередной раз нуждаясь в поддержке.

— Ты серьёзно? — Юваллиат окинула его презрительным взглядом. — Чужаки посадили корабль, протаранив Протаркос. Если они сумели сделать подобное, то смогут добраться до нас даже теперь.

— Конечно, смогут, — согласился Стиванг. — Наша цель заключается не в том, чтобы спрятаться от них. Победе это не поможет. Цель — *отсрочка*. Мы просто обязаны задержать их до рассвета. Да, они могли бы добраться до нас при наличии достаточного свободного времени. Мы им этого не позволим. Мы сами доберёмся до них первыми.

Лорд-контролер снова посмотрел на линии, сходящиеся в направлении Протаркоса. Ему было плевать, что случится с ульем. Это был не его город, а всего лишь место командования. Вот и всё. Ему принадлежала вся планета целиком.

Эвальд Стиванг уничтожил бы все районы Протаркоса, если бы это потребовалось сделать для спасения

Галаспара. На рассвете средства для этого самого уничтожения окажутся у него в руках. А пока что он даст захватчикам возможность почувствовать, что их ждёт. Изоляция командного центра была всего лишь первым шагом.

Оставалась ещё одна линия обороны, которую можно было обрушить на оккупантов.

— Собрать Вырожденцев, — распорядился он. Их существование было тёмным пятном на установленном Орденом порядке, и всё же их не стали истреблять целиком. Они представляли собой силу, пускай и отвратительную. В кругах галаспарской элиты бытовало мнение, что рано или поздно Вырожденцы окажутся полезными. В связи с этим их отбирали и изолировали, поколение за поколением.

И вот теперь их день настал.

Глава 9

Обратный путь от генераторного зала оказался долгим. Теперь, когда гравифты утратили работоспособность, единственным для роты способом вернуться наверх стал длительный пеший марш. В северо-восточной части зала прямо наверх уходила шахта, металлические лестницы огибали её стены бесконечной головокружительной спиралью. Примерно через каждые пятнадцать метров лестница проходила через вентиляционную камеру или же узкую дверку технического обслуживания.

Барразин повёл своих людей вверх по лестнице, и Калас Тифон не отставал от командира.

— Долгий подъём навстречу войне, первый капитан, — заметил Тифон.

— Разделяю твоё разочарование, боец. Надеюсь, что она сама придёт нам навстречу.

Барразин ускорил шаг, словно бы и сам ощущал близость этого гипотетического рандеву. Тифон последовал его примеру. Он верил в своего командира. Барразин с честью провёл Первую великую роту через бойню Протаркоса и никогда не сдерживал свою руку. Тифона одолевали сомнения, что терранская половина Гвардии Смерти сможет быть настолько безжалостной, как того требовали ситуация и сам Мортарион. Калас знал, что на данный момент в рядах Четырнадцатого нет ни одного ротного капитана с Барбаруса — эти должности занимали куда более опытные терранцы, и в своих осторожных предположениях опасался, что они окажутся чересчур мягкотелыми. Барразин наглядно продемонстрировал Тифону, насколько сильно тот заблуждался. Первая великая рота сражалась как единое целое, словно продолжение руки самого Мортариона. Дух примарха вселился в Четырнадцатый легион.

«Ведь мы все до единого — его сыновья».

Звук взрыва раздался издали, приглушённый стенами, но всё-таки слишком близко, чтобы быть результатом действий сражавшихся в верхней части улья подразделений Гвардии Смерти. Шахту начало трясти, толчки становились всё сильнее и сильнее, а температура воздуха возрастала. Барразин остановился; это был первый момент неуверенности, который Тифон видел у своего боевого командира.

— Что такое? — спросил Тифон.

— Я не знаю.

Грохот стал оглушительным, а вместе с ним пришло шипение обезумевшей змеи.

В тридцати метрах выше шахту осветило ярко-красное свечение.

— Все вон с лестницы! — взревел Барразин. — Выбрать любой ближайший выход! Похоже, что они взорвали один из своих очистительных заводов!

В шахту хлынул поток расплавленной руды — чудовище явилось, чтобы сожрать Первую роту.

Ближайшая к Тифону дверь техобслуживания осталась в нескольких метрах позади. Он помчался вниз по лестнице, перепрыгивая по четыре ступеньки за раз. Барразин двигался сразу же позади него, крича в вокс и призывая легионеров своей роты увеличить скорость. Тифону казалось, будто он очутился в жерле вулкана. Авточувства его шлема замерцали предупреждениями. Завывающая, ревушая и шипящая руда подступала всё ближе и ближе, а дверь располагалась слишком далеко.

Стены шахты раскололись. По правую руку от Тифона разверзлась трещина, и он бросился прямо в неё. Когда легионер прыгнул, вокс наполнился воплем агонии Барразина, а затем на Тифона обрушился поток оранжевого расплава. Слеплённый болью Гвардеец Смерти влетел в разлом и моментально устремился внутрь, сквозь распадающуюся структуру стены. Следом за ним полз узкий поток руды. Тифону удалось пробиться, заставив металл лопнуть, но сразу же после этого легионер рухнул во тьму, а вслед за ним полетели полосы руды. Калас ударился о смятую грудку металлолома, и на него посыпались обломки. Он оттолкнул грудку мусора, с трудом дыша из-за её веса, и изо всех сил стараясь не оказаться раздавленным и обожжённым.

Наконец обрушение закончилась, и блеск просачивающейся сквозь трещины руды потускнел до угрюмо-красного оттенка.

Металл заскрипел по броне легионера, давящий, словно длань божья. Тифон успокоил дыхание и попытался пошевелиться. Он ничего не видел. Циклическое движение воспроизводилось линзами шлема как рассеянные тепловые узоры, и ничего более. Однако как только Тифон пополз вперёд, на его пути оказалось открытое пространство. Для существа габаритов Астартеc его едва хватало, и всё-таки это был путь, так что Гвардеец Смерти выбрал его.

Вокс царапал ухо Тифона взрывами раздражающих помех. Легионеру показалось, будто бы он уловил фрагмент передачи, слог или два, чей-то крик. Он попытался выйти на связь, но никто не ответил. Пожары и повреждения блокировали связь. Калас остался один.

Тифон понятия не имел, насколько глубоко он провалился и где находится относительно своих товарищей. Он двигался по единственному доступному маршруту, становясь бочком и наклоняясь, поднимаясь и опускаясь, извиваясь взад-вперёд до тех пор, пока полностью не потерял ориентацию. Всё это время легионер продвигался через крошечный мрак. Всё это время он находился на грани.

По прошествии некоторого времени окружающее Гвардейца Смерти пространство расширилось, и он смог двигаться быстрее. Внезапный наклон застал его врасплох, и Тифон упал. Некоторое время он летел сквозь открытое пространство, а затем приземлился во что-то, напоминающее воронку. Тифон скатился по всей длине одного из её бортов, поднимая брызги солоноватой воды.

Когда он наконец-то остановился, появилось немного света — вполне достаточно, чтобы его линзы смогли усилить своё восприятие и показать владельцу шлема, где же он находится. Как оказалось, Тифон приземлился посреди громадного мусоросборника. Покрытые холмами нечистот, гниющей органики и всяческих обломков борта спускались к резервуару смердящей грязи, забитой плавающим

мусором. Удушливая вонь казалась настолько густой, что ощущалась даже на вкус. Над грязью проплывал тонкий слой фосфоресцирующего зелёного тумана.

Воронка заставила Тифона прокатиться на полпути вниз по склону. Он посмотрел наверх. В нескольких сотнях метров от его позиции пол выравнивался, что предоставляло определённую надежду выбраться отсюда.

Гвардеец Смерти начал подниматься, но оступился, когда скользкие обломки под его ногами зашевелились. Холм на полпути к цели обрушился, и вдруг из-под него выскочил гражданский. В мусорщике едва ли можно было распознать человека. Его покрытая грязью кожа отличалась бледностью и пористой фактурой, как у грибов. Она слишком плотно облегла его долговязое тело, заставляя конечности и углы суставов казаться чересчур длинными и неестественными. Череп галаспарца был длинным и лысым, во рту не осталось ни единого зуба, а почерневший язык то и дело облизывал тонкие, гноящиеся губы. Зрачки мусорщика расширились, заполнив глазные яблоки и превратив их в блестящие чёрные шары. Из его рук выскользнул кусок капающей материи, которую он жевал, и галаспарец склонил голову набок, а затем улыбнулся.

— Милости прошу к нашему шалашу, — пробулькала тварь полным мокроты и веселья голосом. — Раз уж ты пришёл сюда, стало быть, все мы в сборе наконец. — Мусорщик хихикнул, явно довольный избранной формулировкой, после чего указал на Тифона. — Я тебя знаю! А я тебя знаю!

— Не думаю, — пробурчал Тифон и пошёл дальше.

— Но я говорю, что знаю! — мужчина рассмеялся. — Правда это или ложь? — Обращался ли он к самому себе, Тифону или собственному лоскутному разуму — было непонятно, однако всё же ответил самому себе распевной чепухой. — Может, так, а может сяк, нить судьбы совьёт дурак.

Тифон ускорил шаг. Мусорщик старался не отставать.

— Но, — начал он. — Но, но, но! Вопрос не в том, откуда я тебя знаю. Вопрос в том, откуда это знание снизошло на меня. Ответ же — в том, что ты отказываешься познать самого себя.

Тифон замер. Его рука дёрнулась в порыве направить закреплённый на руке огнемёт в сторону мусорщика. Уродливый галаспарец склонил голову набок и опять улыбнулся, словно читая его мысли, и Тифон почувствовал, как нечто скребётся у него в голове в попытках залезть внутрь.

Мусорщик был псайкером, и прошёл по этой тропе весьма далеко. *«Вот почему Мортарион наложил запрет на колдовство. Вот что получается, если не подавлять психический недуг»*. Тифон знал, что должен продолжать двигаться вперёд, но извращённое любопытство удерживало его на месте. Внутри отстойника больше никого не было, так что никто не увидит, как он общается с мутантом. Несколько лишних секунд не повредят.

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду?

— Почему ты говоришь, что я отказываюсь познать самого себя? — это обвинение обеспокоило Тифона. Ему не следовало оправдываться перед этим существом. И всё же легионеру хотелось, чтобы мусорщик признал свою неправоту.

— Это я сказал? — напряжение оставило голову Тифона, когда собеседник обратил свой допрос на

самого себя. — Точно. Как же грубо. Не об этом, не об этом стоило мне говорить. Ох, как всё-таки непросто свить как надо эту нить, — псайкер покачал головой, резко шлёпнул себя по щеке и убежал прочь. Через несколько шагов гряда мусора под ним рассыпалась, и фигура мутанта исчезла из виду под горой мерзости.

Тифон уставился на то место, где только что находилось существо. Свечение завертелось вихрем, но затем успокоилось. Совсем рядом послышалось жужжание неистойвой тучи мух.

Тифон продолжил своё восхождение, стараясь не обращать внимание на пульсацию в висках. Достигнув вершины воронки и ступив на ровную поверхность, он вновь приблизился к грохоту войны. За стенами отстойника рычали двигатели и грохотали взрывы. В стене напротив Тифона располагалась ангарная дверь, и он побежал к ней.

Стена взорвалась, в помещение ворвался огнемётный танк, а за ним ещё один. Первый изрыгнул в сторону легионера пламя с близкой дистанции.

Всё вокруг окрасилось красным. Чудовищный ветер поднял Гвардейца Смерти в воздух и швырнул наземь. Ошеломлённый Тифон ничего не слышал и не видел несколько долгих секунд. Затем боль в голове прошла, и к нему вернулась ясность мышления. Звук двигателей тоже исчез. Вокруг потрескивало пламя.

Тифон поднялся на ноги. Дверь в отсек мусоросборника была выбита взрывом, между ним и выходом лежали тлеющие остовы танков. Он не мог сказать точно, сколько их было. Они как будто бы сплывались воедино, превратившись в расплавленную, искривлённую массу металла, из которой ручьями стекал пылающий прометий.

«Ты отказываешься познать самого себя».

Слова показались ему не столько воспоминанием, сколько шёпотом на ухо.

Калас Тифон выбежал из комнаты, в равной степени желая избежать шёпота и найти своих братьев. Он вышел в широкий коридор, и с обеих сторон к нему подбежали две группы легионеров.

— Твоя ловушка сработала наилучшим образом, брат, — сказал один из них. — Они бы ещё какое-то время блокировали наше продвижение.

— Удачный момент, да ещё взрывчатка, — отозвался Тифон. — Ты бы сделал ровно то же самое, брат.

«Лжец. Его собрат по легиону нипочём не сделал бы подобного».

«И я тоже не стану. Никогда больше».

После того, как рота Барразина вывела из строя генераторы, Гвардия Смерти некоторое время продвигалась по улью в ускоренном темпе. В отличие от неприятеля, легионеры могли видеть. Они прорвались сквозь вражеские ряды, подобно воплощённым ночным кошмарам. Мортарион ощущал ужас и отчаянье солдат Ордена, словно они были физической средой, через которую он мчался — средой, сотканной из их криков и смертей. Боевых химикатов Ордена оказалось недостаточно, чтобы рабы могли преодолеть ту беспомощность, которую они чувствовали перед проходившими сквозь них бронированными гигантами. Лишённые воздействия дурмана командиры впадали в ужас ещё быстрее, с куда более разрушительными последствиями. Во все времена они были творцами страха, под пятой

которых страдало население Галаспара. Оказаться жертвой резни для них означало столкновение с чем-то, что разум вынести не мог. У многих из защитников Галаспара даже не было источников света, так что они начали визжать от паники ещё до того, как Мортарион обрушился на них.

На период этой кампании во тьме Мортарион больше не вёл войну против вооружённого противника. Он уничтожал гнездо насекомых. И когда примарх вместе с Саваном Смерти поднялись выше, разрозненные отряды XIV легиона вновь сошлись. Мортарион прослушал вокс-трафик и сформировал для себя общую картину происходящего. Барразин, должно быть, всё ещё находился далеко внизу, поскольку связь с его ротой отсутствовала. Обратный путь от генераторов будет долгим, поскольку все до единого гравифты не работали. В свою очередь, остальные легионеры устремились на достижение общей цели.

Улей практически оказался у него в руках. Орден пребывал во власти анархии.

Как только Мортарион достиг основания центрального шпиля, войдя через главный зал замершего мануфактура, оборона стала столь же интенсивной, сколь и отчаянной, но всё это не имело ни малейшего значения. Портативные источники света предоставили солдатам возможность снова увидеть путь вперёд, и, несмотря на свой ужас перед Гвардией Смерти, они атаковали.

Галаспарцы продвигались в ещё большем количестве, чем раньше, что Мортарион едва ли считал возможным. Цифры были гротескными. Волны из тел куда больше походили на стены. Впрочем, это не имело значения. Цель была близка, а цифры — неактуальны. Попытки Ордена бежать наперегонки со временем были обречены. Мортарион и его отряд пробирались сквозь солдат, рассекая их на куски ударами силовых кос. Жертв было так много, что воздух превратился в густой туман из крови и испаряющейся плоти.

Громадные машины мануфактура, где сотни людей работали и умирали каждый день, казались огромными тёмными фигурами на краю поля зрения Мортариона. Пол кишел солдатами, копошившимися, словно личинки. Примарх рубил Безмолвием вперёд и назад, вражеские тела взрывались под его ударами. Он увидел, как из дальнего конца помещения в зал хлынуло ещё больше солдат — малиновое движение в инфракрасном свете.

Они нипочём не смогли бы изменить ситуацию. Все их усилия были бессмысленны.

Несколько минут спустя примарх пересёк мануфактуром, пройдя прямо через багряный «туман».

— Барразин, — Мортарион предпринял очередную попытку связаться со своим первым капитаном. — С каким уровнем сопротивления вы столкнулись? — Терсус и другие отделения уже сообщили, что на пути к основанию башни встретили не меньше врагов, чем сам примарх.

Барразин не ответил. Вместо него прозвучал иной голос.

— Первый капитан Барразин мёртв, лорд Мортарион. На связи легионер Тифон. В настоящий момент рота перегруппировывается, ожидаем ваших распоряжений. Мы столкнулись с кое-каким сопротивлением, но сломили его. Вот уже какое-то время не видели ни единого врага. Улей наш.

Утрата Барразина заставила Мортариона скривиться. Капитан Первой служил могучим объединяющим фактором. Но Гвардия Смерти представляла собой нечто большее, чем её офицеры, и больший процент последних из числа уроженцев Барбаруса был совершенно необходим.

— Понял тебя, легионер, — сказал Мортарион. — Теперь ты сержант, Калас Тифон.

«Улей наш».

«Ещё нет. Не в этом районе, что особенно важно». Враг предпринял последнюю попытку помешать Гвардии Смерти добраться до командного центра. «Они пытаются сделать именно то, о чём ты говорил раньше, Барразин. Надеются задушить нас трупами. Мне жаль, что ты не можешь узнать, насколько был прав».

Мортарион переключил вокс-канал, чтобы обратиться ко всем своим легионерам.

— Орден в отчаянном положении, но не принимайте его отчаянье за поражение. Они тянут время. Действуя без промедления, мы не позволим им одержать победу.

Одна из дверей за мануфактуромом вела к широкой лестнице. Её построили для того, чтобы спускать сотни рабочих единиц с верхних уровней стремительным потоком марширующих рабов, однако на сей раз их заменили солдаты. Они успели произвести лишь один-единственный залп из лазвинтовок, прежде чем Мортарион ответил им своим «Лампионом», а Саван Смерти обрушил на защитников Протаркоса шквал огня из своих наручных огнемётов. Обогащённый химикатами прометий горел куда дольше и формировал газовое облако, которое растворяло лёгкие после одного-единственного вдоха. В наступившей тишине, поднимаясь по дымящимся скалобетонным ступеням, Мортарион активировал запись.

Залы улья больше не отзывались эхом повторяющейся пропаганды Ордена. Барразин заткнул этот голос. Мортарион обратился к населению с новым сообщением.

— Граждане Галаспара, — начал он, — час вашего освобождения близок. Гвардия Смерти пришла за Орденом. Мы — его погибель. Не сопротивляйтесь нам. Не страшитесь тьмы. Оставайтесь за дверями. Не покидайте убежища. Дождитесь рассвета, и вы обретёте свободу.

Закончив запись, примарх отправил её по всем ротным вокс-каналам.

— Я хочу, чтобы каждое отделение проигрывало эти слова через вокс-трансляторы, — приказал он. — Делайте это до тех пор, пока остаётся враг, с которым нужно сражаться.

Командиры каждого подразделения отозвались о подтверждении получения команды. Доклады поступали быстро, ибо всё больше и больше отделений объединялись в более крупные формации.

Затем по улью прокатился гул. Мортарион чувствовал его у себя под ногами, приближаясь к вершине очередной очищенной от жизни лестницы. Вибрация была стабильной, она не увеличивалась и не уменьшалась. Как будто двигалась что-то массивное.

«Ответный ход Ордена. Это важно».

Мортарион зачистил последнюю лестницу. Внезапно промелькнувшая мысль о том, что все его старания обернутся ничем из-за недостаточной скорости, заставила примарха встревожиться.

Лестница оканчивалась железными дверями. Мортарион сокрушил их одним-единственным ударом и ворвался в располагавшееся за ними помещение.

Когда повелитель Гвардии Смерти вошёл, вибрация прекратилась — словно после могучего удара по хребту этой области улья. Источник тревоги казался близким, и даже очень. Как только Мортарион ступил в этот зал, у него возникло чувство, будто бы солдаты внутри видели несколько мгновений назад нечто, которое он упустил.

Тревожность нарастала.

Зал представлял собой караульное помещение, рассчитанное на тысячу человек — и все они присутствовали здесь на самом деле. Лазерные турели располагались по бокам от тяжёлых дверей на противоположной стене. Мортарион сразу понял предназначение этого зала. Он был местом для последней битвы, где не было ничего, кроме открытого пространства, где можно было собрать защитников и бросить их на незваных гостей в последней атаке. Ничто не украшало ни стены, ни потолок, мебели не было вообще. Просто свободное пространство, в пределах которого можно было убивать и умирать.

Лишь немногие из защитников были солдатами. Все остальные представляли собой мутировавших человеческих существ, чья искривлённая замысловатыми образами плоть указывала на принадлежность своих обладателей к виду, по отношению к которому Мортарион испытывал особую ненависть. Черепа многих из этих тварей были настолько раздуты, что сгибали шеи, на которых они находились, или даже заставляли своих владельцев передвигаться на четвереньках. У многих по центру лба росли третьи глаза. Нечистая орда издавала непрекращающийся стон, каждая из особей тонула в пытке, которую для них представляло само существование. Образ лазерных турелей у дверей исказился, из ниоткуда в воздухе возникли капли крови.

— Псайкеры, — прошипел Мортарион. Несчастные люди, телесные воплощения колдовства, они заслуживали только милость истребления.

Солдаты кричали и щёлкали кнутами, и в тот же момент, когда турели открыли огонь, сотни мутантов атаковали примарха. Теперь Мортарион и Саван Смерти превратились для них в средоточие терзавшей их боли. Псайкеры вопили и рвали материальное пространство. Пол впереди них задрожал и начал разжижаться. Разрывы в воздухе изрыгали стремительные потоки кислоты. В самом центре зала разразился спиралевидный варп-вихрь, заблокировавший продвижение Мортариона. Он казался особым оскорблением, ответным ударом после того, что примарх обрушил на Орден своей вихревой гранатой.

Разлом стал ещё шире, когда Мортарион попытался обойти его. Впереди образовалась трещина в реальности, и кипящие потоки сталкивающейся материи и варпа окатили его своей смертоносной энергией. Полученный ущерб был силён, психическая коса повернулась навстречу Мортариону. Поверхность его доспехов отслоилась и потекла. Его сущность, от кожи до самого ядра, начала размываться. Душа повелителя Четырнадцатого корчилась, а разум содрогался от взрыва болезненных воспоминаний, все как одно отрывочных и в то же время столь же реальных, как и зал, в котором он сражался. Прошлое и настоящее слились воедино, и примарх всеми силами пытался их разделить. Боль от бури воскресила ту самую боль, что Мортарион испытал перед крепостью своего приёмного отца на Барбарусе, когда его тело сразили токсины.

Буря взвыла и настигла одного из воинов Савана Смерти, который безмолвно исчез в пасти разлома. Мортарион зарычал, задействуя всю свою силу воли и физическую мощь, чтобы превозмочь боль, и продолжил двигаться вперёд, в то время как за ним кружился поток крови и разжиженной плоти.

«Колдовству меня не сломить».

Не так близко к цели. Не такими грязными играми. Он искоренил колдовство на Барбарусе. Точно так же случится и здесь.

Мортарион продолжал идти, хотя и чувствовал себя на грани распада. Он достиг края бури и обстрелял его из «Лампиона». С каждым выстрелом взрывалась голова одного из псайкеров, и вихрь задрожал.

Края разлома сузились, и прошлое начало терять свою хватку, превращаясь в воспоминания о былом. Примарх рванулся вперёд, и в пределах его досягаемости оказалось ещё больше мутантов. Он перестрелял их всех, и буря начала рассеиваться. Теперь он мог видеть оружейные башни, и прежде, чем цель успела отреагировать, повелитель XIV легиона выстрелил первым. Энергетические взрывы расплавили стволы пушек, и турели взорвались, испепелив множество оказавшихся поблизости псайкеров.

Буря исчезла. Задыхаясь от боли после полученных ран, Мортарион усилием воли заставил себя не пошатнуться. По центральной части его нагрудника шла глубокая трещина, достигавшая самого ядра его существа. Примарх ощущал себя разделённым, как будто его разорвало бы напополам в случае одного-единственного неверного шага, и физический урон всё ещё был наименьшим из полученных повреждений.

Мортарион зарычал и заставил себя сосредоточиться на месте. Теперь мутанты визжали от страха, и всё пространство зала содрогалось от ужаса при наступлении примарха. Его терминаторы направили свои наручные огнемёты на солдат и выпустили широкий веер огня, окутавшего псайкеров. Мортарион устремился вперёд, окружённый пеленой горящего прометия, и пожинал с мутантов кровавый урожай при помощи Безмолвия. Прежде, чем он достиг середины зала, двери слева и справа взорвались, и к битве присоединились свежие отделения Гвардии Смерти. В скором времени их стало ещё больше, в числе прочих прибыла и команда Терсуса. Менее чем через минуту ничего живого из числа рождённых на Галаспаре внутри зала больше не оставалось. По неподвижному теперь полу растекалась зелёная кислота. В воздухе раздался вскрип, а затем всё стихло.

Мортарион позволил себе роскошь остаться на месте. Он дышал глубоко и целеустремлённо, загоня всю боль на задний план своего сознания, где ей и положено было оставаться до самого конца войны.

«*Биться можешь?*» — спросил он самого себя.

«*Да*».

«*Тогда бейся*».

Отделения продолжали прибывать. «*Мне бы следовало порадоваться*», — думал Мортарион. Все его легионеры достигли этой точки вне зависимости от того, какой путь они избрали, практически в одно и то же время.

Примарху хотелось ощущать удовлетворение, а не страх.

«*Мы действовали с исключительной быстротой*».

«*Но нам следовало быть быстрее*».

Мортарион подошёл к дальним дверям. Они сильно обгорели при уничтожении башен, но в остальном казались целыми. Впрочем, их средства управления были разрушены, сожжённые лазерным огнём. Орден сделал это сам.

Терсус присоединился к своему господину у двери.

— Как вам кажется, командный центр располагается по ту сторону? — спросил он.

— Нет. Я уверен, что его защита окажется лучшей, чем то, с чем мы столкнулись здесь. И всё-таки этот зал тщательно охранялся.

Двое легионеров разместили по центру дверей подрывные заряды. Когда мелта-бомбы взорвались, от жара металл сделался раскалённо-синим, а затем потёк, словно воск свечи. Двери разошлись в стороны, обнажив то, что скрывалось за ними.

— Да они ничего не защищали, — растерянно произнёс Терсус.

С другой стороны дверей находились лишь груды обвалившегося скалобетона.

Глаза Мортариона сузились, и он сжал губы в напряжённой гримасе гнева.

— Защищали, — процедил он. — Одна задержка здесь, другая там — вот их защита, — прошипел примарх. — Они поработали на славу. Здесь располагался путь к командному центру. Шахту полностью разрушили, а ведь это была единственная точка проникновения. Они создали барьер, а затем помешали нам увидеть его. Близится рассвет. Для нас дорога каждая секунда, а они украли у нас немало времени, — прорычал Мортарион. — Мне нужны показания авгура.

Один из легионеров Терсуса подбежал к новой конфигурации внутри шпиля и просканировал её.

— Гляди, — сказал Мортарион, указывая на экран. — Над нами нет ничего, кроме сплошного скалобетона. А теперь обрати внимание на показания повреждений в самом центре. Прежде там располагался вал, а теперь его нет.

— Сверху всё ещё отслеживаются активные сигналы и показания энергии, — заметил Терсус.

— Да. На весьма изолированной территории. Это и есть наша цель, и мы обязаны достичь её в ближайшее время.

Мортарион едва закончил говорить, как легионер Невак связался с ним по воксу. Невак был одним из часовых, оставленных Гвардией Смерти на внешних укреплениях улья. Как только Мортарион услышал его голос, он понял, что легион опоздал.

— *Лорд Мортарион, — докладывал Невак. — Зафиксировано движение на северо-западе. Приближаются механизированные силы противника.*

Ночной переход оказался долгим. Арравусу Тосаррату, верховному контролеру Пейтаркии, приходилось сдерживать себя, чтобы не приказать танкам двигаться вперёд на полной скорости. Поступить таким образом значило оставить пехотные части позади. Он бы этого не сделал. Тосаррат намеревался прибыть в Протаркос во главе полной, объединённой мощи своего улья. Армии других городов не отставали, однако Пейтаркия был вторым по величине ульем Галаспара и, кроме того, располагалась ближе всего к Протаркосу. Именно Пейтаркии и её контролеру доставалась вся слава первого удара контрнаступления. Кроме того, ввиду положения Пейтаркии Тосаррат обладал всей полнотой власти над полевыми армиями. Разумеется, окончательное поражение врага станет заслугой лорда-контролера Стиванга, однако роль Тосаррата, согласно его расчётам, сослужит ему добрую службу в отношении его статуса в Ордене.

На Тосаррате был надет полный защитный костюм, так что он мог сидеть в открытом люке башни танка. В костюме было жарко и неудобно, но он сохранял ему жизнь. Концентрация ядов в воздухе прикончила бы его за считанные минуты. Верховному контролеру хотелось ехать так, чтобы видеть всё вокруг себя. Зрелище представлялось волнующим. Его танк располагался в центре передней шеренги, а слева, справа и позади него двигались тысячи и тысячи танков — насколько он мог видеть, их колонны

тянулись во всех направлениях. Между формациями бронетехники маршировали солдаты, чья энергия поддерживалась боевой химией. Войска разделились на роты по тысяче танков и сто тысяч солдат, каждая под командованием своего собственного генерала. Здесь были миллионы бойцов, армия, покрывавшая всю окружающую территорию. Земля содрогалась от грохота гусениц и топота ботинок.

И ещё миллионы маршировали неподалёку. Армии других ульев демонстрировали хороший темп мобилизации. Они соединятся с его воинством вскоре после того, как он подойдёт к Протаркосу. Объединённый гнев городов-ульев обрушится на захватчиков и сметёт их с Галаспара. Ничто не сможет противостоять этому. С такой армией Тосаррат мог обойти все города и сровнять с землёй каждый.

«В некоторой степени это и предстояло сделать. Стиванг высказался предельно ясно. Не останавливаясь ни перед чем, лишь бы уничтожить врага. Если для этого потребуется разрушить стены Протаркоса — что ж, да будет так».

Ночь в ожидании боя казалась долгой. Тосаррат просидел в башне на протяжении всех часов тьмы, неспособный видеть дальше, чем на расстоянии нескольких сот метров, освещаемых фарами танков. Впрочем, за исключением однообразия потрескавшихся пустошей, смотреть там было не на что. Ядовитый ветер сглаживал все очертания местности, и в резких дугowych огнях танков ландшафт казался выцветшим, словно превратился в кость и потрескавшуюся кожу. Часы тянулись бесконечно. Донесения из Протаркоса были мрачными.

— Мы будем там, — пообещал Тосаррат Стивангу. — Рассвет близок, а с ним придём и мы.

Не прошло и часа, как крошечная тьма ночи постепенно уступила место серому, а затем и грязно-коричневому цвету утра. Моторы танков, казалось, зазвучали громче, словно решили встретить рассвет своим рвением. Тосаррат наклонился вперёд, пытаясь получше разглядеть окружающий пейзаж. Воздух поплыл от призматических токсинов. Пыль щёлкала по его защитным очкам.

Из мрака возник силуэт Протаркоса. Сначала он был всего лишь тенью, но затем превратился в настоящего исполина. Тосаррат изумлённо замер, увидев громадный корабль, вонзившийся в верхнюю часть улья подобно кинжалу, пробившему сердце. На миг это зрелище заставило его усомниться.

«Если враг способен на подобное...»

Он отвёл взгляд от корабля, после чего снова окинул взором своё бесконечное воинство. Это его успокоило. Плевать, на что способны захватчики. Их флотские силы сдерживались орбитальной обороной, так что неуязвимостью они похвастаться не могли. Теперь пришло время наказать их за то, что они осмелились ступить на Галаспар.

Тосаррат нырнул обратно в тесное, вонючее внутреннее пространство танка.

— У нас всё ещё есть связь с лордом-контролером?

— Так точно, верховный контролер, — офицер связи передал ему трубку.

— Мы вас видим, — обратился Тосаррат к Стивангу.

— *Нам удалось пережить эту ночь.* — Канал разрывался от помех, и тем не менее, Тосаррат сумел уловить смесь напряжения и облегчения, боровшихся друг с другом в голосе Стиванга. — *Ты принёс нам победу.*

Мортарион в сопровождении Терсуса помчался к наблюдательному пункту Невака. Его установили совсем недавно, и дорога не заняла много времени. Доступ к этой точке лежал через дыру, пробитую во внешних стенах основания башни. На такой высоте бушевал сильный ветер. Яды галаспарской атмосферы смешивались с воздухом Барбаруса в дыхательном аппарате Мортариона, ещё сильнее скрепляя связь между этим миром и родиной Жнеца, усиливая потребность примарха в освобождении его жителей.

Земля едва виднелась сквозь грязную дымку, однако подкреплений Ордена было сложно не заметить. Этот живойдвигающийся ковёр насекомых покрывал землю на северо-западе до самого горизонта — армия колоссальных размеров и мощи.

Неподалёку виднелись орудия планетарной обороны. Пока Мортарион наблюдал за ними, орудия продолжали стрельбу, оглушительный грохот пушек было слышно отовсюду — словно гремел барабан, удерживающий флот как можно дальше.

После выстрелов орудия откатывались, и массивные перезаряджатели вставляли новые снаряды. Медлительные, тяжёлые, повторяющиеся движения превращали орудия в мифических зверей, монстров, по очереди стреляющих в богов. Издалека, за пределами поля зрения, доносилось эхо других ударов. У Ордена всё ещё были когти, невзирая на увечья, нанесённые ему Мортарионом.

Примарх посмотрел назад и вверх, на шпиль башни. Он исчез.

— Это ведь не мы его уничтожили, верно? — поинтересовался Терсус.

— Его вовсе не уничтожили, — пояснил Мортарион.

Прицел «Четвёртого всадника» был точным. Гвардия Смерти ударила по улью настолько высоко, насколько было вообще возможно, не уничтожив цель. Глядя на приземистое основание башни, примарх понял, что произошло.

— Они сами убрали его. Вот что за вибрацию мы почувствовали. — Гвардия Смерти захватила улей целиком, за исключением одного-единственного места, которое было наиболее важным. — Мы должны взломать последний вражеский редут прежде, чем подкрепления уничтожат улей, и нас с ним заодно. Нам нужна поддержка флота. — Мортарион подумал о том, где показания авгуров регистрировали наибольшее скопление сигналов. Между тщательно укрытым командным центром и позицией Гвардии Смерти лежало тридцать или более метров сплошного скалобетона. На прорыв уйдут часы, и к тому времени станет слишком поздно. Должен быть иной, более быстрый путь.

Скопление сигналов отмечалось довольно близко к вершине шпиля.

Мортарион осмотрел башню снаружи. Вдоль неё, равно как и вдоль остальных стен улья, располагались защитные турели. Те, что стояли внизу, были инертны, полностью лишённые энергии. Те, что были установлены на башне, крутились взад-вперёд в поисках цели. Они питались от генераторов, установленных внутри бункера, что прежде служил основанием башни. Дозорный пост Невака находился под прикрытием нависающего скалобетона, обеспечивая Гвардейцам Смерти внутри неплохую защиту от огня турелей. Орудия были мощными, вполне способными сбивать приближающиеся к улью самолёты. Их создавали без расчёта на отстрел воинов, карабкавшихся по стенам. Прицелиться им будет непросто.

Но отнюдь не невозможно. В особенности если владык Ордена не беспокоит повреждение стен. Их бы попросту не было, если защита отличалась достаточной мощью.

Терсус, должно быть, проследил за взглядом своего господина.

— Атакуем снаружи? — спросил он.

— В точку, — ответил Мортарион. — Сверху и вниз через крышу.

— В любом случае, это займёт какое-то время.

— Да, но не настолько много. — Повелитель Гвардии Смерти снова обратил взор на приближающуюся армию и увидел, что нужно делать. — Малый отряд может совершить восхождение, если контратаку удастся ненадолго задержать.

Командный центр следует атаковать небольшими силами, в то время как остальные легионеры спустятся вниз и займутся сдерживанием танков. Если тяжёлая бронетехника сумеет прорваться и получит возможность ударить по внешней стене башни объединённой мощью своих орудий, от восхождения толку не будет. Если план провалится, а командный центр останется в руках противника, всё будет потеряно. Всё вторжение в систему Галаспар зависело от дополнительного времени, выигранного для восхождения бойцов к вершине башни.

Кулаки Мортариона сжались. Он предвидел возможность того, что ему придётся делать дальше, и всё же необходимость поступить именно таким образом выводила его из себя. На Барбарусе ему не удалось завершить освобождение планеты без вмешательства Отца, потому что примарх не смог подняться к расположенной среди наиболее ядовитых туманов горной крепости и сохранить достаточно сил, чтобы сражаться. И вот теперь ещё одно восхождение, которое он так и не закончит. Впрочем, возглавить небольшой отряд верхолазов в подобной ситуации означало выбрать лёгкий путь. Там в его участия нет нужды. Нет, силы примарха потребуются там, где сражение примет наиболее ожесточённый характер, там, где должны быть задействованы крупнейшие силы Гвардии Смерти и где решения командования будут иметь решающее значение. Его присутствие требовалось именно там, на земле, в открытом поле, во главе теперь уже менее чем десяти тысяч легионеров против миллионов вражеских солдат.

— Ты знаешь, что делать, — сказал примарх Терсусу.

— Так точно, лорд Мортарион.

— Возьми с собой отделение бойцов. Больше я выделить не могу.

— Одного отделения будет вполне достаточно.

— Ты понимаешь, насколько важен захват центра?

— Конечно.

— Задержка недопустима. — Мортарион не стал предупреждать его об осторожности в использовании фосфекса.

Терсус добрался до основания башни почти так же быстро, как и сам Мортарион. Он доверял своему боевому капитану совершить то, что должно.

— Задержки не будет, — пообещал Терсус, и в словах его звучала искренность.

— Чудно.

А теперь пора в бой. По крайней мере, между Галаспаром и Барбарусом существовала одна серьёзная

разница. Здесь Мортарион обойдётся без вмешательства Отца. Победа или же поражение — всё будет плодом его трудов, и только его.

Спустя несколько минут окрылённый яростью Мортарион спустился с рукотворной горы.

1. Funereus — в переводе с латыни «Похоронный».
2. Maestus — в переводе с латыни «Скорбный».

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мортарион:_Бледный_Король_/_Mortarion:_The_Pale_King_\(новелла\)&oldid=21690](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мортарион:_Бледный_Король_/_Mortarion:_The_Pale_King_(новелла)&oldid=21690)

Эта страница в последний раз была отредактирована 22 ноября 2022 в 19:43.